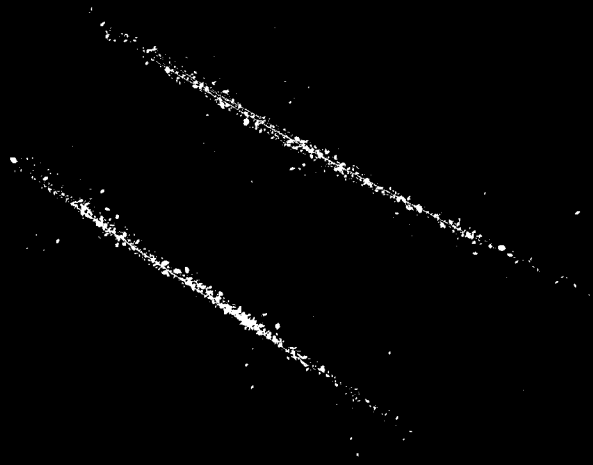

m o l o k o p l u s

НАРКОТИКИ

4	<u>от редакции</u>	<u>за права своих друзей</u> <u>и быть честным и справедливым»</u> Рия Голуб	98	<u>маленькая победоносная</u> <u>война с наркотиками</u> Мария Мурадова
6	<u>blueberry</u> Павел Никулин		106	<u>карта наркотрафика</u> Сергей Безухов
14	<u>кислота для Медведя</u> Андрей Каганских		108	<u>как бороться с наркотиками, простреливая</u> <u>коленки: опыт ирландских националистов</u> <u>из Radical Action Against Drugs</u> Александра Семенова
24	<u>«ЛСД-путешествия и космические полеты</u> <u>похожи во многих отношениях»</u> Евгения Офицерова		116	<u>смерть Хабиби</u> Юлиана Лизер
30	<u>the new yorker: лечение трипом</u> Майкл Поллан (перевод: Анна Швыркова)		118	<u>последние слова</u> Уильям Барроуз (перевод: Максим Немцов)
38	<u>сеть, которой не было: история French</u> <u>Connection и геополитика наркотрафика</u> Ксения Ермошина		134	<u>автор песни «с полчком»</u> <u>рассказывает о своей знакомой,</u> <u>которая гуляла с полчком в кармане</u> Константин Сперанский, Павел Никулин
48	<u>посадить Коротышку: история жизни</u> <u>наркобарона Хоакина Гусмана</u> Артем Асташенков		138	<u>книжная полка наркомана</u> Михаил Шубин, Евгения Офицерова
56	<u>«лучше бы я работал в офисе»:</u> <u>правила жизни наркоторговцев</u> Женя Томов		142	<u>почему наркодилеры продолжают</u> <u>жить со своими матерями?</u> Стивен Левитт, Стивен Дабнер (отрывок книги «Фрикономика»)
62	<u>на магните или в земле: как устроен</u> <u>Russian Anonymous Marketplace</u> Михаил Шубин		152	<u>глава 42. лекция в университете</u> <u>(голос Шуры)</u> Александр Шульгин, Энн Шульгина (отрывок книги «Фенэтиламины, которые я знал и любил»)
72	<u>american high</u> Capitan Fucker		162	<u>над номером работали</u>
80	<u>я не лгу, я завязала</u> Нина Абросимова			
86	<u>«потребитель наркотиков</u> <u>может бороться за свои права,</u>			

от редакции

Герой любимого сериала бывшего американского президента Барака Обамы «Прослушка» майор Колвин в одном из сезонов идет на смелый и дерзкий шаг. Чтобы снизить статистику преступлений в одном из округов Балтимора, полицейский решается на сделку с криминалом. Он легализует наркотики в выселенном квартале своего округа. Демонстрируя цифры на очередном брифинге, Колвин сознается: снижения статистики он добился, благодаря легалайзу. Начальство в бешенстве, полицейского отправляют в отставку, драгдилеров сажают, кривая преступности на полицейских графиках продолжает идти вверх.

Реальная жизнь от фильмов HBO отличается мало. Насилие, преступность и войны всегда приходят в жизнь общества следом за наркотическими веществами. По крайней мере до тех пор, пока эти вещества запрещены.

Как бы многие из нас ни пытались жить в мыльном пузыре — утверждать, что наркотики находятся в каком-то параллельном мире, довольно глупо. О них напоминают граффити «соли и миксы» в спальнях районах, реклама наркореконструкции на автобусных остановках и монотонные предупреждения об ответственности за сбыт из громкоговорителей в метрополитене. Не пройдет и недели, чтобы на улице не попалась изогнутая пластиковая бутылка с проплавленной дырочкой, раздавленный ногой шприц, нервный прохожий, осматривающий укромные уголки какого-нибудь двора в поисках «закладки», или блаженный торчок, замазавшийся рядом с аптекой.

Наркотики давно проникли в кино, музыку, книги. Попали в повестку района, города, страны, мира. С ними связывают имена великих и ужасных людей: и мировых звезд, и жестоких убийц.

Наркотики опасны и противоречивы. В одних странах легализуют и декриминализируют вещества, в других дилеров и потребителей приговаривают к внушительным срокам. Иногда их казнят. Иногда это делается без ведома полицейских, а порой и с их молчаливого одобрения.

Мы убеждены, что производство, перевозка, хранение и употребление наркотиков должны обсуждаться спокойно и здраво. Во втором номере нашего альманаха без страха, паники и пропагандистских штампов мы попытаемся понять, что толкает людей к употреблению и сбыту наркотиков, к каким последствиям приводит легалайз, а также тотальная и беспощадная война с запрещенными веществами.

Мы рассмотрим проблему с максимального количества сторон и расскажем вам про наркозависимых, мелких дилеров и глав картелей, про добровольных борцов с запрещенными веществами и про изобретателя одного из самых удивительных психоактивных веществ прошлого века — LSD.

тысячи лет коренные жители бассейна Амазонки готовят аяхуаску — наркотический отвар из лиан. Они верят, что этот напиток позволяет общаться с духами и дает целительские способности. Принимать аяхуаску лучше всего во время ритуалов шаманов-курандерос, культура которых распространилась по всему миру.

moloko plus публикует историю москвича Александра Тушкина, нашедшего аяхуаску и курандерос в ближнем Подмосковье.

текст Павел Никулин
фотография Юлия Лисняк

blueberry

«Максимально шизотерично»

Дом Саша узнал сразу: красивое двухэтажное здание, много дорогих тачек, припаркованных во дворе. Он остановил машину на улице у дома, вошел, огляделся. Деревянная мебель, узорчатый пол, странная компания в гостиной. Полтора десятка человек, почти всем до тридцати — молодые, обеспеченные. Обсуждают аюрведу, ароматерапию, астрологию.

Последнее было более, чем объяснимо. Шаманы-целители или курандерос, как их принято называть в Латинской Америке, которые через пару часов будут поить всех аяхуаской, подстраивают свои церемонии под лунный календарь.

«У шаманов все должно быть максимально шизотерично», — согласился Саша с таким положением дел.

А потом он подумал, что гости все-таки слегка припизднутые — когда узнал, что одна девушка притащила пить аяхуаску свою мать. Единственным человеком, который не увлекался эзотерикой и прочим New Age, был пришедший на церемонию хоккеист.

Саша знакомился со всеми и понимал, что его не покидает волнение. Перестать нервничать было невозможно. Он пытался помедитировать, отвлечься на разговоры, но ничего не помогало. Будущий ритуал его пугал.

— Слушай, я сторонник старой школы, читал Тимоти Лири. Я должен тебе доверять, — обратился Саша к шаманке Кате.

Та начала рассказывать ему про Перу, про то, как училась на курандерос.

Он слушал, но не успокаивался.

Святой Грааль для наркоманов

Если сравнивать прием наркотиков с экстремальным спортом, например, альпинизмом, то Саша к своим тридцати годам покорил все основные вершины. Он пробовал траву, MDMA и — Святой Грааль в мире веществ — LSD. Последний, пожалуй, до сих пор остается одним из самых редких наркотиков.

Перед тем, как попробовать LSD, Саша прочитал все пособия, найденные в интернете. Марки, прокапанные кислотой, которые он принимал, были прямоком из США: с перфорацией, прикольными рисунками и всем прочим. К приему веществ он

подходил ответственно, поэтому никогда не переживал бэд трипов. После того, как вопрос с LSD закрылся, Саша решил, что готов к новым вершинам.

«Мне хотелось чего-то иного. Чего-то такого, что выходит за рамки опыта обычного наркомана», — рассказывает Саша.

«Узнать, кто я такой»

Церемония начиналась с приема рапэ — перуанского табака. Принимать его полагалось с помощью специальной г-образной трубочки, перемотанной тесемками.

Катя вставила трубочку в нос Саше и сильно дунула. Табак попал в ноздрю. Невыносимо защипало нос, закружилась голова, глаза заслезились. Порошок начал впитываться в слизистую. Саше показалось, что внутри все горит. Потом вторая ноздря. Нос начало невыносимо резать, но никотин не успокоил, а заставил нервничать еще сильнее.

«Мне все равно было страшно. Будто предстоит какое-то выступление, а ты облажаешься», — говорит Саша.

— Никого не трогайте и ни с кем не разговаривайте. В идеале лучше вообще не выходите из комнаты, — давали последние наставления курандерос участниками ритуала, пока те стелили в комнате туристические коврики.

У каждого коврика лежало одеяло и стояло ведро для рвоты. За всю многотысячелетнюю историю церемонии аяхуаски не было ни одного умельца, который бы умудрился не сблевать, попробовав наркотический перуанский отвар. При этом шаманы тоже пьют аяхуаску, но их не тошнит.

Перед тем, как выпить аяхуаску, все участники ритуала взяли в руки лиану, из которой готовится напиток, и начали загадывать, что они от этого трипа хотят добиться и чего желают другим: достижений в жизни, гармонии со Вселенной и так далее.

**Я ХОЧУ УЗНАТЬ,
КТО Я ТАКОЙ, —
СКАЗАЛ САША И УЛЫБНУЛСЯ, —
А ВАМ ЖЕЛАЮ ПОМЕНЬШЕ
БЛЕВАТЬ**

— Я хочу узнать, кто я такой, — сказал Саша и улыбнулся, — а вам желаю поменьше блевать.

Ему очень хотелось развеселить товарищей по ритуалу. Все загадали желания, курандерос приглушили свет, зажгли свечи и начали монотонно петь. Черную-прёчерную аяхуаску разливали из бутылки из-под «Святого источника» каждому участнику в похожий на стопку сосуд из красивого резного камня.

— Ладно. Я хочу узнать, кто я такой, — повторил Саша, глядя на кусочки листьев, которые плавали в темной густой жиже в стакане, и немедленно выпил.

Кругосветка

Возможно, именно экзистенциальный поиск побудил Сашу отправиться несколько лет назад в кругосветку. Во время путешествия по Юго-Восточной Азии на острове Бали

в знаковом для всех нью-эйджеров городе Убуде он встретил Катю. Она всегда была довольно отстраненным человеком. С такими не станешь тусить по выходным, и о них постоянно ходят всякие странные слухи, но в эту встречу было понятно, что с миром обычных людей ее практически ничто не связывает.

«Ее взгляд не вызывал доверия и был холодным. В нем было нечто, что казалось чужим. То ли она сама по себе была такая, то ли воздействие наркотиков ее так сильно изменило», — вспоминал встречу Саша.

Катя рассказала ему, что была в Перу, где прошла обучение на курандерос, и что решила зарабатывать на жизнь, проводя ритуалы по аяхуаске. Звучало логично. По мнению Саши, шаманы и должны быть такими. Не от мира сего.

«Не блевать невозможно»

Напиток был похож на смузи, только со специфическим вкусом. Саше показалось, что он пил кубики. Никогда до этого он не представлял, что бывают такие странные вещества. Это не нефть, не пластик, не нечто горелое.

«Очень странная вещь, — говорит Саша, — и ты запомнишь этот вкус навсегда, потому что будешь блевать им на протяжении всего трипа. Не блевать невозможно. Ты должен проиграть аяхуаске».

Когда последний участник трипа опустошил рюмку, шаманы начали петь специальные песни икарос — неотъемлемую часть ритуала. Голоса странные, будто у стариков. У песен строгий порядок и смысл. Курандерос могут петь на удачу или на ловкость, на здоровье и богатство. У духа аяхуаски можно попросить что угодно.

Спустя полчаса Сашу все еще не накрыло. Он ничего не чувствовал, кроме тошноты, и уже начал загоняться. Он вспомнил своего приятеля, наварившего аяхуаски самосто-

ятельно, который тоже не почувствовал ничего, а только блевал весь трип и рамсил со случайно встреченными пьяными мужиками.

«Блин, неужели я стану именно тем человеком, которого не вставило?» — переживал он, пытаясь совладать со рвотой.

У всех остальных трип уже был в разгаре. Девчонка справа от Саши громко орала. Вокруг нее были курандерос, успокаивали в своей шаманской манере, пока она голосила на всю комнату: «Давайте все остановится!» У чувака, лежащего с другой стороны, началась странная моторная реакция. Он махал руками и неприятно сучил ногами, постоянно задевая Сашу.

Саша же сражался со рвотой. Получалось с переменным успехом: под конец первого часа он все-таки блеванул и удовлетворенно отметил, что не испытал по этому поводу неприятных эмоций. Спустя час начали предлагать добавку.

— Меня вот вообще не вставило. Можно мне побольше? — попросил Саша у курандерос.

Выпил вторую рюмку. Закусил яблоком. Вернулся на коврик. Через некоторое время Саша понял: начало накрывать.

Лиана мертвых

Аяхуаска — это двенадцатичасовой отвар лианы *Banisteriopsis caapi*. Для придания напитку психоактивных эффектов добавляются листья растений *Psychotria viridis* (чакрына) или *Diplopterys cabrerana* (чалипонга, или чагропанга). Готовое вещество является сильнейшим энтеогеном и галлюциногеном. Его традиционно варят шаманы из индейских племен бассейна Амазонки.

С испанского аяхуаска переводится как «лиана мертвых». Ее употребление — древняя перуанская традиция, которая насчитывает несколько тысячелетий. Аяхуаску употребляют для общения с манинкари —

духами. Считается, что в ходе трипа употребивший наркотик человек получит практические знания об окружающей природе и станет целителем.

У Саши было лишь примерное представление о том, чего ждать. В детстве он смотрел по «Первому каналу» Blueberry с Венсаном Касселем. По сюжету этого фильма главный герой пятнадцать минут экранного времени трипуует под аяхуаской. Режиссер пытался изобразить то, что обычно видит человек: визуальные искажения, постоянное движение стен и пола, спящих туда-сюда змей, черепах, жуков и сколопендр. Конечно же, это не было похоже на то, что предстояло испытать.

«Я не смог поговорить
с коллективным духом предков»

«Трип в аяхуаске — это как полет на космическом корабле. Все участники — пассажиры, — рассказывает Саша, — а пилотами являются шаманы. И пилоты тебе говорят: „А давайте теперь представим себе золо-

той шар, что он расширяется до пределов комнаты, выходит за нее на пять метров, что в него не могут проникнуть темные силы. Что никакие злые сущности не могут войти и выйти, а пространство шара внутри безопасное“. И это выглядит как космическое путешествие».

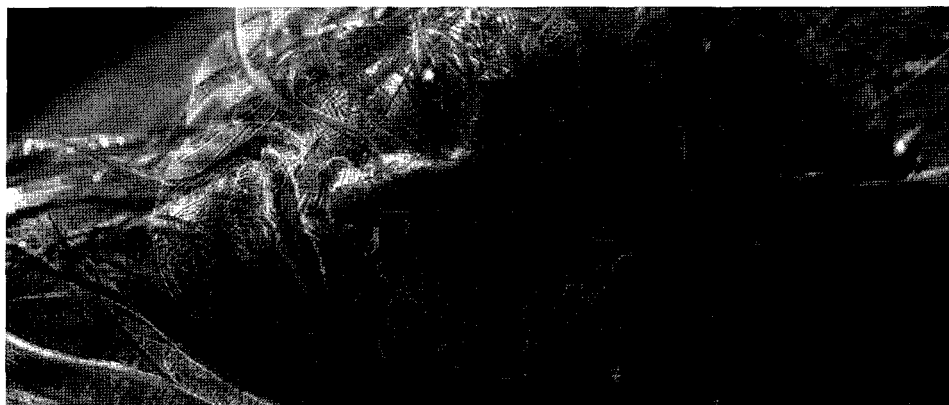
Все в комнате начало приобретать мистический смысл. Звук завибрировал. Странная шаманская музыка стала приносить удовольствие.

«Под музыку стало сильно раскручивать тело. Начало вставлять. И дальше уже очень трудно объяснить, что происходило. Кажется, что-то очень важное и непонятное. Я могу сказать, что делал, но почему это случилось именно так и какой это имело смысл, я, наверное, не скажу. Очень странное ощущение», — говорит он.

Начались видения, которые полагалось встретить в особой позе видений. Нужно было сесть в позу лотоса и опустить голову вниз на ладони, уперев локти в колени. Саша отметил, что в таком положении очень удобно блевать.

Лиана *Banisteriopsis caapi*

Кадр из фильма Blueberry

Саша видел и чувствовал, что через его кожу проступает скелет, он понимал, что все вокруг принимает свою истинную природу. Люди были похожи на каких-то призраков или на какие-то сущности и состояли из крапчатых геометрических фигур.

Из-за рвоты Саша не мог забыть, что находится под воздействием наркотика. Он пытался оседлать аяхуаску, словно волну, поговорить с ней.

«Ты даже можешь попросить аяхуаску, например, чтобы она вылечила сустав. До такой степени решаются практические задачи. Попросить совета, предсказания. Но я не могу сказать при этом, что получил ответ на свой вопрос. Я не смог поговорить с коллективным духом предков. Было страшновато», — вспоминает Саша.

Строгая диета и непередаваемый опыт

Сама по себе аяхуаска относится к непривычным для обычных потребителей препаратам. Это диссоциатив. Обычно люди принимают седативы, стимуляторы, психоделики. Аяхуаска — это принципиально другое вещество, которое вызывает принципиально другие ощущения, объясняет Саша.

Для того, чтобы быть готовым к ритуалу, необходимо придерживаться строгой вегетарианской диеты. Как минимум за неделю до трипа нужно воздерживаться от наркотиков, сигарет. Есть только рис, крупы, фрукты. Пить только воду. Никакого чая и кофе. Никаких половых контактов.

Кроме практически непередаваемого психоделического опыта, в аяхуаске подкупает то, что она безопасна. Никто не будет заниматься ее выявлением в организме человека.

«Это настолько редкая хрень», — говорит Саша.

«Лечь в позу младенца
и постараться поспать»

Пришедшую с дочкой маму начало отпугивать. Она испуганно и нервно ходила по комнате и постоянно говорила: «Ребята... Вы...» Женщина смотрела так, будто хотела задать какой-то вопрос остальным участникам трипа. Саша тоже пытался поделиться ощущением с кем-нибудь, но общаться было невозможно.

В соседней комнате шаманы разожгли огонь, можно было выпить чаю, подышать воздухом на улице. Советовали поспать.

«Когда окончательно отпускает, лучше заснуть. Ты проблевался, пережил стадии трипа, и в конце лучше накрыться одеялом, лечь в позу младенца и постараться поспать. Продолжаются видения, но они, как правило, приятные, — вспоминает Саша, — Но мне не удалось...»

Сашу постоянно трясло. Казалось, что все вокруг переполнено энергией. Будто можно было потрогать предмет, и он бы тут же начал вибрировать, словно наполненный электричеством.

Саша собрался, успокоился, умыл лицо, вышел и поехал домой.

Шаманские войны

В России информация об аяхуаске распространилась примерно в то же время, когда популярность приобрело «Учение Дона Хуана» Карлоса Кастанеды. Туристы из постсоветских стран хлынули в Перу и обнаружили, что там шаманы-курандерос не скрываются, подобно драгдилерам, а встречают иностранцев чуть ли не в аэропорту с табличками «Шаман. Аяхуаска. Туры», будто таксисты и рантье в курортных городах.

Позже восторг пошел на убыль. Выяснилось, что в Перу культура шаманов криминализирована. Говорят, что людей грабили и насиловали. Появлялись новости об убийствах в перуанских джунглях.

Еще Саша слышал, что шаманы могут использовать энергию участников ритуала, чтобы вести войны в психическом пространстве с другими шаманами. Для того, чтобы питаться энергией людей, курандерос держат их на диете из аяхуаски неделями.

«Они каким-то образом между собой взаимодействуют, и часто отношения у них враждебные. Они эксплуатируют людей, и если ты хочешь уйти, то они оставляют тебя, наливают еще аяхуаски. Ты постоянно находишься в этом трипе, — пересказывает

Саша. — Происходят грандиозные сражения! Может ли кто-то пострадать? Думаю, что да. Это может быть настолько страшно, что вызовет психическую травму».

Поэтому его не удивило, что курандерос начали переносить бизнес в Россию и рекламировать как более безопасный. Кроме того, проводить церемонии вдали от джунглей оказалось очень выгодно. Компоненты аяхуаски в России не запрещены, а перуанские травки стоят смехотворно мало.

«Сырье для аяхуаски копеечное. Эта трава растет в Перу везде как сорняк, — рассказывает Саша. — Все можно заказать в Россию и приготовить отвар. Ее много. Она дешевая. Церемония стоит 7000 рублей. На моей было тринадцать человек. Считайте сами, неплохой бизнес».

«Это как в баню ходить»

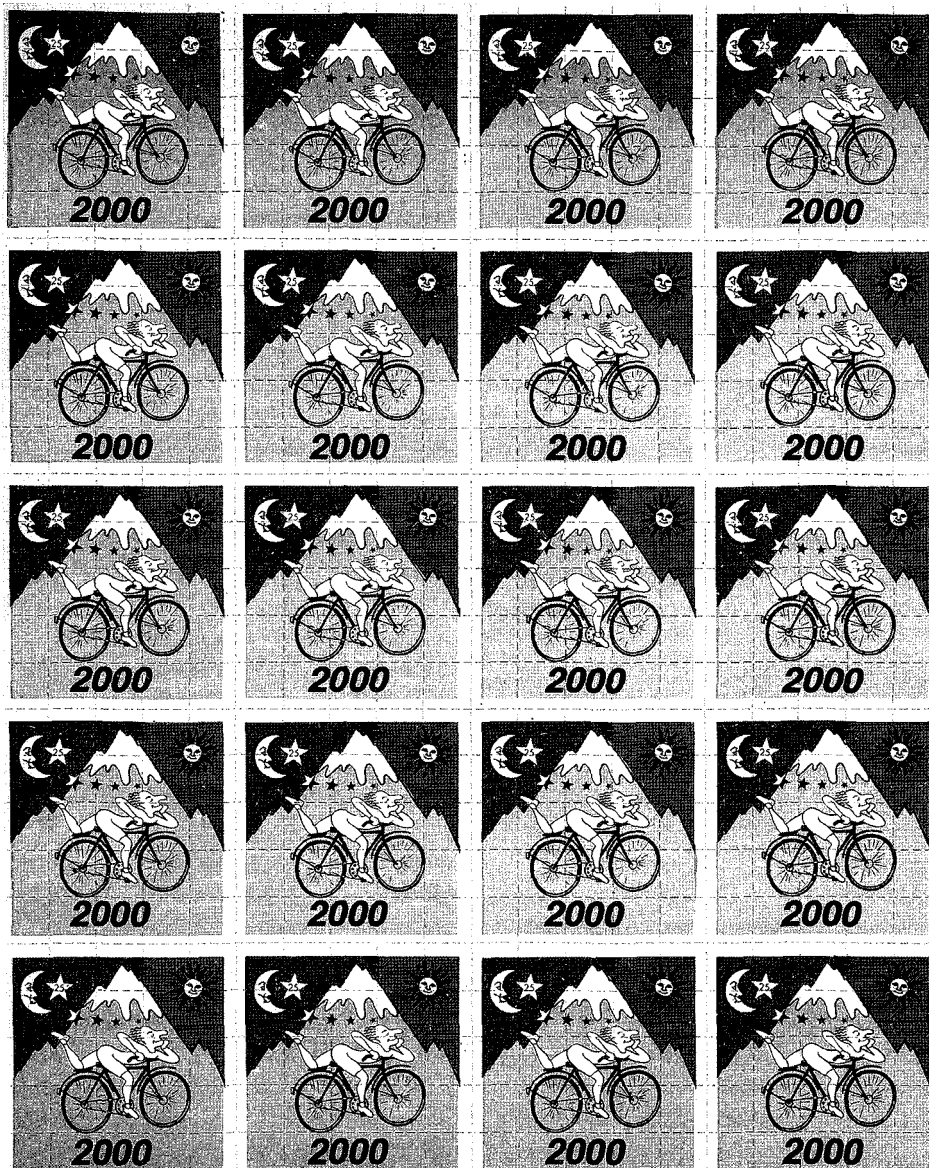
Саша отметил, что после ритуала стал ходить на работу без особого отвращения, но вскоре это чувство пропало, и накатилась фрустрация.

«Мне кажется, если бы были более демократичные цены, то это было бы более справедливо. У них стало бы больше клиентов. Я думаю, что семь тысяч — многовато для церемонии. Хотя эффект очень сложно оценить, если рассуждать в рыночных категориях», — говорит Саша.

Адепты аяхуаски верят, что ритуал обнуляет карму. Осознание самого трипа приходит примерно через пять дней, но у Саши ничего специально не надумалось, разве что появилось желание научиться играть на музыкальном инструменте. Он осваивает флейту.

«Можно предположить, что аяхуаска оказывает хорошее терапевтическое воздействие на твоё здоровье, но это как в баню ходить. Надо делать это регулярно», — говорит он. При случае он подумывает повторить. **т**

американец Оусли Стэнли в середине 1960-х годов занимался легальным производством ЛСД. В общей сложности ему удалось синтезировать около полукилограмма психоделика, что эквивалентно примерно пяти миллионам доз. Среди клиентов Оусли были писатель Кен Кизи, вокалист The Beatles Джон Леннон и группа Grateful Dead в полном составе. **moloko plus** публикует биографию человека, который умудрился быть одновременно успешным драгдилером, революционным аудиоинженером и кислотным мессией.

текст Андрей Каганских

кислота для Медведя

В конце 60-х студенты университета Беркли пересказывали друг другу одну любопытную байку. Якобы после студенческих выступлений 1964 года арестованных поборников свободы слова навестил в тюрьме мужчина по кличке Медведь. С виду он больше всего напоминал сутенёра: ярко-фиолетовый костюм из бархата, кожаная обувь ручной работы и вызывающие массивные усы. Разбавляла этот аутфит только Библия, неуместно лежавшая в его правой руке.

Представившись проповедником, усач расслабленно пошел в сторону камер. У первых же прутьев он начал неспешно вырывать из Библии страницы, раздавая их заключенным. Каждая страница Священного Писания была насквозь пропитана ЛСД.

В Сан-Франциско из уст в уста передавалась другая история. Говорили, что тот же самый Медведь простоял в центре парка «Золотые ворота» целый день, раздавая марки прохожим. По легенде, у него было около тысячи доз. Когда на него наконец обратили внимание копы, от огромных запасов осталось всего с десяток марок, которые Медведь тут же решительно принял. Из-за возросшей толерантности для него

это была уже самая обычная доза. Из-за нехватки доказательств Медведя отпустили.

За свою жизнь Августус Оусли Стэнли III по кличке Медведь собрал вокруг себя настолько жирную прослойку городских легенд, что в зависимости от собеседника его образ трансформировался от гениального врача до хиппарского мессии, раздающего кислоту последователям своего культа на вершине калифорнийской горы Тамалпаис. В книге «Америка в Легендах: Фольклор от колониального периода до настоящего времени» профессор Ричард М. Дорсон посвятил исследованию мифов об Оусли целых десять страниц.

В реальности никаких бархатных костюмов и послушников не было, а усы появились только на скамье подсудимых. Понять причины мифотворчества будущих яппи несложно: после ареста Оусли в 1970 году на руках у жадной до информации общественности оказалась всего пара фотографий из зала суда, тонны баек о кислотных встречах с Оусли и сквозное упоминание о нем в романе Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест», ставшее наиболее ярким описанием Медведя в популярной культуре.

Оусли в молодости

Мьюир Бич, Калифорния,
11 декабря 1965 года

Массивная деревянная хижина, в этот вечер променявшая привычные свадебные банкеты на тусовку Весёлых проказников писателя Кена Кизи, в глазах журналиста Тома Вулфа превращается в одну из сцен грядущего «Электропрохладительного кислотного теста». Мерцают световые машины, на одну из стен с двух проекторов разом транслируется чей-то домашний фильм. Мелодичный гул спонтанного концерта Grateful Dead заглушается едким деревянным шумом: ошалевший от собственной кислоты Оусли уже пятнадцать минут с визгом и скрипом волочит по полу старинный стул. Звучит отвратительно, но никто его не останавливает.

Для обычного человека нормальная доза кислоты составляет около двухсот микрограмм. Кену Кизи нравилось, когда от кислоты срывает голову, так что на вечеринках Проказников в каждой марке содержалось около четырехсот микрограмм.

Как можно догадаться, в этот раз накрыло хуже всех именно Оусли. По словам Вулфа, в тот момент Медведь уже был далеко за границами обычного восприятия времени. Оусли попал в XVIII век, где, примерив маски «алхимика, пророка, чародея, знаменитого провидца и предсказателя лотерейных выигрышей», был брошен в камеры Бастилии. Полная крыс и нечистот темница начала разрушаться вместе с окружающим её миром, затем та же участь настигла и Оусли. Лишившись кожи, мышц и костей, он разложился до состояния одной-единственной клетки. «Это все, что оставалось от известного ему мира, и, потеряв он контроль над этой единственной клеткой, не осталось бы ничего. То есть наступил бы конец света». Собрав себя по молекулам в единое целое, Оусли выбежал во двор, завёл машину и вогнал её в кювет. После неудавшегося побега пришлось вернуться в хижину.

Нужно отдать Тому Вулфу должное: для человека, якобы никогда не принимавшего кислоту, он прекрасно описывает психоделические метаморфозы посети-

телей Кислотных тестов. Впрочем, рассказ о Медведе получился излишне комичным: из академического вида гладковыбритого коренастого мужчины в дорогой кожаной обуви и с исследовательским интересом к химии он превратился в потешного торчка-наркодилера. И самое главное, в книге эта истерика почему-то превратилась в первый трип Оусли, хотя в реальности он страстно любил использовать свой продукт, который стал топливом для всей вечеринки. Аутентичность описания Вулфа ставил под вопрос и сам Оусли: «Прокказники дурачили Вулфа, а он и понятия не имел. Он не понимал, кто они и что они из себя представляют. Обо мне в этой книге тоже не было правды».

Так или иначе, Оусли вернулся в наш мир с осознанием одной-единственной вещи: Grateful Dead – бородатые хиппи, все это время неосознанно создававшие саундтрек для его трипа, – это лучшая группа в мире, и они совершенно точно переплюнут The Beatles.

Спустя три недели на очередном Кислотном тесте Оусли познакомился с основателем группы, басистом и вокалистом Филом Лешем.

– Так ты Оусли? Такое чувство, будто я знаю тебя уже не первую жизнь.

– И ты будешь знать на протяжении еще многих последующих.

Вначале Леш предложил Оусли должность продюсера. После отказа речь зашла об обязанностях звуковика, и на это Оусли согласился. Ему тоже было, что предложить группе: Медведь почти десять лет работал аудиоинженером, а в его карманах и ботинках в любой день недели можно было найти стодолларовые банкноты на сумму, эквивалентную среднему прожиточному минимуму.

«Я просто поймал тачку, поехал с ними и попытался сделать какой-то позитивный вклад», – вспоминал Медведь.

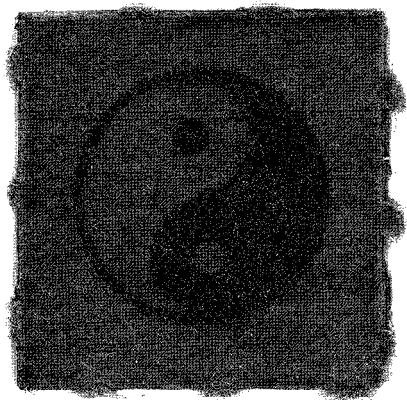
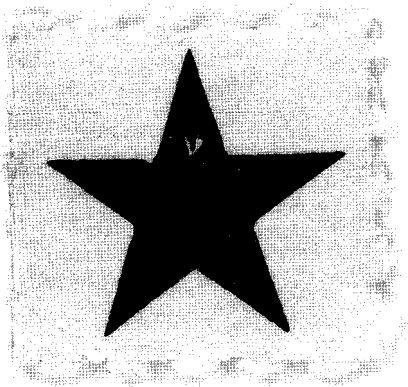
Вашингтон, округ Колумбия,
1950 год

Пятнадцатилетний Августус Оусли Стэнли III отправляется на добровольное лечение в психиатрические палаты Госпиталя святой Елизаветы. Предпосылкой к лечению стало отчисление из военной школы для мальчиков Шарлотт Холл в штате Мэриленд. Со слов самого Медведя, проблемы с психикой сделали его «неуправляемым» в рамках системы государственного школьного образования». Шарлотт Холл располагался в комплексе пропитанных историей и консерватизмом зданий колониальной эпохи. Эта школа поддерживала свой высококонравственный статус до самого закрытия в 1976 году.

Преподаватели считали Оусли вундеркиндом и отмечали его интерес к точным наукам. Сам ребенок любил физкультуру и химию. В девятом классе молодой Медведь, будто пророка свое будущее сотрудничество с Прокказниками Кизи, выступил в роли поставщика алкоголя для самопальной ученической вечеринки. Хватило, чтобы напоить каждого учащегося. Шатающиеся школьники заблевали кабинеты военной школы.

Идея с психиатрическим госпиталем принадлежала отцу Медведя Августусу Оусли Стэнли Младшему. Младший много пил. Его алкоголизм подпитывался навязчивыми воспоминаниями о сослуживцах, взорванных вместе с подлодкой во время Второй Мировой. Он провел всю жизнь в тени титанических масштабов политической карьеры своего отца – сенатора-прогрессивиста от штата Кентукки Стэнли I. По иронии, дедушка Медведя, оригинальный Августус Стэнли, был одним из самых ярких противников сухого закона (сказалась любовь к виски родного штата).

Во время лечения Медведь наловчился открывать двери палаты пружиной из ма-

траса и самовольно уходил на ночные прогулки. Так как лечение было добровольным, он мог в любой момент покинуть госпиталь. По собственному признанию, ему просто нравилось иметь власть над той крошечной системой, в которой он оказался. К тому же он считал своё лечение плодотворным. За пятнадцать месяцев отчуждения от внешнего мира он успел смириться и с комплексами, вызванными недостаточной заботой разведенных родителей, и с недавней смертью матери.

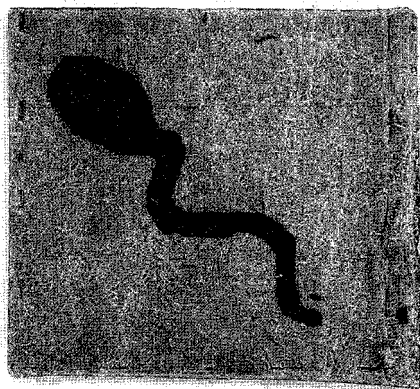
Избавившись от чувства вины, Оусли получил назад контроль над своей жизнью. За последующие четырнадцать лет он год проучится на инженера в Университете Вирджинии, купит мотоцикл и уедет на нём из отцовского дома, восемнадцать месяцев прослужит инженером в американских ВВС, будет единожды арестован за секс с четырнадцатилетней девочкой в мотеле, дважды разведётся, попытается выучить русский и стать танцовщиком балета и, наконец, будет возиться с аудиоинженерией на теле- и радиостанциях Лос-Анджелеса.

По одной из версий, Медведем Оусли прозвали еще ученики военной школы из-за особенно волосатой груди. По другой версии, так его называли музыканты груп-

пы Grateful Dead из-за громких «животных» криков, доносившихся из спальни Оусли, когда он приводил туда подруг.

Беркли, Калифорния,
январь 1964 года

Движение за свободу слова уже вовсю бушует в кампусе местного университета, газеты то и дело заполняются новостями о задержаниях активистов. Медведь перетаскивает коробки со своими пожитками в комнату ночлежки «Коричневый башмак». Из коробок кокетливо выглядывают туфли для балета, незаконченные картины и почему-то полный набор профессиональной экипировки пчеловода. Оусли хочет посещать университетские курсы, и ветхие апартаменты «Башмака» его вполне устраивают. Все соседи курят траву, которую Оусли к тому времени уже успел попробовать и полюбить. Он начинает толкать в кампусе специальные семена вьюнка, которые, если их съесть, дают несильные приходы. Спустя два месяца Медведь благополучно отчисляется с курсов, в очередной раз устраиваясь на работу радиотехником. Оусли знакомится и с метамфетаминном. Полюбившийся наркотик он продает и употребляет сам.

Почти каждый вечер он изводит соседей, нарезая круги вокруг ночлежки на мотоцикле.

Как-то раз в попытке впихнуть спиды Медведь забрёл в химическую лабораторию университета, где познакомился со своей очередной подружкой – бакалавром химии Мелиссой Каргилл.

К 1964 году федеральные программы по тестированию психоделиков на добровольцах, через которые в начале декады прошли поэт Аллен Гинзберг и Кен Кизи, уже ввели моду на ЛСД в эпицентр контркультуры. Запрета на распространение кислоты еще не было, а производством занимались фармацевтические компании и уличные химики. В глазах молодых поэтов и академиков психоделики могли разрушить устаревшие социальные барьеры, так что эти вещества быстро стали чуть ли не нормативными для тусовки. Медведь впервые по-настоящему оценил психоделик, когда его кузина подогнала ему четыреста микрограмм чистого ЛСД, произведенного в стенах лаборатории швейцарской компании Sandoz. Именно там Альберт Хофманн впервые синтезировал ЛСД, после отправившись на знаменитую кислотную велопробу.

Под впечатлением от продукта Sandoz Медведь с Мелиссой собираются производить свой ЛСД. Как минимум на уровне хороших фармацевтических фирм. Главная цель – поставлять себе хорошую кислоту и знать, что находится внутри. Производить ее они планируют в ванной арендованного дома.

Чтобы собрать стартовый капитал для покупки дорогостоящего оборудования, Медведь и Мелисса начинают торговать метамфетамином. Наркотик приобретают у местной исследовательской компании, оформляя запросы на выдуманное исследование влияния спидов на метаболизм мышей от имени фиктивной Bear Research Group. Доставляя первоклассный лабораторный мет на улицы, они быстро сколачивают состояние. Впрочем, купленное оборудование тут же переходит в руки полиции штата, накрывшей дом парочки по анонимному доносу. Однако и там оно остается недолго: изъяв оборудование для производства вполне легального ЛСД, полицейские так и не добрались до мета. Запасы наркотика находились на съемной квартире и были спешно слиты в туалет сразу после вестей об облаве. А Медведь, накопивший на дорогой костюм и цепкого

адвоката, с легкостью вырвал оборудование из полицейских лап.

Спустя две недели зубрёжки в университетской библиотеке (Оусли позже вспоминал, что синтезирование ЛСД больше напоминает игру в конструктор, нежели химию) Медведь был готов синтезировать свой психоделик. С помощью всё той же фиктивной исследовательской группы он с Мелиссой оптом закупает лизергиновую кислоту, тратя на это по 4 000 долларов в неделю (в переводе на современный курс – это примерно 28 000 долларов). Они переезжают в Лос-Анджелес и после множества ошибок наконец выводят на рынок 3 600 капсул чистейшего ЛСД. Приятель Медведя в шутку называет капсулы «Оусли». Сейчас это слово можно найти на страницах Оксфордского словаря с пояснением «высококачественный тип ЛСД».

Во время скитаний по книжным лавкам Беркли Медведь прочитал «Кибалион» – книгу 1908 года, написанную якобы группой людей под псевдонимом «Трое посвященных». В этом псевдофилософском тексте, обогнавшем моду на Нью Эйдж на добрых шесть десятилетий, описываются семь принципов алхимии ментальной трансформации. Для Оусли «Кибалион» стал настоящей библией кислотного самопознания. Из-за этой книги во время приготовления кислоты Медведь учитывает не только химические факторы, но и алхимические, пытаясь заряжать заветные микрограммы нужным эмоциональным настроением на метафизическом уровне.

Всего за время работы в Лос-Анджелесе пара произвела около 1,2 миллионов доз, как минимум половину из которых они раздавали бесплатно. Деньги прятались в банковских камерах хранения под выдуманными именами и несколько раз благополучно забывались.

Лос-Анджелес,
февраль 1966 года

Медведь и Grateful Dead уже почти полтора месяца живут рука об руку в розовом трёхэтажном доме по соседству с борделем. Проститутки целый день курят траву и пытаются её выращивать. Семена конопли, то и дело попадающие на лужайку между домами, уже успели превратиться в аккуратненькие кустики, вызывая паранойю музыкантов, которые приехали в Лос-Анджелес, следуя за Кислотными тестами.

Ренту и еду оплачивает Медведь. За прошедшее время он всецело взял на себя удовлетворение финансовых нужд группы, став ее безоговорочным спонсором. Однако вместе с покровительством музыкантов настигли лишения. Сразу же после переезда Оусли демонтировал полки в холодильнике. Их место заняли огромные мясные туши, куски от которых он отрезал и кидал на сковородку вместо завтрака, обеда и ужина. Набравшись советов от школьного тренера по боксу, Медведь почти всю жизнь провёл на диете из молока, сыра и мяса. Уже во взрослой жизни к этой диете добавилась искренняя вера в плотоядность человека, так что овощи и злаки были под строгим запретом. Диета распространялась даже на жён и детей. В заложниках у Медведя группа находилась на протяжении шести недель. Он ожидал от музыкантов безоговорочного повиновения.

В перерывах между концертами и Кислотными тестами Оусли доводит до совершенства концертный звук Grateful Dead. В частности, пытается покончить с одноканальным звуком – и это за добрые десять лет до появления стереозвука в кинотеатрах. После трат невообразимых сумм на покупку и постоянную транспортировку огромных акустических систем, Медведь одним из первых начал заниматься

звуковой инженерией во время концерта, изменяя звук в каналах под стать акустике зала и песне. Все концертные записи того времени Медведь дотошно собирал. В 90-е эти записи издали на огромном количестве сборников под общим названием Dick's Picks. Из-за бесплатной кислоты и инновационного звука «Мертвецы» быстро стали настоящим культурным феноменом.

По мнению Медведя, познание масштабов величия Grateful Dead возможно только с помощью кислоты. Скоро эта практика стала нормативной. В 1968 году Оусли попытался завербовать на сторону «Мертвецов» промоутера Билла Грэма. Билл отказывался брать кислоту, так что группа развязала с ним настоящую партизанскую войну. По воспоминаниям самого Грэма, «их подружки пытались меня поцеловать с марками в зубах». Паранойя вынудила его таскать сэндвичи из дома и избегать любых тактильных контактов с фанатами «Мертвецов». Вынудить промоутера принять ЛСД им удалось с помощью закрытых банок колы и медицинских шприцев. Получив первый в своей жизни кислотный приход, Грэм выбежал на сцену к Grateful Dead и начал возбужденно бить в гонг. Так он провёл четыре часа.

После возвращения в Сан-Франциско в том же году музыканты устали от тирании Оусли и от дорогущего оборудования, которое нужно было разгружать чуть ли не за сутки до концертов.

Медведя уволили.

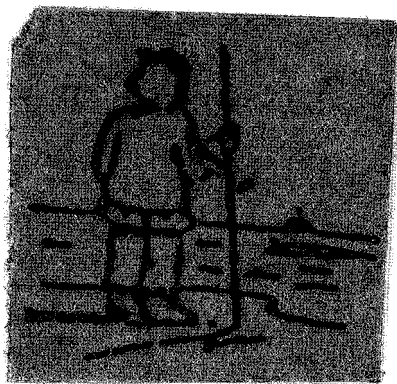
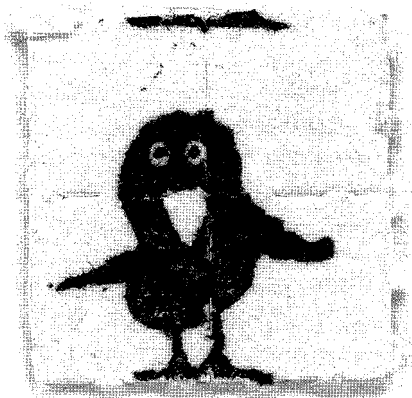
Беркли, Калифорния,
6 октября 1966 года

Медведь подъезжает к банку на своём красном мотоцикле и вынимает скомканные деньги из шлема, ботинок и многочисленных карманов. Поменяв мелкие купюры на стодолларовые, Оусли возвращается в свой особняк. «Мне было стыдно за эти

деньги, – вспоминал Оусли. – Я не считал их своими. По моим представлениям я просто отдавал свой долг обществу». В особняке его ожидает ручная сова и дорогая аудиосистема. 6 октября ЛСД становится незаконным в Калифорнии, но Оусли спокоен: он хранит марки в недорогой камере хранения в одном из автобусов компании Greyhound, который курсирует между Оклендом, Сан-Хосе и Сан-Франциско. Во время расследования эта деталь неминуемо пройдет мимо следователей.

Пока по всей стране бывшие дети цветов превращались в наркомафию, Оусли продолжал бесплатно раздавать кислоту. В 1967 году прошли фестивали «Лета любви» Human Be-In и Monterey Pop – пиковая точка 60-х в массовом американском сознании и апофеоз культуры хиппи. Без бесплатной кислоты Оусли они бы просто не состоялись. Для тридцати тысяч гостей фестиваля Human Be-In Оусли наготовил примерно столько же доз кислоты, а на Monterey Pop он накормил ЛСД документалиста Д. А. Пеннебейкера (Донна Алана – прим. ред.), снимавшего о фестивале фильм. Именно тогда уже якобы знакомый с Медведем Джон Леннон и попытался вырубить у него пожизненный запас ЛСД. Хотя права на съемку Monterey Pop уже были проданы Пеннебейкеру, Леннон всё равно послал туда своего личного оператора под предлогом съемки фестиваля для домашнего архива. Оператор вернулся в Англию с объективами, заполненными марками Оусли. Тогда же Медведь познакомился с Джимми Хендриксом, мистическим образом отпечатавшим голосом музыканта на его записи для Би-би-си: «Эй, Оусли, меня сейчас хорошо слышно?»

Во время «Лета любви» Медведь уже был под пристальным вниманием правоохранительных органов. 20 декабря 1967 года тринадцать полицейских ворвались в его арендованный специально для соз-

дания марок дом и изъяли около ста грамм кристаллического ЛСД. Один из офицеров в интервью прессе нарёк Оусли «психоделическим мессией», говоря о его желании помочь другим людям познать себя с помощью кислоты. Судебные тяжбы длились два года и закончились большим залогом и свободой для Медведя. Оусли бросил промышленное производство кислоты и вернулся к Grateful Dead в качестве звуковика.

В 1970 году суд пересмотрел решение и отправил Оусли за решётку на два года.

Сан-Франциско,
23 марта 1974 года

Гигантомания звуковика Оусли наконец достигла своего апогея. Двенадцать метров в высоту, девять звуковых каналов, шестьсот четыре динамика, два года проектирования и почти вся концертная прибыль Grateful Dead. «Стена звука» готова. На концерте на арене Cow Palace многочисленные провода и стеллажи впервые угрожающе возвышаются над группой, хорошим звуком пробивая себе дорогу в анналы истории. Динамики, переходники и полки общим весом в семьдесят тонн дали музыкантам полный контроль над звучанием инстру-

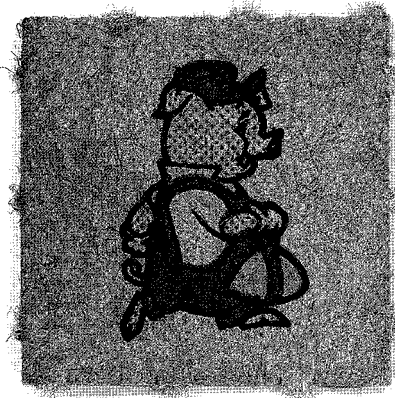
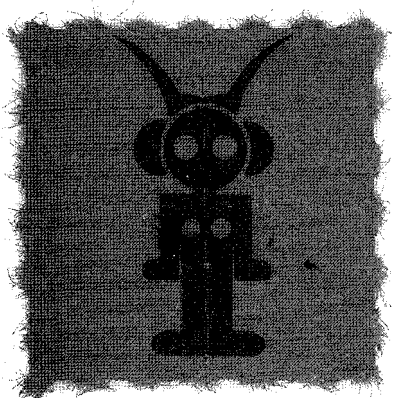
ментов. Звукоинженеры могут спокойно уходить курить хоть на весь концерт. Звук исходит из одной точки, и, если верить очевидцам, можно без особых усилий различить каждую ноту. С технической точки зрения это был абсолютный триумф. С точки зрения времени на сборы и расходов на транспортировку «Стена» была попросту нерентабельна.

«Мертвецы» взяли перерыв от туров.

Некрополь Гизы, Египет,
16 сентября 1978 года

Полнолуние. Grateful Dead играют прямо в комплексе пирамид Гизы. Официально посетителей было около 690 человек, большинство из которых – друзья и родственники участников группы. Среди слушателей: Кен Кизи, промоутер Билл Грэм, Медведь и неопределенное количество бедуинов, которым посчастливилось бесплатно послушать концерт прямиком из пустыни. О количестве принятой слушателями кислоты документальных свидетельств не сохранилось.

За пару месяцев до этого «Мертвецы» с фонариками и наркотиками заявили в дом к Биллу Грэму с просьбой помочь им

провести концерт у подножия египетских пирамид. Грэм отказался: «Там же сейчас идёт ***** война». Впрочем, осуществить давнюю мечту группе это не помешало. На тот момент Медведь уже окончательно потерял контроль над группой, так что обошлось без аудиофилии и революционного звука. К моменту концерта в Египте карьера звуковика Grateful Dead для Оусли уже подошла к концу.

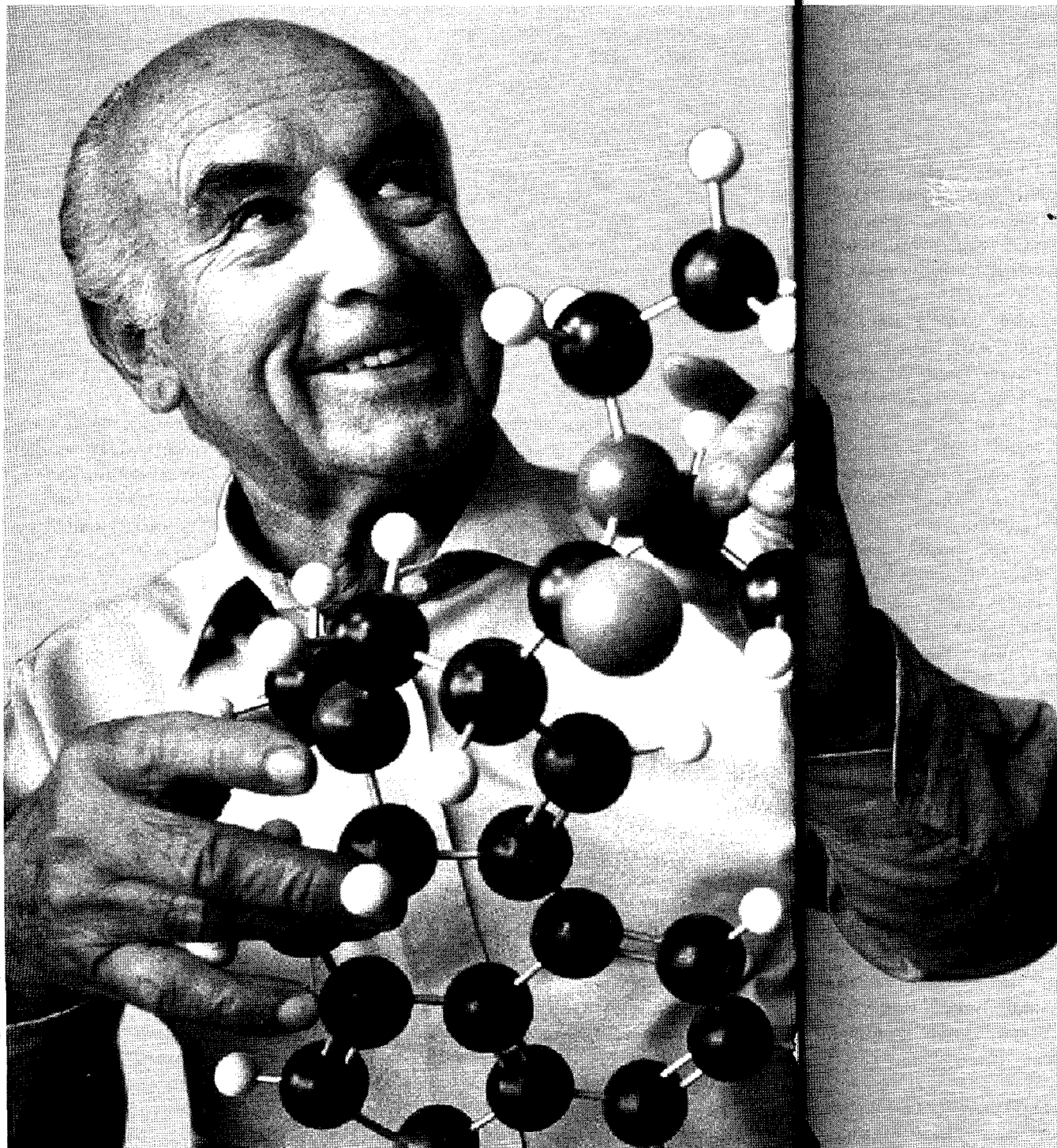
Чтобы прокормить себя, Оусли продолжил работать со звуком других групп и начал пробовать себя в садовничестве. С 1974 года он выращивал на продажу траву. Медведь с пособиями снимал с сада около семи килограммов травы в год. Урожай продавался по тридцать тысяч долларов, из которых Оусли забирал себе около двенадцати тысяч. С арендой по восемьсот долларов в месяц на повседневные расходы оставалось совсем немного, но рвення и денег хватало на поддержание «хобби». По собственному признанию, с травой он был дилетантом, но исследовательский интерес всё равно побеждал. В 1981 году Оусли пришлось отказаться от этой затеи – нападение на его сад двух торчков с обрезками (один из торчков оказался ветераном Вьетнама) за сутки разрослось до миниатюрной войны

с баррикадами и автоматическим оружием на несколько десятков человек. «Все стены дома были в пулевых отверстиях. Один из нападавших получил пулю в бицепс, и они отступили. Я не знаю, почему никто не вызвал полицию».

Австралия,
12 марта 2011 года

Оусли погиб, влетев в дерево неподалёку от своего дома в Австралии, оставив свою шестую жену и четырёх избалованных вниманием отпрысков. На Южный континент он переехал в 90-х годах, опасаясь нового ледникового периода, который, по его мнению, неминуемо должен был застигнуть Северное полушарие уже примерно сейчас. Свои последние годы он провёл, зарабатывая на жизнь искусством и участвуя в лекциях о пользе психоделиков. Его прах развеяли с радиовышки на одном из юбилейных концертов Grateful Dead. m

Автор выражает благодарность издательству St.Martin's Press за копию книги Bear: The Life and Times of Augustus Owsley Stanley III и фанатам Медведя, дотошно загружающим интервью Оусли на Youtube.

в 1938 году швейцарский химик Альберт Хофманн изучал ядовитый гриб спорынью, чтобы найти ему применение в акушерстве, но случайно открыл ЛСД. Это вещество навсегда изменило представление о реальности и человеческом сознании и стало одним из самых загадочных и недооцененных наркотиков. moloko plus собрал самые яркие цитаты ученого, сотворившего психоделическую революцию.

автор Евгения Офицерова

**«ЛСД-
путешествия
и космические
полеты
похожи
во многих
отношениях»**

Я не ожидал, что ЛСД с его непостижимыми, жуткими, потрясающими эффектами, столь неподходящий как средство для развлечения, найдёт всемирное применение в качестве наркотика. Я предполагал любопытство и интерес со стороны людей искусства — актёров, художников, писателей — но никак [не] людей в целом.

Я знаю из истории использования подобных веществ в древних культурах, к примеру у индейцев на такие вещества было наложено табу. Они использовались только в религиозных целях в соответствующей обстановке исключительно шаманами, а не всеми подряд. И фактически в нашем мире шаманами являются психиатры, и такие вещества должны по-прежнему оставаться в их руках.

Я верю, что переживания, получаемые от приема ЛСД, очень схожи — я бы сказал, даже идентичны — мистическим переживаниям святых. Среди ученых велось много споров на эту тему, но если вы сравните описания переживаний святых с описанием мистических переживаний под воздействием ЛСД, вы не найдете никакой разницы.

Когда вы изучаете естественные науки и чудеса творения, если вы не превращаетесь в мистика, то вы не настоящий ученый.

Спустя 30 минут после того, как я принял грибы, внешний мир претерпел странную трансформацию. Все приняло мексиканские черты.

В естественной среде гораздо меньше опасность испытать отчуждение от реальности. В поле и лесу, в мире животных, сокрытом там, даже в любом саду, реальность воспринимается как более реальная, старая, глубокая и более удивительная, чем что-либо, созданное людьми, как нечто вечное, что останется после того, как безжизненный, механический конкретный мир снова исчезнет, придет в упадок и разрушится.

При проведении ЛСД-экспериментов в неприятной или шумной обстановке возникает большая опасность негативных последствий, включая психические срывы.

Психоделики способствуют тонкому и глубокому переживанию, если применять их верно. Но чем сильнее инструмент, тем больше шансов, что он будет иметь разрушительное действие при ложном использовании. Что и произошло в 1960-е.

Да, Тимоти Лири как-то навещал меня много лет назад, когда жил в Швейцарии. Это был очень умный и образованный человек, довольно обаятельный. Но он слишком нуждался во внимании окружающих. Ему нравилось их провоцировать, а это отвлекало его от первостепенных вопросов.

ЛСД-путешествия и космические полеты похожи во многих отношениях. Оба мероприятия предполагают очень тщательную подготовку, подразумевая как

меры предосторожности, так и цели, чтобы снизить до минимума опасности и получить по возможности наиболее ценные результаты.

Как космонавты не могут оставаться в космосе, так и ЛСД-экспериментаторы не могут остаться в трансцендентных сферах, им нужно вернуться на землю, в мир повседневности, где вновь приобретенный опыт подвергнется оценке.

Многочисленные случаи рассказывают о пациентах, которые приобрели на смертном одре важные прозрения относительно жизни и смерти. Освобожденные от боли в ЛСД-экстазе, смирившиеся со своей судьбой, они встретили свой земной конец спокойно и без страха.

ЛСД появилось для того, чтобы помочь нам стать теми, кем мы предназначены быть.

Творческие достижения требуют подвижности сознания, а она уменьшается под влиянием наркотиков. С другой стороны, важна концептуализация, а под влиянием наркотиков можно получать прозрения, которых действительно нельзя достичь другим путем.

Опасность ЛСД лежит не в его токсичности, а, скорее, в непредсказуемости его психических эффектов.

Сияние — это самое точное слово, чтобы выразить то влияние, которое оказали на меня литературные работы Эрнста Юнгера и его личность.

Огромная трагедия заключается в том, что эти ценные медицинские препараты не всегда уважали и не всегда понимали. Поэтому психоделики начали внушать страх, их отняли у исследователей и психиатров, людей, которые всерьез ими занимались. Это великая потеря для медицины и психиатрии, а также для всего человечества.

Было бы более важным, чем преходящая мода, чтобы все больше и больше людей сегодня взяли бы себе в привычку каждый день посвящать час или хотя бы несколько минут медитации.

Глубокая проблема современности состоит в том, что у нас в жизни больше нет духовных основ. Церковь и ее догматы более неубедительны.

Есть два способа противостоять смерти: путь разума и путь иллюзий, религий с их верой в бессмертную душу и уютную загробную жизнь. Так сам факт смерти и страх перед ней толкают человека к глубоким размышлениям, открывая путь как к философии, так и к религии.

Неудивительно, что впервые ЛСД распространился как наркотик в США — стране, где наиболее развита индустриализация, урбанизация и механизация даже

сельского хозяйства. Это те же самые факторы, что привели к возникновению и росту движения хиппи, которое распространялось одновременно с волной употребления ЛСД. Они неразрывно связаны. Было бы интересно проследить, в какой мере потребление психоделиков продвигало движение хиппи и наоборот.

У старой курандеры (от исп. curandero/curandera/curanderos — шаман, целитель) умное, необычайно выразительное лицо. Она была явно удивлена, когда мы рассказали, что нам удалось заключить дух грибов в капсулы таблеток.

ЛСД — самое неподходящее средство, которое только можно представить, для лечения депрессивных состояний. Опасно принимать ЛСД в расстроенном, печальном состоянии или в состоянии страха. В этом случае весьма велика вероятность того, что эксперимент закончится психическим срывом.

Среди людей с неустойчивой структурой личности, тяготеющих к психотическим реакциям, эксперименты с ЛСД должны быть совершенно исключены. В таком случае шок от ЛСД, высвобождая скрытый психоз, может причинить стойкую психическую травму.

Пока мы используем любые средства и методы, которые дают нам представление о новых аспектах реальности, в этих средствах, разумеется, нет ничего предосудительного; даже напротив, опыт и знания новых граней реальности делают ее еще более реальной для нас.

Мизерное количество вещества, образование которого мы не можем контролировать по своей воле, способно определять нашу судьбу.

По сути это то, в чем следует совершенствоваться: искусство отдавать с любовью и пониманием то, что берется из видений, трансцендентного опыта и единства со Вселенной.

Иногда даже не было настоящего разговора, как, например, со стеснительным молодым человеком, который приехал на мотоцикле. Я так и не выяснил цели его визита. Он уставился на меня, как бы спрашивая себя: может ли человек, создавший такую чудную вещь, как ЛСД, выглядеть настолько обыкновенно?

Жанна приехала ко мне в надежде, что я помогу ей выполнить ее миссию, а именно дать ЛСД президенту. Ее имя означало, что она была Жанной Д'Арк для США. Не знаю, могли ли мои аргументы, дополненные уважением к ее праведным усилиям, убедить ее в том, что ее план не имел никаких шансов на успех ни в психологическом, ни в техническом смысле. Она ушла разочарованная и опечаленная.

**ПСИХОДЕЛИКИ
НАЧАЛИ ВНУШАТЬ СТРАХ,
ИХ ОТНЯЛИ У ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
И ПСИХИАТРОВ, ЛЮДЕЙ,
КОТОРЫЕ ВСЕРЬЕЗ ИМИ ЗАНИМАЛИСЬ.
ЭТО ВЕЛИКАЯ ПОТЕРЯ
ДЛЯ МЕДИЦИНЫ
И ПСИХИАТРИИ,
А ТАКЖЕ
ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.**

Восприятие этой всеобъемлющей реальности невозможно в окружающей среде, уничтоженной руками человека, такой, как в наших крупных городах и промышленных районах. Здесь становится особенно очевидным контраст между «Я» и окружающим миром. Возникает ощущение отчуждения, одиночества и угрозы. Эти ощущения отпечатались в повседневном сознании западного индустриального общества, они оставляют свой след везде, где продвигается технологическая цивилизация, и они во многом определяют произведения современного искусства и литературы. m

При подготовке текста использованы материалы Calta, Wired, фрагменты книги Альберта Хофманна «ЛСД – мой трудный ребенок» («LSD – My Problem Child»), цитаты Хофманна из фильма BBC «ЛСД – внутренний беспредел» («LSD – The Beyond Within»).

moloko plus публикует перевод статьи The New Yorker о впечатляющих результатах исследования психоделиков американскими учеными. На протяжении нескольких десятилетий любое использование психоактивных веществ в Штатах было запрещено, а их изучение приостановлено. В последние годы научный интерес возродился: в частности, ученых интересует, как ЛСД и другие галлюциногены могут помочь онкобольным и пациентам с психоневрологическими расстройствами. Другое применение психоделиков — изучение работы мозга и природы мистических переживаний человека.

текст Майкл Поллан

сокращенный перевод Анна Швыркова

дата выхода оригинала 9 февраля 2015 года, Нью-Йорк

иллюстрация Андрей Ангара

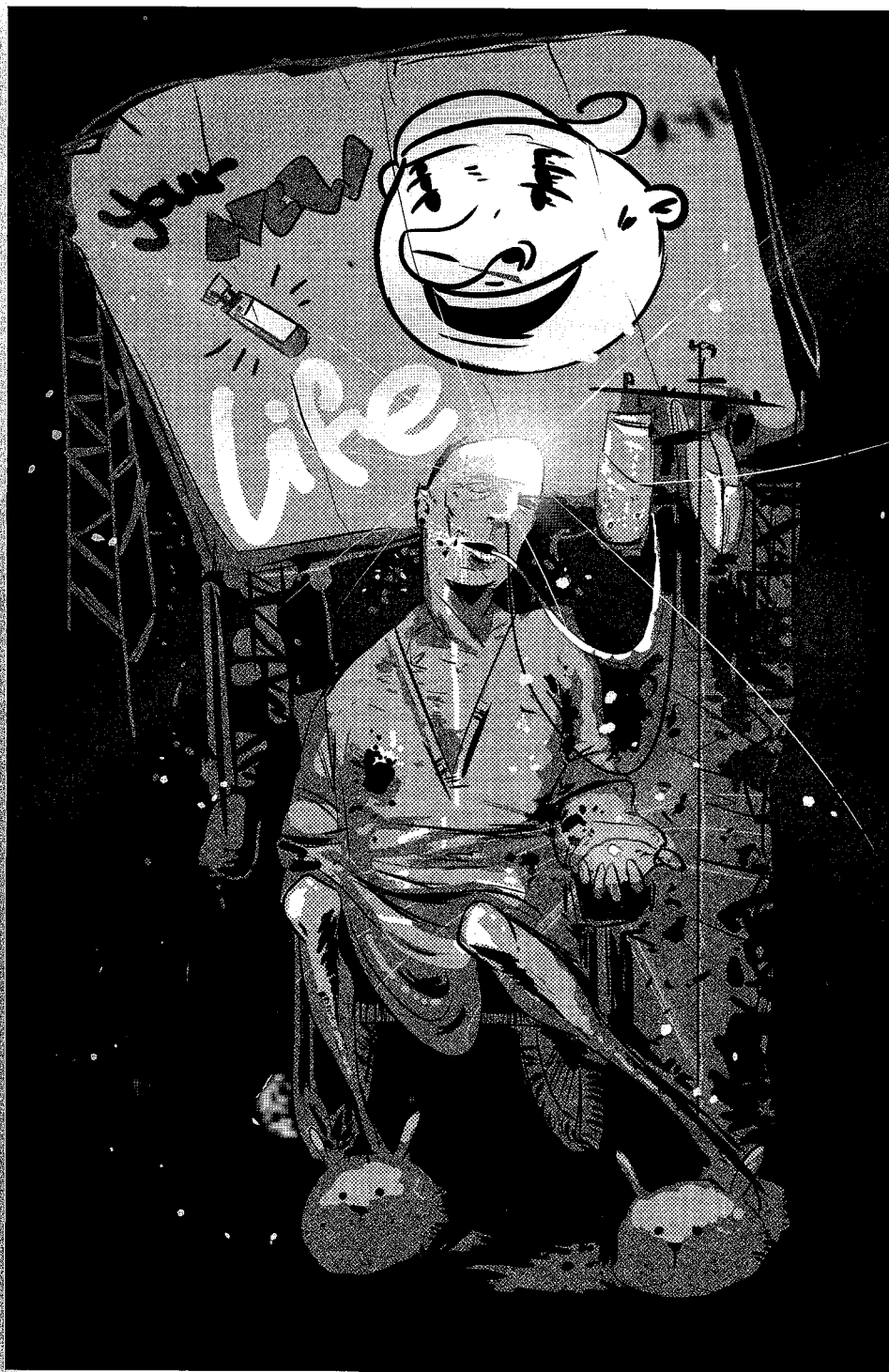
лечение трипом

В апреле 2010 года Патрик Меттес, 54-летний журналист, боровшийся с раком, увидел на первой странице Times статью, которая помогла ему перестать бояться смерти. Три года назад Меттесу диагностировали рак желчных протоков, который позже распространился на легкие. Он сгнулся под тяжестью химиотерапии и панического страха, что он не сможет выжить.

Под заголовком «Галлюциногены вновь привлекли внимание врачей» говорилось о клинических испытаниях в нескольких университетах, в том числе в Нью-Йоркском (NYU). Ученые исследовали влияние псилоцибина — действующего вещества, содержащегося в так называемых «волшебных грибах» — на состояние

онкобольных, испытывающих страх смерти и переживающих «экзистенциальный кризис». В статье писали, что испытуемые «выходят за рамки привычного восприятия своего тела», смотрят на смерть с другой точки зрения и приходят «к глубокому признанию». Патрик никогда не принимал психоделики, но сразу же захотел стать добровольцем.

После заполнения некоторых форм и ответа на длинный список вопросов его пригласили на обследование. Иногда галлюциногены могут поднять на поверхность скрытые психологические проблемы, поэтому исследователи старались отсеять добровольцев, подверженных риску, задавая им вопросы об употреблении наркоти-

ков и о том, были ли у них в семье случаи шизофрении или биполярного расстройства. Меттесу назначили терапевта по имени Энтони Боссис — психолога, который специализировался на паллиативной помощи и был одним из главных исследователей в Нью-Йоркском институте.

Начиная с 1950-х годов, психоделики начали использовать для лечения широкого спектра заболеваний, в частности алкоголизма и тревожности. С 1953 по 1973 год правительство США выделило 4 миллиона долларов, чтобы профинансировать 116 официальных исследований ЛСД. Вещества тестировали на алкоголиках, людях с обсессивно-компульсивным расстройством, страдающих аутизмом детей, онкобольных, шизофрениках, а также на абсолютно здоровых художниках, ученых и студентах-богословах. Некоторые испытания давали очень хорошие результаты, хотя были недоработаны и плохо контролировались. В 1970 году президент Ричард Никсон подписал закон, запрещающий использование психоделиков в любых целях. Все исследования были остановлены, а достигнутые учеными результаты постепенно практически стерты из психиатрии.

Клинические испытания псилоцибина как способа вылечить алкогольную зависимость проводятся не только в Нью-Йоркском университете, но и в университете Джонса Хопкинса, университете Нью-Мексико, Имперском колледже Лондона и университете Цюриха. Война с наркотиками постепенно стихает, и ученые вновь заинтересовались пересмотром терапевтического потенциала психоделических веществ. Исследователи сосредоточены на псилоцибине, так как он считается менее опасным, чем ЛСД, а эффекты короче по продолжительности. Сейчас его используют и планируют использовать для лечения зависимости (алкоголизма и курения), тревожности и депрессии.

Результаты первых исследований были поразительными: после первой же дозы псилоцибина у пациентов наблюдалось немедленное снижение уровня тревожности и депрессии. «Люди, которые боялись смерти, переставали испытывать страх. Тот факт, что первое же употребление препарата дало такой эффект, стал беспрецедентным открытием», — вспоминает Стивен Росс, доцент кафедры психиатрии Нью-Йоркского университета, который руководил испытаниями с псилоцибином.

Оказалось, что многие медицинские эксперты выступают за возобновление исследования психоделиков. «Если они окажутся полезны для людей, которые действительно страдают, к результатам стоит присмотреться. То, что речь идет о психоделиках, не должно дискредитировать эти исследования в наших глазах», — говорит директор Национального института психического здоровья (NIMH) и невролог Томас Инсел. Многие исследователи, с которыми я беседовал, описывали результаты своей работы, используя слово «умопомрачительные». «Люди не понимают, как мало инструментов есть у психиатров для решения экзистенциальных кризисов, — пояснил Боссис. — Ссанакс (*лекарственное средство, которое используется для лечения панических расстройств и тревожных неврозов — прим. ред.*) — это не ответ. Как можно не исследовать то, что может пересмотреть процесс умирания человека?»

Герберт Клебер, психиатр и директор отдела злоупотреблением веществами в Колумбийском университете штата Нью-Йорк и один из ведущих специалистов страны по вопросам злоупотребления наркотиками, признавая, что эта область исследований заслуживает внимания, с опаской относится к таким экспериментам. Он отмечает высокий риск побочных эффектов и важность того, что с рядом с испытуемыми всегда находились опытные терапевты: «Вы

можете получить как хороший опыт, так и ужасающий».

Идея дать психоделики умирающему принадлежала писателю Олдосу Хаксли. В 1953 году Хамфри Осмонд, психиатр, дал ему мескалин. Впервые слово «психоделический» употребил именно Осмонд в своем письме Хаксли в 1957 году. Хаксли предположил, что прием ЛСД способен сделать смерть «более духовным, менее физиологическим процессом». Жена Хаксли дала писателю ЛСД перед тем, как он скончался от рака гортани в 69 лет.

Псилоцибин впервые привлек к себе внимание в 1957 году, когда на страницах журнала Life была напечатана статья миколога-любителя и вице-президента J.P. Morgan Роберта Гордона Уоссона. В 1955 году, после нескольких лет изучения того, как коренные народы Мексики используют «волшебные грибы», Уоссон стал пользоваться покровительством курандеры Марии Сабины — местной целительницы и шаманки. Первое психоделическое путешествие Уоссона вдохновило нескольких ученых провести схожие опыты в лаборатории. В их числе был Тимоти Лири, который изучал в Гарварде человеческую личность. В 1960 году он сам попробовал «волшебные грибы» и придумал «Гарвардский псилоцибиновый проект» с целью изучения терапевтического потенциала галлюциногенов. Одновременно с Уоссон, с «волшебными грибами» в 1957 году экспериментировал Альберт Хофманн. Он приступил к идентификации активного вещества и его выделению, а затем синтезировал псилоцибин, который используется в современных исследованиях.

В 1962 году психиатр Уолтер Панке, писавший диссертацию в Гарварде под руководством Лири, провел двойной слепой эксперимент под названием «Страстная Пятница». Двадцать студентов-богословов получили капсулы с белым порошком перед службой в церкви. Десять капсул содержали

псилоцибин, десять — активное плацебо (никотиновую кислоту). Восемь из десяти студентов, принявших псилоцибин, сообщили о переживании мистического опыта, тогда как в другой контрольной группе лишь один студент испытал «чувство святости» и «чувство мира». Испытуемые, получившие капсулы с никотиновой кислотой, во время службы сидели на скамейках, а те, кому достались капсулы с активным веществом, лежали на полу или бродили по часовне, бормоча нечто вроде «Бог повсюду» или «О, слава!»

В 1991 году Рик Доблин, директор Ассоциации многопрофильных психоделических исследований (MAPS), опубликовал исследование «Страстной пятницы». Он выяснил, что Панке умалчал о тревоге, с которой боролись во время опыта некоторые из студентов. Одного из испытуемых пришлось задержать и дать ему торазин, мощный нейрорептик: после приема псилоцибина молодой богослов выбежал из церкви и побегал по улице с уверенностью, что именно он должен оповестить всех о приходе Мессии.

Первая волна исследований психоделиков была обречена на ажиотаж вокруг их потенциала. Люди, работавшие с этими удивительными молекулами, поняли, что у них появилась возможность изменить мир и что сложно использовать психоделики только для помощи больным. Было ли неизбежным подавление этих исследований? Станислав Гроф, психиатр из Чехии, который широко использовал ЛСД в своей практике в 60-е годы, считает, что психоделики стали угрозой пуританским ценностям Америки и получили отпор.

«У властей есть ощущение, что психоделики и мистический опыт, который они дают, могут стать угрозой для иерархических структур, — соглашается психофармаколог Школы медицины университета Джонса Хопкинса Роланд Гриффитс. — Мы пришли к тому, что психоделики демонизируются. Вы можете назвать хотя бы одну область

ков и о том, были ли у них в семье случаи шизофрении или биполярного расстройства. Меттесу назначили терапевта по имени Энтони Боссис — психолога, который специализировался на паллиативной помощи и был одним из главных исследователей в Нью-Йоркском институте.

Начиная с 1950-х годов, психodelики начали использовать для лечения широкого спектра заболеваний, в частности алкоголизма и тревожности. С 1953 по 1973 год правительство США выделило 4 миллиона долларов, чтобы профинансировать 116 официальных исследований ЛСД. Вещества тестировали на алкоголиках, людях с обсессивно-компульсивным расстройством, страдающих аутизмом детей, онкобольных, шизофрениках, а также на абсолютно здоровых художниках, ученых и студентах-богословах. Некоторые испытания давали очень хорошие результаты, хотя были недоработаны и плохо контролировались. В 1970 году президент Ричард Никсон подписал закон, запрещающий использование психodelиков в любых целях. Все исследования были остановлены, а достигнутые учеными результаты постепенно практически стерты из психиатрии.

Клинические испытания псилоцибина как способа вылечить алкогольную зависимость проводятся не только в Нью-Йоркском университете, но и в университете Джонса Хопкинса, университете Нью-Мексико, Имперском колледже Лондона и университете Цюриха. Война с наркотиками постепенно стихает, и ученые вновь заинтересовались пересмотром терапевтического потенциала психodelических веществ. Исследователи сосредоточены на псилоцибине, так как он считается менее опасным, чем ЛСД, а эффекты короче по продолжительности. Сейчас его используют и планируют использовать для лечения зависимости (алкоголизма и курения), тревожности и депрессии.

Результаты первых исследований были поразительными: после первой же дозы псилоцибина у пациентов наблюдалось немедленное снижение уровня тревожности и депрессии. «Люди, которые боялись смерти, переставали испытывать страх. Тот факт, что первое же употребление препарата дало такой эффект, стал беспрецедентным открытием», — вспоминает Стивен Росс, доцент кафедры психиатрии Нью-Йоркского университета, который руководил испытаниями с псилоцибином.

Оказалось, что многие медицинские эксперты выступают за возобновление исследования психodelиков. «Если они окажутся полезны для людей, которые действительно страдают, к результатам стоит присмотреться. То, что речь идет о психodelиках, не должно дискредитировать эти исследования в наших глазах», — говорит директор Национального института психического здоровья (NIMH) и невролог Томас Инсел. Многие исследователи, с которыми я беседовал, описывали результаты своей работы, используя слово «умопомрачительные». «Люди не понимают, как мало инструментов есть у психиатров для решения экзистенциальных кризисов», — пояснил Боссис. — Ксанакс (*лекарственное средство, которое используется для лечения панических расстройств и тревожных неврозов — прим. ред.*) — это не ответ. Как можно не исследовать то, что может пересмотреть процесс умирания человека?»

Герберт Клебер, психиатр и директор отдела злоупотреблением веществами в Колумбийском университете штата Нью-Йорк и один из ведущих специалистов страны по вопросам злоупотребления наркотиками, признавая, что эта область исследований заслуживает внимания, с опаской относится к таким экспериментам. Он отмечает высокий риск побочных эффектов и важность того, что с рядом с испытуемыми всегда находились опытные терапевты: «Вы

можете получить как хороший опыт, так и ужасающий».

Идея дать психоделики умирающему принадлежала писателю Олдосу Хаксли. В 1953 году Хамфри Осмонд, психиатр, дал ему мескалин. Впервые слово «психоделический» употребил именно Осмонд в своем письме Хаксли в 1957 году. Хаксли предположил, что прием ЛСД способен сделать смерть «более духовным, менее физиологическим процессом». Жена Хаксли дала писателю ЛСД перед тем, как он скончался от рака гортани в 69 лет.

Псилоцибин впервые привлек к себе внимание в 1957 году, когда на страницах журнала *Life* была напечатана статья миколога-любителя и вице-президента J.P. Morgan Роберта Гордона Уоссона. В 1955 году, после нескольких лет изучения того, как коренные народы Мексики используют «волшебные грибы», Уоссон стал пользоваться покровительством курандеры Марии Сабины — местной целительницы и шаманки. Первое психоделическое путешествие Уоссона вдохновило нескольких ученых провести схожие опыты в лаборатории. В их числе был Тимоти Лири, который изучал в Гарварде человеческую личность. В 1960 году он сам попробовал «волшебные грибы» и придумал «Гарвардский псилоцибиновый проект» с целью изучения терапевтического потенциала галлюциногенов. Одновременно с Уоссонем, с «волшебными грибами» в 1957 году экспериментировал Альберт Хофманн. Он приступил к идентификации активного вещества и его выделению, а затем синтезировал псилоцибин, который используется в современных исследованиях.

В 1962 году психиатр Уолтер Панке, писавший диссертацию в Гарварде под руководством Лири, провел двойной слепой эксперимент под названием «Страстная Пятница». Двадцать студентов-богословов получили капсулы с белым порошком перед службой в церкви. Десять капсул содержали

псилоцибин, десять — активное плацебо (никотиновую кислоту). Восемь из десяти студентов, принявших псилоцибин, сообщили о переживании мистического опыта, тогда как в другой контрольной группе лишь один студент испытал «чувство святости» и «чувство мира». Испытуемые, получившие капсулы с никотиновой кислотой, во время службы сидели на скамейках, а те, кому достались капсулы с активным веществом, лежали на полу или бродили по часовне, бормоча нечто вроде «Бог повсюду» или «О, слава!»

В 1991 году Рик Доблин, директор Ассоциации многопрофильных психоделических исследований (MAPS), опубликовал исследование «Страстной пятницы». Он выяснил, что Панке умолчал о тревоге, с которой боролись во время опыта некоторые из студентов. Одного из испытуемых пришлось задержать и дать ему торазин, мощный нейрорептик: после приема псилоцибина молодой богослов выбежал из церкви и побежал по улице с уверенностью, что именно он должен оповестить всех о приходе Мессии.

Первая волна исследований психоделиков была обречена на ажиотаж вокруг их потенциала. Люди, работавшие с этими удивительными молекулами, поняли, что у них появилась возможность изменить мир и что сложно использовать психоделики только для помощи больным. Было ли неизбежным подавление этих исследований? Станислав Гроф, психиатр из Чехии, который широко использовал ЛСД в своей практике в 60-е годы, считает, что психоделики стали угрозой пуританским ценностям Америки и получили отпор.

«У властей есть ощущение, что психоделики и мистический опыт, который они дают, могут стать угрозой для иерархических структур, — соглашается психофармаколог Школы медицины университета Джонса Хопкинса Роланд Гриффитс. — Мы пришли к тому, что психоделики демонизируются. Вы можете назвать хотя бы одну область

ков и о том, были ли у них в семье случаи шизофрении или биполярного расстройства. Меттесу назначили терапевта по имени Энтони Боссис — психолога, который специализировался на паллиативной помощи и был одним из главных исследователей в Нью-Йоркском институте.

Начиная с 1950-х годов, психоделики начали использовать для лечения широкого спектра заболеваний, в частности алкоголизма и тревожности. С 1953 по 1973 год правительство США выделило 4 миллиона долларов, чтобы профинансировать 116 официальных исследований ЛСД. Вещества тестировали на алкоголиках, людях с обсессивно-компульсивным расстройством, страдающих аутизмом детей, онкобольных, шизофрениках, а также на абсолютно здоровых художниках, ученых и студентах-богословах. Некоторые испытания давали очень хорошие результаты, хотя были недоработаны и плохо контролировались. В 1970 году президент Ричард Никсон подписал закон, запрещающий использование психоделиков в любых целях. Все исследования были остановлены, а достигнутые учеными результаты постепенно практически стерты из психиатрии.

Клинические испытания псилоцибина как способа вылечить алкогольную зависимость проводятся не только в Нью-Йоркском университете, но и в университете Джонса Хопкинса, университете Нью-Мексико, Имперском колледже Лондона и университете Цюриха. Война с наркотиками постепенно стихает, и ученые вновь заинтересовались пересмотром терапевтического потенциала психоделических веществ. Исследователи сосредоточены на псилоцибине, так как он считается менее опасным, чем ЛСД, а эффекты короче по продолжительности. Сейчас его используют и планируют использовать для лечения зависимости (алкоголизма и курения), тревожности и депрессии.

Результаты первых исследований были поразительными: после первой же дозы псилоцибина у пациентов наблюдалось немедленное снижение уровня тревожности и депрессии. «Люди, которые боялись смерти, переставали испытывать страх. Тот факт, что первое же употребление препарата дало такой эффект, стал беспрецедентным открытием», — вспоминает Стивен Росс, доцент кафедры психиатрии Нью-Йоркского университета, который руководил испытаниями с псилоцибином.

Оказалось, что многие медицинские эксперты выступают за возобновление исследования психоделиков. «Если они окажутся полезны для людей, которые действительно страдают, к результатам стоит присмотреться. То, что речь идет о психоделиках, не должно дискредитировать эти исследования в наших глазах», — говорит директор Национального института психического здоровья (NIMH) и невролог Томас Инсел. Многие исследователи, с которыми я беседовал, описывали результаты своей работы, используя слово «умопомрачительные». «Люди не понимают, как мало инструментов есть у психиатров для решения экзистенциальных кризисов», — пояснил Боссис. — Ксанакс (*лекарственное средство, которое используется для лечения панических расстройств и тревожных неврозов — прим. ред.*) — это не ответ. Как можно не исследовать то, что может пересмотреть процесс умирания человека?»

Герберт Клебер, психиатр и директор отдела злоупотреблением веществами в Колумбийском университете штата Нью-Йорк и один из ведущих специалистов страны по вопросам злоупотребления наркотиками, признавая, что эта область исследований заслуживает внимания, с опаской относится к таким экспериментам. Он отмечает высокий риск побочных эффектов и важность того, что с рядом с испытуемыми всегда находились опытные терапевты: «Вы

можете получить как хороший опыт, так и ужасающий».

Идея дать психоделики умирающему принадлежала писателю Олдосу Хаксли. В 1953 году Хамфри Осмонд, психиатр, дал ему мескалин. Впервые слово «психоделический» употребил именно Осмонд в своем письме Хаксли в 1957 году. Хаксли предположил, что прием ЛСД способен сделать смерть «более духовным, менее физиологическим процессом». Жена Хаксли дала писателю ЛСД перед тем, как он скончался от рака гортани в 69 лет.

Псилоцибин впервые привлек к себе внимание в 1957 году, когда на страницах журнала *Life* была напечатана статья миколога-любителя и вице-президента J.P. Morgan Роберта Гордона Уоссона. В 1955 году, после нескольких лет изучения того, как коренные народы Мексики используют «волшебные грибы», Уоссон стал пользоваться покровительством курандеры Марии Сабины — местной целительницы и шаманки. Первое психоделическое путешествие Уоссона вдохновило нескольких ученых провести схожие опыты в лаборатории. В их числе был Тимоти Лири, который изучал в Гарварде человеческую личность. В 1960 году он сам попробовал «волшебные грибы» и придумал «Гарвардский псилоцибиновый проект» с целью изучения терапевтического потенциала галлюциногенов. Одновременно с Уоссон, с «волшебными грибами» в 1957 году экспериментировал Альберт Хофманн. Он приступил к идентификации активного вещества и его выделению, а затем синтезировал псилоцибин, который используется в современных исследованиях.

В 1962 году психиатр Уолтер Панке, писавший диссертацию в Гарварде под руководством Лири, провел двойной слепой эксперимент под названием «Страстная Пятница». Двадцать студентов-богословов получили капсулы с белым порошком перед службой в церкви. Десять капсул содержали

псилоцибин, десять — активное плацебо (никотиновую кислоту). Восемь из десяти студентов, принявших псилоцибин, сообщили о переживании мистического опыта, тогда как в другой контрольной группе лишь один студент испытал «чувство святости» и «чувство мира». Испытуемые, получившие капсулы с никотиновой кислотой, во время службы сидели на скамейках, а те, кому достались капсулы с активным веществом, лежали на полу или бродили по часовне, бормоча нечто вроде «Бог повсюду» или «О, слава!»

В 1991 году Рик Доблин, директор Ассоциации многопрофильных психоделических исследований (MAPS), опубликовал исследование «Страстной пятницы». Он выяснил, что Панке умолчал о тревоге, с которой боролись во время опыта некоторые из студентов. Одного из испытуемых пришлось задержать и дать ему торазин, мощный нейрорептик: после приема псилоцибина молодой богослов выбежал из церкви и побежал по улице с уверенностью, что именно он должен оповестить всех о приходе Мессии.

Первая волна исследований психоделиков была обречена на ажиотаж вокруг их потенциала. Люди, работавшие с этими удивительными молекулами, поняли, что у них появилась возможность изменить мир и что сложно использовать психоделики только для помощи больным. Было ли неизбежным подавление этих исследований? Станислав Гроф, психиатр из Чехии, который широко использовал ЛСД в своей практике в 60-е годы, считает, что психоделики стали угрозой пуританским ценностям Америки и получили отпор.

«У властей есть ощущение, что психоделики и мистический опыт, который они дают, могут стать угрозой для иерархических структур, — соглашается психофармаколог Школы медицины университета Джонса Хопкинса Роланд Гриффитс. — Мы пришли к тому, что психоделики демонизируются. Вы можете назвать хотя бы одну область

ВЫ МОЖЕТЕ НАЗВАТЬ ХОТЯ БЫ ОДНУ ОБЛАСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, КОТОРАЯ БЫЛА БЫ ОКРУЖЕНА ТАКИМ КОЛИЧЕСТВОМ ТАБУ?

научных исследований, которая была бы окружена таким количеством табу, исследования которой были бы запрещены десятилетиями? Это беспрецедентный случай для современной науки».

В начале 2006 года Тони Боссис, Стивен Росс и их коллега Джеффри Гусс решили начать в Нью-Йоркском университете опыты с псилоцибином, чтобы уменьшить тревожность у больных раком. Однако необходимо было получить разрешение Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) и Управления по борьбе с наркотиками (DEA). Кроме того, совет Нью-Йоркского университета мог не одобрить подобные исследования. В 2006 году журнал *Psychopharmacology* опубликовал программную статью Роланда Гриффитса «Псилоцибин может вызвать мистический опыт, имеющий существенный и устойчивый личностный смысл и духовное значение».

«То, что исследованием психоделиков занимались в медицинском центре Хопкинса — одном из ведущих центров страны — давало шанс быстрее получить разрешение.

Это было удивительное, элегантно проведенное исследование», — вспоминал Боссис.

Двойное слепое исследование Гриффитса повторяло работу, проделанную Панке, но с большей научной строгостью. Тридцать шесть добровольцев, которые никогда раньше не употребляли галлюциногены, получили таблетку либо с псилоцибином, либо с активным плацебо (метилфенидат или риталин). Участники эксперимента называли прием псилоцибина одним из значимых опытов, сравнив пережитое с рождением ребенка или смертью родителей. Две трети из них включили эксперимент в пятерку самых важных событий в жизни, треть испытуемых поставила его на первое место в списке. Четырнадцать месяцев спустя их снова опросили, но результаты изменились незначительно.

Гриффитс считает, что долгосрочная эффективность псилоцибина обусловлена тем, что он трансформирует восприятие реальности, но не за счет изменения химических процессов в мозге, как это делают традиционные препараты вроде Прозака. Кэтрин Маклин, психолог из лаборатории

Гриффитса, пришла к выводу, что прием псилоцибина оказал положительное действие на личности участников эксперимента. Это стало поразительным результатом: традиционная медицина считает, что личность человека полностью формируется к тридцати годам и после этого существенно не меняется. Однако даже спустя год после опыта с псилоцибином испытуемые рассказывали, что стали «более открытыми».

Журнал *Psychopharmacology* попросил нескольких видных исследователей в области нейрофизиологии и наркотиков прокомментировать работу Гриффитса. Все они признали статью значимым поводом для проведения новых исследований. Чарльз Гроб из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе смог добиться разрешения FDA: ученым позволили проводить исследования с небольшими дозами псилоцибина, чтобы облегчить тревожность у раковых больных. На следующем этапе исследований дозы были увеличены, а испытуемых стало больше. Одним из них и был Патрик Меттес.

Критика исследований психоделиков пока носит ограниченный характер. Флориан Холсбор, директор Института психиатрии им. Макса Планка в Мюнхене, сказал в интервью журналу *Science*: «Вы не можете давать пациентам какое-то вещество только из-за того, что оно работает как антидепрессант. Это слишком опасно». Директор Национального института по борьбе со злоупотреблением наркотиками (NIDA) Нора Волкова считает, что главная опасность таких исследований заключается в том, что «публика может подумать, что псилоцибин безопасен. Это не так: его побочные эффекты известны и не всегда предсказуемы».

Употребление психоделиков вне лабораторий стойко ассоциируется с психозами, флешбеками и самоубийствами. Однако ни в одном из университетов во время исследований не было зафиксировано подобных побочных эффектов. Терапевты тщательно

отбирают добровольцев, следят за качеством вещества и постоянно наблюдают за ходом экспериментов. Употребление психоделиков для развлечения и сеанс в кабинете ученого имеют очень мало общего — кроме, собственно, вещества.

Добровольцы, участвовавшие в исследованиях в Нью-Йоркском университете, должны были написать рассказ о своем опыте. Меттес был журналистом и отнесся к заданию серьезно. В кабинете на Первой авеню ему дали чашку с таблеткой. Никто не знал, есть ли в ней псилоцибин.

В 9:30 утра Меттес лег на диван и замолчал. Позже он сравнивал первые минуты своего трипа с запуском космического корабля, который в итоге «оказался в блаженной невесомости».

Во время своего психоделического путешествия Меттес встретился с Рут — сестрой своего брата, которая умерла от рака двадцать лет назад. Рут не удивилась ему, и вела себя как его проводник. «Неописуемая женская энергия, которая была вокруг меня, ясно дала мне понять, что мать, любая мать, просто не может не любить свое потомство. Я понял, что плачу, — рассказывал Меттес. — Любовь была единственным, что имело значение. Только она была целью. Любовь исходила из каждой точки света и вибрировала».

Вскоре он сказал фразу, которую Боссис сразу же записал: «Окей, мы можем заканчивать. Я все понял». Меттес рассказал, что совершил экскурсию в свои легкие и увидел там два пятна. Он понял, что все это — не более чем проявление несовершенства человека. Затем он видел смерть, но не готов был прыгнуть туда.

Каждое психоделическое путешествие — особенное, но в чем-то все они схожи. Многие онкобольные описывали опыт, связанный с рождением. Многие из них встретились со своим раком и поняли, что он не имеет власти над ними. Испыту-

емым открывались истины вроде «Мы все едины» или «Любовь — единственное, что имеет значение». Многие во время трипов наслаждались путешествиями во времени. То, как они описывали свои опыты, напоминало рассказы астронавтов. По словам испытуемых, тот ракурс, с которого они смогли посмотреть на свою жизнь, навсегда изменил их приоритеты.

То, что пациенты узнали, пока длилось действие псилоцибина, затем воспринималось как объективная истина. «Ни один другой наркотик не дает такого эффекта», — отмечал Гриффитс. Это во многом объясняет, почему у многих больных пропадает страх смерти: они как бы встречаются с ней и репетируют. Многие из них заявили, что сознание может каким-то образом пережить смерть тела. Меттес в своих беседах с Боссисом рассказывал, что стал воспринимать рак как какую-то иллюзию, существующую вне его тела.

Возможно, психоделики просто дарят больным и умирающим утешительную иллюзию? Гриффитс признает, что «мистический опыт» — нетипичное для традиционной науки явление, а врачам приходится полагаться лишь на рассказы пациентов. Но он отметил, что это справедливо и для других психических явлений.

Лондонский нейробиолог Робин Кархарт-Харрис вводит здоровым добровольцам инъекции псилоцибина и ЛСД и наблюдает за тем, что происходит с их мозгом при помощи МРТ и магнитоэнцефалографии. «Фрейд говорил, что сны — королевская дорога к бессознательному, — говорит он. — Но ЛСД может оказаться скоростной магистралью».

В 2010 году, когда Кархарт-Харрис начал изучать человеческий мозг под психоделиками, ученые думали, что ЛСД каким-то образом возбуждает активность мозга и вызывает галлюцинации. Однако по результатам МРТ стало ясно, что препарат

существенно снижает активность одной определенной части мозга — «сети пассивного режима работы мозга». Это участок, который связывает кору головного мозга с более старыми его частями — лимбической системой и гиппокампом. Он, по-видимому, наиболее активен в те моменты, когда мозг не занят решением какой-либо задачи. Участок начинает работать, когда люди мечтают, расслабляются и занимаются саморефлексией. Кархарт-Харрис описывает этот участок как «дирижера оркестра» мозга или его «столицу». По сути, он выступает в качестве физиологического аналога человеческого эго.

Ученый обнаружил, что под воздействием психоделиков приток крови в этот участок снижается, как снижается и его активность. Это могло объяснить, почему принявшие психоделики волонтеры говорят о потере ощущения себя и растворении границ между личностью и окружающим миром.

Если предположить, что сеть пассивного режима работы мозга как бы дирижирует всем мозговым оркестром, мы можем ожидать ее временного ухода со сцены в случае появления психических расстройств. Вероятно, именно это происходит во время психоделических путешествий. Изучив результаты сканирования мозга, Кархарт-Харрис выяснил, что сеть, отключаясь, как бы спускает с поводка все остальные зоны. На первый план выходят эмоции, воспоминания, страхи, желания. Зоны мозга, которые обычно никак друг с другом не взаимодействуют, могут внезапно «завязать разговор». Кархарт-Харрис считает, что галлюцинации возникают, когда части мозга, ответственные за зрение, становятся более восприимчивы к нашим убеждениям и эмоциям.

Исследователь не романтизирует психоделики и не ожидает многого от «мистического мышления» и «метафизичности», которые принято с ними ассоциировать. По

его мнению, изменения, которые происходят в сознании после приема веществ, являются лишь возвращением к более примитивной форме познания. Кархарт-Харрис, как и Фрейд, склонен считать, что мистический опыт лишь возвращает нас к психологическому состоянию ребенка, которому лишь предстоит осознать себя как окутанную множественностью индивидуальность.

Тем не менее, ученый уверен, что психоделический опыт может помочь людям ослабить жесткую хватку эго и избавиться от некоторых рамок. Мозг взрослого человека на основе наблюдений и опыта учится многое предсказывать, чтобы сэкономить энергию и обеспечить выживание. Наше восприятие во многом строится на предположениях, основанных на предыдущем опыте, и этот вид мышления полезен и хорошо нам служит. Но Кархарт-Харрис убежден, что мы платим слишком высокую цену за достижение порядка в наших головах. «Мы отказываемся от нашей эмоциональной неустойчивости, от способности удивляться, свободно мыслить и наслаждаться природой», — пояснил он. Наше эго легко становится деспотом. Это особенно заметно, когда человек болен депрессией. Некоторые изнуряющие состояния и психологические проблемы могут быть результатом слишком интенсивной работы «сети пассивного режима».

Экзистенциальный кризис в конце жизни тоже имеет много признаков перенапряжения этой сети: нескончаемое самокопание и неспособность переключиться с негативных мыслей на другие. Эго, чувствующее угрозу, становится сверхбдительным. Достаточно одного психоделического опыта — Экхарт-Харрис называет это «встряхивание стеклянного шара со снегом» — чтобы на долгое время существенно изменить ситуацию.

Патрик Меттес прожил еще 17 месяцев после своего псилоцибинового путешествия. По словам его жены Лизы, на протяжении

всего этого времени он постоянно находил удовольствие в совершенно неожиданных вещах одновременно с постепенным принятием смерти. После псилоцибиновой сессии Меттес постоянно гулял по городу, посещал рестораны и рассказывал обо всех местах, которые нашел. В 2012 году он отказался от химиотерапии. «Он не хотел умирать. Но я думаю, он решил, что это не то, как ему хотелось бы жить», — говорила его супруга.

В апреле легкие Меттеса не выдержали, и он попал в больницу. Уравновешенность Меттеса оказывала влияние на всех окружающих, и его палата в больнице стала настоящим центром притяжения. Он распространял вокруг себя очень много любви.

Несмотря на обнадеживающие результаты исследований, на пути активного использования психоделиков в терапии остается много препятствий. Исследователям приходится гоняться за разрешениями, обращаться в инстанции на самых разных уровнях. Набор пациентов тоже является проблемой. На более серьезном этапе на исследования должны уходить миллионы долларов, а испытуемых должны быть сотни. Правительство практически не финансирует подобные исследования.

Фармацевтические компании также вряд ли будут заинтересованы в подобных вещах, потому что препарат с псилоцибином не может быть зарегистрирован. К тому же, какой у них может быть коммерческий интерес в лекарстве, которое может вылечить пациента за один прием, рассуждает Боссис.

Многие врачи и исследователи уверены, что терапия психоделиками в конце концов станет абсолютно обычным делом, но пока нужно быть очень аккуратными. Боссис надеется на их внедрение в систему паллиативной помощи, но опасается противостояния со стороны общества и институтов: «Эта культура боится смерти, трансцендентности и неизвестного — всего, что воплощено в моей работе». m

текст Ксения Ермошина иллюстрация Андрей Ангара

сеть, которой не было: история French Connection и геополитика наркотрафика

«френч Коннекшн» — сложно организованная трансатлантическая сеть, которая более полувека обеспечивала бесперебойный трафик героина из Сирии и Ливии в США. В Америку наркотик попадал через Марсель. Наркотрафик существовал под покровительством сменяющихся правительств — от довоенной компартии и оккупантов-нацистов до героев Сопротивления и людей де Голля. Только недавно, когда журналисты и историки получили доступ к архивам Министерства внутренних дел Франции и Бюро по борьбе с наркотиками США, стало ясно: «Френч Коннекшн» — явление запутанное и децентрализованное.

автор *moloko plus* изучил историю этой организации и убедился, что международная наркоторговля — это не только большие деньги, пушки и героин.

Гибель наркобарона

Когда 16 декабря 1943 года отряд французского Сопротивления подорвал поезд с немецкими офицерами, повстанцы едва ли догадывались, что в одном из вагонов ехал величайший из крёстных отцов корсиканской мафии, коллаборационист Поль Карбон. Карбон построил преступную империю на проституции, контрабанде пармезана и наркотрафике. Всего этого он достиг при полной поддержке правительства Виши — стартовый капитал мафиози и его напарникам был предоставлен французским Гестапо. От взрыва поезд сошёл с рельс. Карбону оторвало обе ноги. От помощи спасателей смертельно раненый мафиози отказался.

«Со мной уже покончено. Спасайте тех, кого ещё можно спасти», — процедил умирающий Карбон и попросил сигарету.

Умирающий преступник знал, что его империя в полном порядке. Десятки его помощников уже успешно покинули Францию. Словно грибница, не имеющая центральной точки уязвимости, *French Connection* (Французская Сеть или Французский Транзит) быстро восстанавливалась после ликвидации её активных деятелей. На протяжении своей полувековой истории, примерно с 1935 по 1985 годы, «Френч Коннекшн» успешно имитировала вертикальное иерархическое

устройство. В реальности же эта организация основывалась на сложной децентрализованной схеме, функционирующей посредством инструментов кланов.

Опираясь на поддержку французских политиков, как в Компартии, так и среди голлистов, «Френч Коннекшн» распространила своё влияние на несколько материков. Расселившись по городам Канады, Гватемалы, Колумбии, Таиланда, Турции и США, бывшие французские коллаборационисты помогали принимать и обрабатывать опиум. Оттуда наркотики пересылали в Нью-Йорк, жители которого радовали наркодельцов стабильным спросом.

После массовых зачисток конца 70-х, спланированных совместно Никсоном и Помпиду, «Френч Коннекшн» растворилась. Но однозначно сказать, исчезла ли она, или просто трансформировалась во что-то иное — невозможно. История «Френч Коннекшн» — это история о вечном ускользании.

Наркоризома

До 2012 года историки, занимающиеся связью мафии и французской политики, считали, что «Френч Коннекшн» была организована вертикально, а главная база её находилась в Марселе. В 30-е годы порт

этого французского города облюбовали сирийские и ливанские контрабандисты. Благодаря знанию французского языка и постколониальным связям они без труда доставляли в Марсель необходимое для синтеза героина сырьё. Около 9% опиума, выращиваемого в медицинских целях в Турции и в долине Бекаа в Ливане, грузили в контейнеры и отправляли кораблями и грузовыми самолётами в Марсель, Неаполь, Милан, Палермо и Рим.

В Марселе действовала система так называемых «летучих лабораторий», которые было легко сворачивать и можно было быстро переносить в новое, ещё не засвеченное место. В этих лабораториях сырой опиум перерабатывали в героин. На американский континент героин попадал через франкофонную диаспору в Канаде (Монреаль, Торонто) и в Мексике (Мехико).

Со временем возможность подключить к Французской Сети появилась и у коррумпированных чиновников из Штатов и Южной Америки. Так, посол Гватемалы в Бенилюксе (политическом и таможенно-экономическом союзе Бельгии, Нидерландов и Люксембурга) регулярно перевозил героин в своём дипломатическом чемодане. Самым распространённым способом транспортировки был Citroën DS — героин прятали под обшивку компактного автомобиля.

Контрабандисты чаще всего передвигались парочками, под видом свадебного путешествия. Сперва «молодожёны» достигали берегов Барселоны или Аликанте. Затем в Испании они садились на корабль и плыли до города Веракрус, что в Мексике. У берегов Америки товар распределяли между двадцатью восемью семьями Коза Ностры (легендарной сицилийской преступной организации — прим. ред.), каждая из которых держала свой район в одном из крупных городов США.

Сегодня, благодаря доступу к архивам французской и американской полиции

и Бюро по наркотикам и опасным лекарствам (Bureau of Narcotics and Dangerous Drugs, BNDD), историки сходятся на мысли, что само понятие ««Френч Коннекшн»» является упрощением, искусственно создающим иллюзию единой вертикально устроенной централизованной системы. Термин ««Френч Коннекшн»» появился лишь в 1969 году, когда журналист Робин Мур выпустил книгу *La French Connection: A True Account of Cops, Narcotics and International Conspiracy*. В 1971 году термин входит в массовую культуру благодаря известному триллеру режиссёра Уильяма Фридкина (в российском прокате фильм вышел под названием «Французский связной» — прим. ред.). Термин ««Френч Коннекшн»» сбивает с толку и на долгие годы делает именно Францию главной виновницей мировой эпидемии героиновой зависимости.

«Франция является источником более 75% героина, потребляемого наркоманами» — заявил в 1967 году Эндрю Тартаглино, директор американского BNDD.

Волна франкофобии, охватившая США в конце 60-х-начале 70-х, отразилась как минимум в серии пикетов. Например, 25 июня 1970 года демонстранты пришли к посольству Франции в Нью-Йорке с плакатами: «Франция производит героин», «Героин убивает», «Наркотики привозят из Франции».

Особая форма доверия

Термин ««Френч Коннекшн»», популяризованный массовой культурой и СМИ начала 70-х по обе стороны Атлантики, придаёт искусственное единство феномену гораздо более сложному и подвижному. «Френч Коннекшн» оказалась не сущностью или организацией, а сложно устроенным алгоритмом, который успешно координировал взаимодействие десятка «семей», имеющих свои локальные интересы.

«Крёстные отцы» — уже известный нам Карбон и его напарник, итальянский иммигрант Франсуа Спирито, а позже братья-корсиканцы Антуан и Бартелеми Герини (второе поколение «Френч Коннекшн») — выполняли только координирующую функцию. Они следили за сохранением более-менее уравновешенных отношений между кланами. Также известно о самых влиятельных ячейках — Доминико Вентури и Марселя Франсичи, Шарля Мариньяни по прозвищу Лоло, ячейке Жозефа Патрицци и Поля Мондолони. При этом наркотрафик был лишь одним из слоёв этой луковицы. Подобно современному даркнету, «Френч Коннекшн» могла достать всё — от запрещённого в 30-е пармезана (в знак протеста против режима Муссолини) до женщин, технического оборудования, алкоголя и медицинских препаратов.

Единого командного центра марсельская организация не имела, ведь централизованную структуру было бы гораздо легче

разоблачить. Все держалось на неформальных контактах — встречах в барах, знакомствах в тюрьме, слухах. Кроме того, плотное сотрудничество разных ячеек (корсиканцев, итальянцев, сицилийцев, итало-американцев) было завязано на общности механизмов теневой экономики: принципах авторитета, престижа, вендетты, близости языков и культур.

Например, именно через свою корсиканскую жену и её связи знаменитый ливанский наркоторговец Сами Эль Кхури вписался во «Френч Коннекшн» в 1960-х. Сотрудничество международных ячеек было ситуативным: если что-то и удерживало звенья цепи вместе, так это общая заинтересованность в том, чтобы быстро и успешно провернуть аферу, и, как следствие, это рождало особенную форму «доверия».

«Когда ты покупаешь гашиш, например, ты можешь заплатить за четверть или за половину, и если вдруг у тебя отнимут товар, ты должен будешь выплатить оставшуюся

Постер фильма The Connection (2015)

сумму позже, как будто бы ты взял кредит. Доверие — это основа, это так, и не только в нашей среде. В начале 1980-х годов килограмм стоил недорого, от силы 150 евро. За пять тонн гашиша, например, мы платили меньше половины. Потом мы придумали, как разнообразить доступ — 500 килограмм продавали одним путём, тонну другим, две тонны помещали в грузовики с фруктами, которые ехали в Марокко... Постепенно удавалось вернуть долг продавцу. И никакой пушки у виска! Это всё только в фильмах бывает. У нас было так — договариваешься об условиях и постепенно выплачиваешь, как кредит в банке. Если вдруг полиция или таможня что-то изымала — это только стимулировало деятельность, все закатывали рукава и говорили «ничего, разберёмся», — так описывал в 2015 году сложившиеся этические устои в интервью французскому журналу *l'Inrocks* 73-летний ветеран и один из лидеров второй волны «Френч Коннекшн» по имени Милу.

Под прикрытием правительства

«Френч Коннекшн» просуществовала относительно спокойно более 40 лет. Полиция активно устраивала облавы на мелких дилеров, а крупные узлы сети как правило оставались нетронутыми. «Крёстные отцы» марсельской наркомафии долгие годы умудрялись поддерживать выгодные связи с политиками. В 30-е годы люди Карбона и Спирито помогали кандидату-коммунисту (а позже коллаборационисту) Симону Сабани на выборах в мэры, за что получили фактический иммунитет. Первое поколение «Френч Коннекшн» 30-х-40-х годов держалось на «силовых группах» (так называемых «службах порядка», фр. *service d'ordre*) — отрядах вооружённых молодцев, которые в том числе помогали разгонять демонстрации во время забастовки докеров в 1936 году.

Братья Антуан и Бартелеми Герини, представлявшие второе поколение «Френч Коннекшн», активно пользовались покровительством мэра Марселя, социалиста Гастона Дефферра. В отличие от Карбона и Спирито, сотрудничавших с коллаборационистским правительством Виши во время немецкой оккупации Франции, братья Герини — старые товарищи Дефферра по Сопротивлению. Активное участие в борьбе с коллаборационизмом и дружба с мэром создали братьям практически безупречный иммунитет и не раз спасали их от суда и арестов. Другой важный деятель «Френч Коннекшн» — Марсель Франсизи, которого журналисты прозвали «Мистер Героин», был в близких отношениях с Союзом демократов за Пятую Республику и поддерживал так называемую Службу Гражданского Действия — своеобразную центристскую милицию, дружину, осуществлявшую контроль за порядком на улицах Марселя.

Правоохранительные органы были более чем в курсе сотрудничества государства и наркомафии. В 1967 году совместными усилиями США и Франции была начата кампания по борьбе с «Френч Коннекшн», и полицейские Франции обратились с анонимным письмом к первому директору ФБР Джону Эдгару Гуверу: «Мы, простые стражи порядка, которых принимают за марионеток, считаем, что пришло время уведомить наших управляющих о неприемлемой ситуации: бандиты всех мастей ставят себя наравне с политиками. Никто не имеет права к ним прикоснуться — и полиция, и правосудие, кажется, идут на поводу у поборников мафии».

Некоторые журналисты обвиняли правительство де Голля в том, что оно не брезговало финансировать работу секретных служб (а именно Службу внешней документации и контрразведки) на деньги, вырученные от наркоторговли. По другой легенде «Френч Коннекшн» оказалась одним из инструментов НАТО в Холодной

ЕСЛИ У НАС ЕСТЬ ДЕЛО
И НАМ КТО-ТО МЕШАЕТ,
КАКОЙ-НИБУДЬ МИНИСТР НАС
ВЫРУЧАЕТ, ПОМОГАЕТ НАМ,
НО И МЫ ТОЖЕ ДОЛЖНЫ ПОМОЧЬ
ЕМУ РАЗОБРАТЬСЯ
С ЕГО ПРОБЛЕМАМИ. ТАКОЙ ОБМЕН
УСЛУГАМИ ДОРОЖЕ МНОГИХ ДРУГИХ,
ОСОБЕННО КОГДА
ВСЁ ПРОИСХОДИТ СРЕДИ СВОИХ.
И КТО ЖЕ ЕЩЁ ПОМОЖЕТ ПОЛИТИКАМ,
ЕСЛИ НЕ МЫ? ЕСЛИ ЕСТЬ ПРОБЛЕМЫ
С ТЕРРОРИЗМОМ, С МОЛОДЁЖЬЮ
С ОКРАИН В АФРИКЕ,
ФРАНЦИИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ,
КТО СПРАВИТСЯ ЛУЧШЕ НАС?

сумму позже, как будто бы ты взял кредит. Доверие — это основа, это так, и не только в нашей среде. В начале 1980-х годов килограмм стоил недорого, от силы 150 евро. За пять тонн гашиша, например, мы платили меньше половины. Потом мы придумали, как разнообразить доступ — 500 килограмм продавали одним путём, тонну другим, две тонны помещали в грузовики с фруктами, которые ехали в Марокко... Постепенно удавалось вернуть долг продавцу. И никакой пушки у виска! Это всё только в фильмах бывает. У нас было так — договариваешься об условиях и постепенно выплачиваешь, как кредит в банке. Если вдруг полиция или таможня что-то изымала — это только стимулировало деятельность, все закатывали рукава и говорили «ничего, разберёмся», — так описывал в 2015 году сложившиеся этические устои в интервью французскому журналу *Inrocks* 73-летний ветеран и один из лидеров второй волны «Френч Коннекшн» по имени Милу.

Под прикрытием правительства

«Френч Коннекшн» просуществовала относительно спокойно более 40 лет. Полиция активно устраивала облавы на мелких дилеров, а крупные узлы сети как правило оставались нетронутыми. «Крёстные отцы» марсельской наркомафии долгие годы умудрялись поддерживать выгодные связи с политиками. В 30-е годы люди Карбона и Спирито помогали кандидату-коммунисту (а позже коллаборационисту) Симону Сабани на выборах в мэры, за что получили фактический иммунитет. Первое поколение «Френч Коннекшн» 30-х-40-х годов держалось на «силовых группах» (так называемых «службах порядка», фр. *service d'ordre*) — отрядах вооружённых молодцев, которые в том числе помогали разгонять демонстрации во время забастовки докеров в 1936 году.

Братья Антуан и Бартелеми Герини, представлявшие второе поколение «Френч Коннекшн», активно пользовались покровительством мэра Марселя, социалиста Гастона Дефферра. В отличие от Карбона и Спирито, сотрудничавших с коллаборационистским правительством Виши во время немецкой оккупации Франции, братья Герини — старые товарищи Дефферра по Сопротивлению. Активное участие в борьбе с коллаборационизмом и дружба с мэром создали братьям практически безупречный иммунитет и не раз спасали их от суда и арестов. Другой важный деятель «Френч Коннекшн» — Марсель Франсизи, которого журналисты прозвали «Мистер Героин», был в близких отношениях с Союзом демократов за Пятую Республику и поддерживал так называемую Службу Гражданского Действия — своеобразную центристскую милицию, дружину, осуществлявшую контроль за порядком на улицах Марселя.

Правоохранительные органы были более чем в курсе сотрудничества государства и наркомафии. В 1967 году совместными усилиями США и Франции была начата кампания по борьбе с «Френч Коннекшн», и полицейские Франции обратились с анонимным письмом к первому директору ФБР Джону Эдгару Гуверу: «Мы, простые стражи порядка, которых принимают за марионеток, считаем, что пришло время уведомить наших управляющих о неприемлемой ситуации: бандиты всех мастей ставят себя наравне с политиками. Никто не имеет права к ним прикоснуться — и полиция, и правосудие, кажется, идут на поводу у пособников мафии».

Некоторые журналисты обвиняли правительство де Голля в том, что оно не брезговало финансировать работу секретных служб (а именно Службу внешней документации и контрразведки) на деньги, вырученные от наркоторговли. По другой легенде «Френч Коннекшн» оказалась одним из инструментов НАТО в Холодной

ЕСЛИ У НАС ЕСТЬ ДЕЛО
И НАМ КТО-ТО МЕШАЕТ,
КАКОЙ-НИБУДЬ МИНИСТР НАС
ВЫРУЧАЕТ, ПОМОГАЕТ НАМ,
НО И МЫ ТОЖЕ ДОЛЖНЫ ПОМОЧЬ
ЕМУ РАЗОБРАТЬСЯ
С ЕГО ПРОБЛЕМАМИ. ТАКОЙ ОБМЕН
УСЛУГАМИ ДОРОЖЕ МНОГИХ ДРУГИХ,
ОСОБЕННО КОГДА
ВСЁ ПРОИСХОДИТ СРЕДИ СВОИХ.
И КТО ЖЕ ЕЩЁ ПОМОЖЕТ ПОЛИТИКАМ,
ЕСЛИ НЕ МЫ? ЕСЛИ ЕСТЬ ПРОБЛЕМЫ
С ТЕРРОРИЗМОМ, С МОЛОДЁЖЬЮ
С ОКРАИН В АФРИКЕ,
ФРАНЦИИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ,
КТО СПРАВИТСЯ ЛУЧШЕ НАС?

войне: в рамках знаменитой операции «Гладио» ЦРУ закрыло глаза на наркотрафик в обмен на обещание братьев Герини контролировать работу коммунистических профсоюзов.

«Политики для нас — самое важное, особенно правые. Леваки никого почти не интересуют. Левые политики, за редким

лезть, чтобы чего-то добиться, — рассказывает отставной наркоторговец Милу, — Если у нас есть дело и нам кто-то мешает, какой-нибудь министр нас выручает, помогает нам, но и мы тоже должны помочь ему разобраться с его проблемами. Такой обмен услугами дорожке многих других, особенно когда всё происходит среди своих. И кто же ещё поможет

«Каприз времени» — рыболовная шхуна, на которой нашли 425 кг героина

исключением, вообще никак не разбираются в крупном бандитизме, им нельзя доверять. Однако по правую сторону спектра сидят умные люди, с которыми можно договориться. Со всеми... кроме, пожалуй, папенькиных сыночков, которым не пришлось из кожи вон

политикам, если не мы? Если есть проблемы с терроризмом, с молодёжью с окраин в Африке, Франции, центральной Америке, кто справится лучше нас? Друзья-гангстеры мо- ложе меня, которым сейчас 50-60 лет, теперь встречаются с депутатами, министрами, дру-

жата со всеми самыми важными чиновниками региона и страны. Они никогда не попадали в тюрьму, слушали мои советы».

Однако администрация Марселя никак не защитила братьев Герини, вступивших на тот момент в насильственное противостояние с другими преступными группировками: в 1967 году Антуан был убит, а Бартеlemi арестован (в 1982 году он сканчался от рака). Контакты Франсизи («Мистера Героина») тоже не принесли никакой пользы — 15 января 1982 года его убили во время разборки при неясных обстоятельствах. Говорят, Франсизи тщетно пытался добиться помощи от министра внутренних дел. За несколько дней до гибели Франсизи звонил своему адвокату Рональду Дюма, но тот попросил секретаршу сказать, что его нет на месте.

Охота на муравьёв

До 1968 года наркомания во Франции не являлась политической и легальной проблемой. После Мая 68-го парадигма меняется: голлисты боятся последствий студенческих волнений и сопровождающей их смены ценностей, в том числе увлечения французской молодёжи психотропными веществами под влиянием движения битников.

Из известных граффити «Красного Мая» в архивы попало множество лозунгов с упоминанием психоделиков, например: «Употребляйте ЛСД — снимайте не только штаны, но и стереотипы», «Алкоголь убивает — принимайте ЛСД».

В 1970 году насчитывалось 1374 случая задержаний за употребление наркотиков, а в 1972 — уже 2766. Героиновые торчки составляли 37% от всех задержанных. Все это заставило правительство задуматься над реформой законодательства. В 1971 году президент Франции Жорж Помпиду призвал европейских соседей к прямому сотрудничеству в борьбе с наркоманией и заложил основы межправительственной «Группы

Помпиду», которая сегодня входит в Совет Европы.

В то же время изменения происходят и на уровне международной политики — Ричард Никсон в своей знаменитой речи в июне 1971 года называет наркоманию «главным врагом американского народа». Он также посылает обращение к Помпиду, требуя немедленно начать принимать меры против наркоторговли. Под давлением США французская полиция запускает серию операций по нейтрализации «Френч Коннекшн».

В начале 1972 года французская таможня обнаруживает на борту рыболовного судна «Каприз времени» (фр. *Le Caprice des temps*) 425 килограмм героина. В 1973 году французской полиции удаётся поймать Жана-Батиста Кроса, а также его коллег Жозефа Мари (по прозвищу Кудрявый Зе) и Этьена Моска. Они подготавливали перевозку товара на американский континент. Эти задержания положили конец отлаженной трансатлантической связи.

В 1973 году США добились от турецких властей полного запрета культивировать мак, но экономические последствия для страны были ужасны — более 100 000 человек, задействованных в выращивании мака, потеряли работу. С 1975 года Турция вновь легализовала маковую культуру, обещав жёстко её регламентировать.

В середине 1970-х американцы предоставляют в распоряжение французских властей так называемые «нюхачи» — грузовики, снабжённые специальными трубками, способными определять выхлопы уксусного ангидрида — главного побочного компонента, выделяющегося при производстве героина. Это позволило оперативно вычислить троих главных химиков группировки (Мариуса Пастра, Джо Сезари и братьев Лонг). Лаборатории в пригородах Марселя разгромили во время антинаркотических рейдов. Одна из них находилась в полукилометре от отдела по контролю за оборотом наркотиков.

Как показывают документальные кадры того времени, лаборатории практически не располагали профессиональным оборудованием — например, для взбалтывания смеси использовались дрели, приделанные к стульям, а готовый продукт промывался в тазах. Переход от серьёзного промышленного оборудования к самодельному связан с методичными гонениями на «Френч Коннекшн» и общим спадом объемов производства героина. Если в 1950-е-1960-е в США каждый месяц отправляли до 500 килограмм героина, то с 1974 года это количество снизилось до нескольких килограмм.

«С 1975 по 1979 героин, наш героин, Марсельеза, Роллс-Ройс среди героина, практически исчез с рынка. Только к 1978-1979 мне удалось наладить сбыт с сицилийцами, но размеры были уже не такие крупные, — вспоминает Милу, — Мы отправляли по 40-50 килограмм. Зато цена выросла раз в семь-десять. В Нью-Йорке или Майами килограмм героина тогда продавали за 130 000 евро, а то и за 160 000».

В годы кризиса «Френч Коннекшн» многие начинают заниматься подделкой денег, и когда сырьё внезапно возвращается на рынок, члены сети не брезгуют платить за него поддельными купюрами. Это приводит к конфликтам между продавцами сырья и фальшивомонетчиками: за один 1978 год в уличных перестрелках в Марселе были убиты 16 членов «Френч Коннекшн».

Шелковый путь

Политика Франции и США в борьбе с «Френч Коннекшн» оказывает прямое влияние на организацию наркотрафика. Французский полицейский, опрошенный журналистом Кристианом Мейзе в 1981 году, вспоминает, что до того, как правительство уничтожило «Френч Коннекшн», на черном рынке не было недостатка героина.

«На рынке всё время вертелось большое количество хмурого. Можно было говорить о структурированном рынке, построенном по принципу пирамиды, — с «муравьями» в основе и большими шишками сверху. Но франко-американское сотрудничество положило этому конец, — говорит сотрудник полиции, — За счёт того, что переработка опиума-сырца теперь на территории Франции невозможна, трафик окончательно перестраивается, становясь уделом так называемых «муравьёв». Он распыляется, распределяется, и контролировать его становится всё сложнее».

«Френч Коннекшн» перестраивается, его нити истончаются, но не исчезают. Оставшиеся в живых и на свободе преступники мигрируют на территории, где они ещё могут осуществлять свою деятельность: на Сицилию, чтобы служить итальянской мафии Каморры, в Юго-Восточную Азию, чтобы продолжать торговлю героином, в Южную Америку, чтобы инвестировать в кокаин. Некоторые спящие элементы остаются на месте, и международная торговля продолжается.

Полиции Франции и США не удаётся установить связь мелких барыг с крупными дилерами и поставщиками. Арестовывают «муравьёв» и челночников, которые часто ничего не знают о своей миссии. Главари и инвесторы, финансирующие эти сети, всё время ускользают от полицейских.

Из-за дефицита героина на рынке спрос переключается на заменители, в основном на аптечные препараты на базе опиатов. Уже через несколько месяцев после закрытия лабораторий по производству героина во Франции учащаются нападения на аптеки — в 1974 году насчитывают 710 случаев ограбления аптек, а в 1975 году — 773.

Государственные службы заявляют, что «удвоение показателя смертности после 1973 года является непредвиденным последствием борьбы с оборотом героина».

Кажется очевидным, что рост смертности от Наркотиков после 1974 года — прямое последствие хаотичного потребления наркоманами лекарств, приобретенных нелегальным путём: через кражу рецептов, подделку рецептов или воровство препаратов. Битва с «Френч Коннекшн» оказалась напрасной — уничтожив предложение, власти разных стран не смогли побороть спрос.

«Френч Коннекшн» не исчезла. Марсельская система перешла в руки конкурирующих кланов Гаэтана Зампы и Франсиса Ванверберга по прозвищу «Бельгиец». Герои очищали в подпольных лабораториях в Палермо. Туда перебрались французские химики, например доктор Антуан Буске, которого арестовали в 1980 году.

Производство, что было логично, переехало туда, где правовой режим был менее строг. Как только основная линия связи была переломлена, французские диаспоры в Южной Америке и Юго-Восточной Африке тут же были готовы встроиться в новый героиновый «щёлковский путь». «Френч Коннекшн» постепенно пересобралась в другом месте.

Средиземноморский маршрут больше не был основной мировой артерией героина. Новым источником опиума стали огромные маковые поля Золотого Треугольника (географическая зона в горах Мьянмы, Лаоса и Таиланда). Азиатские диаспоры, переехавшие в Амстердам и в Париж, стали снабжать «Френч Коннекшн» своими членами и мелкими дилерами из Китая, Малайзии и Таиланда. Трансфер компетенций и действующих лиц из Средиземноморья в Юго-Восточную Азию произошёл с опорой на связи, существовавшие ещё со времён колонизации.

Бесконечная история

История международного наркотрафика не состоит из последовательности

автономных ячеек, у каждой из которых есть своя уникальная система производства и распространения продукции — эти различные системы наслаиваются друг на друга. Когда полицейское давление в одном месте усиливается, то некоторые участки сети ломаются, а другие — прорастают и укрепляются. И глядя на то, как этот «антимир» постоянно перестраивается в ответ на атаки со стороны различных государств, можно только усомниться в эффективности стратегии «борьбы с наркотиками», которая превращается в бесконечный бег по кругу. В этом заключается один из главных парадоксов геополитики наркотрафика.

В 1971 году советник Белого дома по внутренним вопросам Вальтер Минник сказал: «Борьба с наркотиками — это как борьба с терроризмом. Это не та война, которую можно выиграть окончательно. Цель заключается в том, чтобы контролировать проблему».

Насколько у властей получается контролировать проблему — вопрос спорный. Криминальные сводки со всего мира говорят о том, что пока что войну с наркотиками не смогла выиграть ни одна страна.

5 июля 2016 года Дидье Филиппи, сын Гомера Филиппи, важного участника «Френч Коннекшн», был приговорён к шести годам заключения за участие в организации трафика кокаина между Марселем и Сан-Тропе. Согласно решению суда, с 2013 по 2015 годы Дидье с напарниками сбывали 11 килограмм кокаина, получив с этого прибыль в размере более 100 000 евро. В деле, которое прокуроры окрестили делом «детей «Френч Коннекшн»», фигурировали 13 человек, в том числе Матьё Беджади-Зампа, сын известного «крёстного отца» Гаэтана Зампа. Матьё покончил с собой до конца следствия. По словам судьи, речь идёт об «очень хорошо организованной сети». ■

слово «наркобарон» почти неизбежно ассоциируется с одним именем — Пабло Эскобар. На пике могущества легендарный мафиози контролировал 80% мирового рынка кокаина. Одной рукой он давал деньги школам, церквям и больницам, другой — распределял среди подчиненных бонусы за головы полицейских. Но эта история не о нем, а о человеке, который превзошел даже такую легенду — мексиканце Хоакине Гусмане, известном как Коротышка (El Charo).

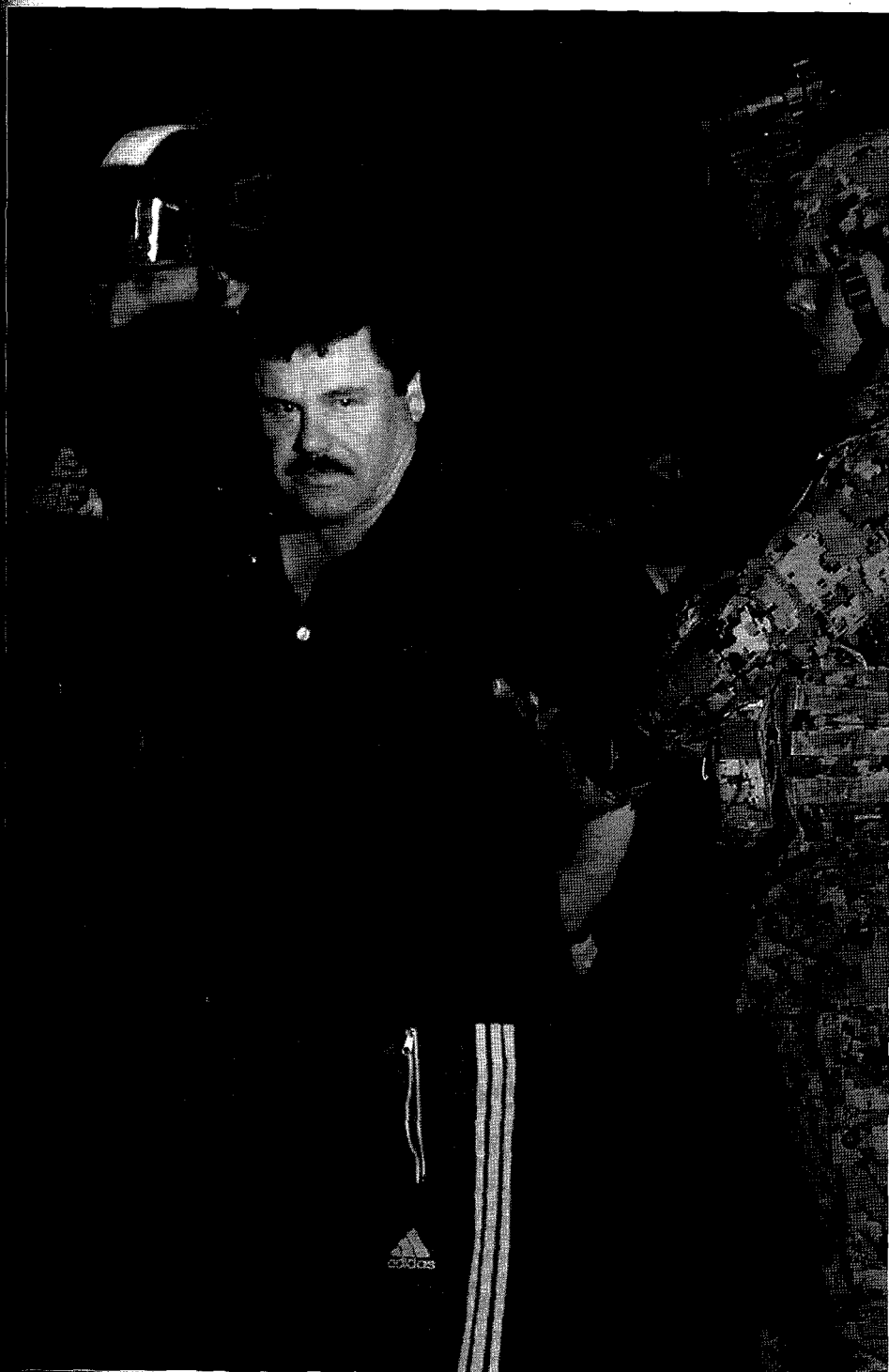
текст Артем Асташенков

посадить Коротышку: история жизни наркобарона Хоакина Гусмана

В 1989 году, когда журнал Forbes включил Эскобара в список из 227 долларовых миллиардеров мира, Гусман только начал приобретать известность. Когда в декабре 1993 года полиция обступала тело колумбийского наркобарона на крыше жилого дома

в Медельине, Коротышка возводил свою империю, сидя в обеспеченном огромным взятками комфорте мексиканской тюрьмы.

В рейтинге самых влиятельных людей мира по версии Forbes Гусман с 2009 года не опускается ниже 60-го места.

НАРКОТИКИ РАЗРУШАЮТ, ТАКОВА РЕАЛЬНОСТЬ. НО ТАМ, ГДЕ Я РОС, НЕ БЫЛО И НЕТ ИНОГО СПОСОБА ВЫЖИТЬ ПРИ НЫНЕШНЕЙ ЭКОНОМИКЕ

В 2011 году журнал также назвал его десятым богатейшим человеком в Мексике и 1140-м — в мире. В DEA (*Drug Enforcement Administration* — американское Управление по борьбе с наркотиками — прим. ред.) Коро-

тышку считают «крестным отцом мировой наркомафии». В Чикаго, где Гусман ни разу не бывал лично, в 2013 году его объявили «врагом народа № 1» — впервые после Аль Капоне в 1930-х.

Юность барона

По сути, в мексиканский наркобизнес Гусман вошел в день своего рождения — то ли 25 декабря 1954 года, то ли 4 апреля 1957-го. Его отец, скотовод из маленького поселка в штате Синалоа, выращивал мак и марихуану, как, впрочем, и многие другие мексиканские крестьяне того времени. После второго класса Коротышка бросил школу, чтобы помогать папе по хозяйству. Собранный сыновьями урожай Гусман-старший отвозил в город, продавал, а вырученные деньги зачастую полностью спускал на алкоголь и женщин. Недовольный такой бизнес-моделью Коротышка уже в 15 лет завел свою собственную делянку с коноплей. На этом его история могла бы и закончиться: мелкие производители сырья зарабатывали немного, и большинство крестьян проводили за этим занятием всю жизнь. Но отцом связи Гусмана с преступным миром не ограничивались.

В «большой мир» Коротышку вывел дядя — Педро Авилес Перес, один из первых мексиканских преступников, кого вообще принято называть наркобароном. Авилес занимался марихуаной и первым придумал, как перебрасывать ее в США самолетами.

В 1978 году Авилес погиб в перестрелке с полицией. По слухам, не обошлось без предательства со стороны кого-то из младших партнеров: Мигеля Анхеля Феликса Гальбардо, Эрнесто Фонсеки Карильо и Рафаэля Каро Кинтеро. После смерти лидера они основали картель Гвадалахары.

Взлет барона

В наркобизнесе все происходит быстро. Картель Гвадалахары просуществовал около 10 лет — с 1980 по 1989 годы. Еще до его распада Гусман успел достичь в нем карьерного потолка». К концу 80-х он

отвечал за весь импорт наркотиков из Южной Америки в Мексику и отчитывался непосредственно перед Феликсом Гальбардо. Подняться выше можно было только избавившись от кого-то из лидеров или устроив раскол в организации. В 1989 году, по сути, произошло и то, и другое, но грязную работу за Гусмана сделали сами отцы-основатели.

В марте 1985 года в штате Мичоакан было найдено изувеченное тело агента DEA Энрике Камарены. В 1984 году, работая под прикрытием, он вывел мексиканскую армию на гигантскую — около тысячи гектаров — плантацию марихуаны. 7 февраля 1985 года по приказу Феликса Гальбардо спецagenta похитили, пытали и убили.

Под давлением американцев на скамье подсудимых оказались не только исполнители, но и все руководство картеля. Фонсеку и Каро Кинтеро полиция поймала сразу же, а Феликса Гальбардо — в 1989 году. После этого их подчиненные устроили размежевание. Гвадалахара распалась, Гусману досталось тихоокеанское побережье страны. Так родился картель Синалоа — одна из сильнейших преступных группировок мира.

В те времена организация Гусмана работала с мелкими партиями — кокаин, марихуану и метамфетамин в штаты перебрасывала армия курьеров. Но даже так счет грузам ежегодно шел на тонны. Были и более изощренные методы. Коротышка первым начал использовать подземные тоннели под границей, отправляя кокаин в банках из-под молотого перца чили железной дорогой.

Синалоа, разумеется, был не единственным осколком Гвадалахары. Бывшим коллегам Гусмана, братьям Арельяно, достался тихоуанский транспортный коридор. Когда они нарушили условия размежевания, выдавив из картеля кузена Рафаэля Каро Кинтеро, между Синалоа и Тихуаной началась война.

Четыре года члены картелей соревновались в изощренности убийств. Один из наиболее красочных эпизодов — расправа над семьей Эктора Паны, партнера Гусмана. Наемник братьев Арельяно соблазнил его жену, убедил перевести ему \$7 миллионов, отрубил жене голову и послал ее в коробке мужу. Пятилетних детей Паны изобретательный убийца вывез в Венесуэлу и сбросил с моста.

Первый срок барона

Финальным аккордом войны между бывшими партнерами стала гибель архиепископа Гвадалахары, в результате которой Гусман впервые оказался за решеткой. Мы говорим «в результате», потому что связь между смертью кардинала Посадаса Окампо и арестом Коротышки довольно запутанная.

В 1993 году американская «Война с наркотиками» (War on Drugs) еще не добралась до Мексики — мексиканское правительство отправит армию на борьбу с картелями только в начале 2000-х с приходом к власти оппозиционной «Партии национального действия» (исп. Partido Acción Nacional или PAN). Правившая с начала XX века «Институционно-революционная партия» (исп. Partido Revolucionario Institucional или PRI) традиционно смотрела на деятельность картелей сквозь пальцы: за более чем 70 лет через взятки, угрозы, кумовство и меценатство мафия практически срослась с государством. Чтобы вся полиция страны бросилась ловить пусть влиятельного, но еще малоизвестного наркобарона, требовался большой скандал — и он случился, хотя его детали до сих пор остаются загадкой.

По официальной версии архиепископ стал жертвой перестрелки между людьми Арельяно и Гусмана. В мае 1993 года бывшие партнеры послали за Коротышкой в Гвадалахару расстрельную команду, но боевики найти его не смогли.

24 мая 1993 года, 15:45. Люди Арельяно готовятся к вылету в международном аэропорту Гвадалахары. Лидер группы получает звонок от информатора: Коротышка сам собирается бежать из штата и в эту минуту ждет рейса в машине на стоянке у терминала. 20 боевиков выбегают на улицу, видят представительный белый седан. Без лишних раздумий открывают огонь. От пулевых ранений погибает архиепископ, а вместе с ним — его водитель и еще пять прохожих. Гусман, ждавший рейса поблизости, прыгает в такси и исчезает.

Обвинение в убийстве кардинала Посадаса Окампо так и не будет никому предъявлено, а спустя семь лет, когда к власти придет оппозиция, вновь собранная следственная группа сосредоточится на версии, согласно которой священник и был подлинной целью. Якобы убийство было совершено по заказу кого-то из администрации тогдашнего президента Карлоса Салиаса. Разумеется, это расследование тоже ни к чему не приведет.

Тем временем в 1993 году на Гусмана начинается охота по всей стране. Он пытается сбежать в Сальвадор, но его перехватывают гватемальские военные. 9 июня три ржавых пикапа с минимумом охраны пересекают границу с Мексикой. В кузове передней машины — связанный по рукам и ногам Коротышка с мешком на голове. На родине его встречает отделение десантников.

Суд приговорил Коротышку к 20 годам тюрьмы.

Побег барона

В 1995 году Гусмана перевели в Халиско, в колонию строгого режима. Там он устроился весьма комфортно: купил большую часть персонала, заказывал в камеру проститутку, устраивал вечеринки, на которые приглашал родных и друзей с воли. И, конечно, продолжал руководить картелем.

Четыре года члены картелей соревновались в изощренности убийств. Один из наиболее красочных эпизодов — расправа над семьей Эктора Паны, партнера Гусмана. Наемник братьев Арельяно соблазнил его жену, убедил перевести ему \$7 миллионов, отрубил жене голову и послал ее в коробке мужу. Пятилетних детей Паны изобретательный убийца вывез в Венесуэлу и сбросил с моста.

Первый срок барона

Финальным аккордом войны между бывшими партнерами стала гибель архиепископа Гвадалахары, в результате которой Гусман впервые оказался за решеткой. Мы говорим «в результате», потому что связь между смертью кардинала Посадаса Окампо и арестом Коротышки довольно запутанная.

В 1993 году американская «Война с наркотиками» (War on Drugs) еще не добралась до Мексики — мексиканское правительство отправит армию на борьбу с картелями только в начале 2000-х с приходом к власти оппозиционной «Партии национального действия» (исп. Partido Acción Nacional или PAN). Правившая с начала XX века «Институционно-революционная партия» (исп. Partido Revolucionario Institucional или PRI) традиционно смотрела на деятельность картелей сквозь пальцы: за более чем 70 лет через взятки, угрозы, кумовство и меценатство мафия практически срослась с государством. Чтобы вся полиция страны бросилась ловить пусть влиятельного, но еще малоизвестного наркобарона, требовался большой скандал — и он случился, хотя его детали до сих пор остаются загадкой.

По официальной версии архиепископ стал жертвой перестрелки между людьми Арельяно и Гусмана. В мае 1993 года бывшие партнеры послали за Коротышкой в Гвадалахару расстрельную команду, но боевики найти его не смогли.

24 мая 1993 года, 15:45. Люди Арельяно готовятся к вылету в международном аэропорту Гвадалахары. Лидер группы получает звонок от информатора: Коротышка сам собирается бежать из штата и в эту минуту ждет рейса в машине на стоянке у терминала. 20 боевиков выбегают на улицу, видят представительный белый седан и без лишних раздумий открывают огонь. От 14 пулевых ранений погибает архиепископ, а вместе с ним — его водитель и еще пять прохожих. Гусман, ждавший рейса поблизости, прыгает в такси и исчезает.

Обвинение в убийстве кардинала Посадаса Окампо так и не будет никому предъявлено, а спустя семь лет, когда к власти придет оппозиция, вновь собранная следственная группа сосредоточится на версии, согласно которой священник и был подлинной целью. Якобы убийство было совершено по заказу кого-то из администрации тогдашнего президента Карлоса Салинаса. Разумеется, это расследование тоже ни к чему не приведет.

Тем временем в 1993 году на Гусмана начинается охота по всей стране. Он пытается сбежать в Сальвадор, но его перехватывают гватемальские военные. 9 июня три ржавых пикапа с минимумом охраны пересекают границу с Мексикой. В кузове передней машины — связанный по рукам и ногам Коротышка с мешком на голове. На родине его встречает отделение десантников.

Суд приговорил Коротышку к 20 годам тюрьмы.

Побег барона

В 1995 году Гусмана перевели в Халиско, в колонию строгого режима. Там он устроился весьма комфортно: купил большую часть персонала, заказывал в камеру проститутку, устраивал вечеринки, на которые приглашал родных и друзей с воли. И, конечно же, продолжал руководить картелем.

Коротышка в укрытии

Шесть лет у Коротышки не было привычки бежать: бизнес рос, а подчиненные привозили ему чемоданы наличных, что позволяло ему поддерживать шикарный образ жизни, не покидая тюремных стен. Но в 2001 году началась подготовка к его экстрадиции в США, и Гусман решил сменить обстановку. По официальной версии, 19 января подкупленный охранник вывез его на легке с грязным бельем.

Мексиканская журналистка Анабель Рендес в книге «Нарколенд: мексиканские наркобароны и их покровители» (Los señores del Narco) излагает альтернативную версию, более достойную «крестного отца мировой наркомафии». Если верить источникам, сообщение о побеге было выполненным маневром, а Коротышку из-за сетки вытащил спецназ федеральной полиции, приехавший на вызов. Они заблокировали тюрьму, изолировали персонал и вывели Гусмана, переодев его в свою форму.

В бегстве Гусман жил не хуже, чем в тюрьме. Например, во многих штатах Мексики есть городские легенды о том, как «босс

обедает»: в популярный ресторан заходили вооруженные люди, отбирали у посетителей телефоны и закрывали двери. Затем появлялся Коротышка и садился есть. Пока он не заканчивал, заведение оставалось отрезанным от внешнего мира.

Скрываясь от полиции 13 лет, Гусман оставался самым влиятельным наркобароном в стране. Картель Синалоа рос, поглощал конкурентов, расширял маршруты и совершенствовал методы. К середине 2000-х речь шла уже о «Федерации Синалоа»: в нее вошли картели штатов Халиско, Сонора и Колима, организация «Тысячелетие» и картель Бельтран-Лейва. Для транспортировки наркотиков использовалось все: от грузовых «Боингов» до подводных лодок. Даже после распада союза на рубеже 2000-х и 2010-х Синалоа оставался мощнейшим картелем Мексики.

Охота на барона

Хоаким Гусман попался лишь в начале 2014 года. Он расслабился и стал все чаще выбираться в крупные города. В январе

армия выследила его телохранителей в Кулиакане — столице Синалоа — и через них нашла Коротышку в доме его бывшей жены. Но пока военные срезали стальную дверь, наркобарон сбежал через подземный ход, оборудованный под откидывающейся ванной.

Через месяц, 22 февраля, Гусмана нашли в курортном городе Масатлан. На этот раз морская пехота тихо окружила наркобарона, пока тот еще спал, и задержала без единого выстрела.

К адвокатам Гусмана выстроились очереди голливудских продюсеров, которым казалось, что в истории «крестного отца мировой наркомафии» поставлена точка. Это навело наркобарона на мысли о собственном наследии, но единственным человеком, с которым он был готов обсуждать экранизацию своей биографии, стала мексиканская актриса Кейт дель Кастильо, которая двумя годами ранее привлекла внимание Гусмана лестным открытым письмом. Впрочем, сначала главе картеля Синалоа нужно было решить другую проблему.

Гусмана поместили в особо охраняемую секцию тюрьмы «Альтиплано» в штате Мехико. Тюремщикам было строгойше запрещено разговаривать с дельцом. В одиночной камере за ним велось круглосуточное видеонаблюдение. В помещении не было окон, зато был душ — спустя полтора года кропотливой работы под ним вырос полуторакилометровый тоннель. По всей его длине были проложены рельсы, по которым перемещалась импровизированная дрезина, переоборудованная из мотоцикла — с ее помощью подчиненные наркобарона вывозили породу; на ней же босс сбежал в 20:52 11 июля 2015 года.

Глоток свободы получился коротким: власти вышли на след Гусмана в октябре того же года. Загоревшись идеей рассказать свою историю миру, наркобарон согласился на встречу с американским актером Шоном

Пенном, вышедшим на него через дель Кастильо. Зашифрованная переписка, одно-разовые телефоны, тайные взлетные полосы в горах и бронемашин не помогли: через несколько дней после интервью его тайное горное ранчо обступила армия.

В ходе перестрелки Гусман был ранен, но смог скрыться. Правда, о новых встречах со звездами теперь не могло быть и речи. Пенну пришлось довольствоваться уклончивыми и порой односложными ответами на вопросы, заданные по почте. Большую часть опубликованного в Rolling Stone эксклюзива составили впечатления актера от поездки — конспирация, связанные и низколетящие самолеты. Самой любопытной репликой наркобарона, пожалуй, была высказанная досада, что его деньги слишком грязны для инвестиций в нефтяной бизнес.

Ошибка барона

Через два месяца после встречи с Пенном и последующего армейского рейда Гусман сам забрел в ловушку, приехав в дом в прибрежном городе Лос-Мочис, уже находившийся под наблюдением силовиков. Раннее утро 8 января 2016 года «враг американского государства №1» встретил в канализации, пытаясь убежать от мексиканских морпехов через еще один потайной ход, однако спустя несколько часов пойманного мафиози уже демонстрировали журналистам на пресс-конференции в Мехико.

Ту ночь, как и следующие четыре месяца Гусман провел в той же тюрьме, из которой сбежал полугодом ранее. Однако после двух побегов мексиканские власти уже не хотели проверять прочность тюремных стен и убеждений охраны. С мая 2016 года главный мафиози Мексики ждал экстрадиции в США в изоляторе на границе с Техасом. 20 января 2017 года он впервые предстал перед судом в Нью-Йорке. ■

правила жизни Коротышки

0 вrede наркотиков:

«Наркотики разрушают, такова реальность. Но там, где я рос, не было и нет иного способа выжить при нынешней экономике».

0 своей роли в мировом уровне наркозависимости:

«В день, когда меня не станет, [спрос на наркотики] не упадет никоим образом.<...> Наркотрафик не зависит от одного человека.<...> Если бы не было потребления, не было бы и продаж. Потребление растет день ото дня — поэтому и продажи растут все больше и больше».

0 насилии, связанном с наркотиками:

«Некоторые люди растут с проблемами, и есть зависть, есть информация, которая может навредить другому. Вот это и порождает насилие».

0 своей доле насилия:

«Послушайте, я только защищаюсь, и не более. Начинаю ли я что-то? Да никогда».

0 переменах в наркобизнесе:

«Сейчас очень много разных наркотиков. В былые времена мы знали только марихуану и мак».

0 своей смерти:

«Я знаю, что однажды умру. Надеюсь, от естественных причин».

0 мечтах:

«Я бы хотел прожить со своей семьей все дни, что отвел мне Бог».

0 собственном наркоопыте:

«Не употребляю. Много лет назад я пробовал, но зависимость — это не про меня». m

Цитаты взяты из опубликованного Rolling Stone 9 января 2016 года интервью наркобарона актеру Шону Пенну.

получать удовольствие от работы, никогда не пробовать свой товар и держать в порядке документы. Корреспондент **moloko plus** познакомился с принципами работы и образом жизни драгдилеров.

мнение героев текста может не совпадать с мнением редакции.

текст Женя Томов

иллюстрация Андрей Ангара

«лучше бы я работал в офисе»: правила жизни наркоторговцев

О мотивации

Я начал из-за того, что у меня была мечта: хотел купить себе барабаны. Когда меня кинули и чуть не убили, я завязал. Но мечта все равно осталась.

Ну а как еще можно подняться? Только так мы могли срубить денег. Не работать же. Об этом мне вообще ебано думать, даже сейчас. Хотелось маме покупать что-нибудь, сестре, с девушкой вдвоем жить.

Родителям насрать на меня, как и всем. Мама находила пакетики, несколько раз видела меня в трипе. Отца у меня не было.

Обычно ты начинаешь как обычный гровер. Сажаешь семена, плясешь вокруг них — и вот уже вокруг тебя теплый и спелый аромат травы.

Эта хуйня очень быстро засасывает: сначала продаешь друзьям, потом друзьям друзей. А потом начинается просто ебанный ад, ты хочешь все больше и больше и уже не контролируешь свою жизнь.

Хочешь — гуляй по городу и фотографируй. Хочешь — упаковывай, сидя в тепле. Хочешь — сиди в интернете, общаясь с людьми (лучше где-нибудь за границей). А можешь вообще сделать свой собственный стартап и быть боссом. Работы много, найдется для всех.

Иногда я думаю, что лучше бы работал в офисе и вел обычный образ жизни. Но когда смотрю на деньги, эти мысли сразу уходят.

Как и в любом деле, я пытаюсь наслаждаться своей работой. Без этого, конечно, сложно удержаться в нашей сфере, получая кайф только от денег.

О правилах

Главное — помнить, что есть люди, которые мечтают поймать тебя. И они когда-нибудь это сделают.

Благодаря Тог, ты можешь купить наркотики или реагенты напрямую. Все стало настолько просто, что не выходя из дома можно стать мини-наркобаром своего района.

Тот, кто занимается наркотиками, должен быть чист и опрятен, иметь документы в идеальном порядке, ездить не нарушая ПДД, и так далее. Нельзя давать ни малейшего повода системе в чем-то тебя заметить. Потому что с любой мелкой хуйни может начаться снежный ком, который погребет тебя нахрен.

Ошибка была в том, что у нас не было денег на откат, мы сразу начали тратить. Когда нас поймали с маленьким весом в клубе, тогда мы поняли, что надо всегда иметь пару сотен [долларов], чтобы откупиться.

Когда заходишь в метро или встречаешь их [полицейских] на улице — звони скорее маме и спрашивай, как у нее дела. Мусора точно не пристанут.

Вообще, я старался не смотреть в глаза мусорам — только полсекунды и сразу отводил взгляд. Если не смотреть на человека, то так ты меньше привлекаешь внимания. Где-то я это прочитал.

Если тебя поймали с весом, скорее давай взятку полицейским. Если тебе повезет, и это уже взрослые люди, а не молодняк, то они с удовольствием возьмут все, что ты дашь, и попросят больше, чем предложишь. А если попался молодым, то тут уже пизда, они сразу сдадут тебя за погоны.

По-другому никак нельзя, надо было залезть в эту яму и вылезти из нее. По-крайней мере я так оправдываю весь этот опыт.

Вовремя остановиться помогает только стержень, мечта. Если у тебя нет ничего из этого, то ты уйдешь с головой и не вернешься.

Меня интересуют только деньги и моя безопасность.

Я надеюсь только на себя. Все, что со мной было, я делал сам и сам же исправлял это.

Самому свой товар лучше вообще не употреблять, даже на пробу. Надо всегда быть с чистой головой и в адеквате. Пить тоже лучше завязать, потому что очень легко сказать лишнего.

Когда приставляют пистолет к твоей ноге, угрожают, что прострелят коленные чашечки и оставят в лесу, тогда ты реально жалеешь, что полез в это.

Конкурентов, конечно, хватает, но и ловят их очень хорошо. Сейчас ты можешь зайти на специальный форум и за ночь научиться, как варить мет, спайс, вырастить шишки и открыть свой магазин. Все стало очень просто. Такое чувство, что все уже легально.

Раньше даже «ВКонтакте» можно было продавать без проблем. Но после ухода [основателя социальной сети Павла] Дурова все забили на эту тему. Хотя там даже сейчас, если погуглить по ключевым тегам, можно найти группы, где дилеры размещают свои ссылки на каналы в Telegram, посвященные закупке наркотиков оптом или в розницу.

Есть тип барыг — такие бородатые дядечки. С одним меня давным-давно познакомил мой друг. Это было очень странно: мы собирались прямо возле метро, человек 20, отдавали ему деньги, говорили, кому сколько нужно, и ждали его в ближайшем Маке, а после он раздавал всем их покупки. Шокирующее зрелище. Это был 2013 год, потом всех его поставщиков приняли, а он, насколько я знаю, совсем сторчался.

Мы были принципиально честные. Типа недовес исключен. Если с товаром что-то не так, например, он хуже или еще какие-то моменты, то добросовестный продавец об этом скажет.

Моральный кодекс — не обманывать курьеров, не торговать низкогокачественным товаром, не торговать всякой дрянью типа соли (α -PVP), спайса, героина. Конечно, есть люди, которые продают и это. Но мы чисто из принципа не станем таким торговать. Мы позиционируем свой товар (травы, таблетки, амфетамин, МДМА) как приятное дополнение к какой-либо тусовке.

Клиентов я обычно не знаю, это обезличивает неприятные моменты. Когда твой клиент, например, сторчался или его приняли. Нет волнения. В этом есть свой своеобразный плюс интернет-торговли.

Иногда, конечно, предлагают какие-то вещи за наркоту. Это прикольное, чем брать деньги, что-то в этом есть. Бывает, обмениваемся с друзьями на шмотки. Но когда мне предлагали секс за наркотики, я никогда не соглашался. Не хочу, чтобы человек настолько опускался ради наркоты.

Я считаю, что чем больше информации вы даете незнающим людям, тем лучше. Обычно человек пробует какую-то дрянь не понимая, что в себя всаживает. Позже это, конечно, приводит к плачевным последствиям. Например, одна моя знакомая в отрочестве приняла бутират (оксибутират

**МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС –
НЕ ОБМАНЫВАТЬ КУРЬЕРОВ,
НЕ ТОРГОВАТЬ НИЗКОКАЧЕСТВЕННЫМ
ТОВАРОМ, НЕ ТОРГОВАТЬ ВСЯКОЙ
ДРЯНЬЮ ТИПА СОЛИ (α-PVP), СПАЙСА,
ГЕРОИНА. КОНЕЧНО, ЕСТЬ ЛЮДИ,
КОТОРЫЕ ПРОДАЮТ И ЭТО.
НО МЫ ЧИСТО ИЗ ПРИНЦИПА
НЕ СТАНЕМ ТАКИМ ТОРГОВАТЬ.
МЫ ПОЗИЦИОНИРУЕМ СВОЙ
ТОВАР (ТРАВА, ТАБЛЕТКИ,
АМФЕТАМИН, МДМА)
КАК ПРИЯТНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ
К КАКОЙ-ЛИБО ТУСОВКЕ.**

натрия — депрессант, в средних дозах вызывает эйфорию, смешивать его с алкоголем смертельно опасно — прим. ред.) с подругами. Хорошо, что они выжили, их смогли откачать. Но если бы она знала, что за вещество принимает, всего этого можно было избежать. Я сторонник того, чтобы родители сразу объясняли детям эту тему. Я сам начал курить с друзьями в подъезде в 14 лет. И хорошо, что тогда получил полезный урок от родителей своего друга — они мне объяснили с заботой, а не упреком, что к чему. Это помогло мне в дальнейшем.

Спиды — зло. Голова тупеет и ЦНС идет по пизде.

Употреблять наркотики надо с какой-то целью. Ты должен отдавать отчет, зачем это тебе, и какая у тебя цель. Самое главное, конечно, чтобы наркотики не превращались в быт.

Действительно страшно, когда под спидами сталкиваешься с реальностью. Видишь мир таким, какой он есть, и тебе сразу хочется убежать домой. Ты видишь торчка, который не лежит и не сидит, а просто гниет в подъезде, и понимаешь, что это и есть реальная жизнь, и от нее хочется убежать.

Самые «злые» наркотики должны существовать, ведь употреблять, например, героин, какой бы убийственный он ни был — личное дело каждого, его право выбора.

Самый опасный наркотик? Галлюциногены. Вы видели когда-нибудь, как люди режут себя под героином?

Думаю, когда-нибудь наркотики декриминализуют и многие перестанут этим заниматься, или откроют свои магазины, как, например, в Америке. Можно будет покупать наркотики в аптеке, как лекарства. Продаваться все это будет, конечно, с 18 лет и в красивой, яркой упаковке.

Часто слышу про передозировки спайсами или подобной дрянью. Мне, конечно, от этого хуево. Хотя моя совесть чиста. Вообще, в России все лучше и лучше с наркотиками, люди научились их употреблять, особенно в крупных городах. Появилась культура потребления.

Жизнь с наркотиками

Государство воюет с наркотиками, чтобы они становились дороже.

Работа полиции, можно сказать, бесполезна. Поймают меня, завтра появятся еще двое таких же, которые будут еще осторожнее. А после — еще и еще. Всегда, когда будет спрос, будет и предложение.

Пару друзей посадили, их приняли с весом. Они не продавали, а просто баловались. Вот их реально жалко, но только таких обычно и ловят, все остальные ходят под кем надо.

Просто не укладывается в голове, что человека могут посадить на 10 лет за наркотики. Он никого не убил, не ограбил. Не совершил никакого прямого насилия. А это преподносится, особенно у нас в России, как что-то невероятное. Видимо, это связано с 1990-ми. Героин, «крокодил». Взрослому человеку почти невозможно объяснить, что наркотики — не абсолютное зло. [m](#)

ТЕКСТ

Михаил Шубин

иллюстрация

Андрей Ангара

на магните или в земле: как устроен Russian Anonymous Marketplace

удобство, анонимность и относительная безопасность — вот за что наркопотребители и дилеры полюбили даркнет. Корреспондент moloko plus изучил Russian Anonymous Marketplace (RAMP) — крупнейший сайт по продаже наркотиков в России — и пообщался с продавцами и покупателями.

на момент сдачи номера в печать RAMP уже более месяца подвергался DDoS-атакам и был недоступен. По словам пользователей, это самая продолжительная атака на сервис за все время его существования.

восстановит ли свою работу RAMP — неизвестно. Это вынудило продавцов и покупателей уходить на другие площадки. В то же время в парках, где обычно делаются закладки, начали дежурить полицейские.

Десять утра. Последние три дня Кира не спала — писала кандидатскую. Работы осталось еще на несколько суток, если не отвлекаться на сон. Для этого ей нужно съездить за амфетамином, спрятанным в одном из екатеринбургских парков.

Она зашнуровывает ботинки. Берет с собой пятилитровую бутылку воды и несколько пластиковых стаканчиков. Кладет в рюкзак бутерброды и ложечку для обуви. Кира проверяет зарядку телефона. Ее раздражает собака, которая просит есть. Пытаясь не срываться на животное, Кира кладет корм в миску и наливает воды. Перед выходом Кира закапывает в нос разведенные в воде спиды — по капле в каждую ноздрю, чтобы снять абстиненцию.

Дорога до парка занимает 40 минут. Кира специально выбрала отдаленную от дома закладку с наркотиками, чтобы прогуляться и развеяться. Вместе с ней из трамвая выходят собачники. Недалеко от остановки скучают полицейские.

В телефоне у Киры координаты закладки и фотография места, в котором спрятаны спиды. После оплаты ей прислали эти данные из магазина. Закладка лежит недалеко от аллеи, по которой снуют лыжники. Кира идет по сугробам. Спустя пять минут она присаживается в лесу на

ближайшем поваленном дереве и достает телефон, чтобы удостовериться, что не ошиблась.

Где-то за деревьями мерцают силуэты нескольких человек. Один из них смотрит на что-то в руке, другой, сидя на корточках, ковыряется в снегу. Кира улыбается. Видя приближение мужчины с собакой чуть вдалеке, аспирантка достает бутерброды и наливает воду из бутылки в стаканчик. Хотя есть ей совсем не хочется.

Хозяин с собакой уходят вдале, мужчины, видневшиеся из-за деревьев, исчезают. Кира убирает бутерброды и льет воду из канистры на землю.

Под растопленным снегом ничего нет.

Девушка пробует расковырять землю лопаткой для обуви, изрядно поцарапанной о камни и вымазанной в земле после прошлых прогулок. Тупая лопатка полезна, если хочешь порвать закопанный пакетик. Ничего не найдя, она методично льет воду на снег вокруг. Ничего.

Отчаявшись, Кира уходит. Она ругает про себя кладмена, который догадался спрятать прозрачный пакетик со светлыми спидами в снег. По пути до трамвая девушка открывает Тог и заходит на RAMP. Биткойн должно хватить на три грамма спидов и на грамм гашиша, который поможет когда-нибудь уснуть.

Краткая история RAMP

Сайт RAMP (Russian Anonymous Marketplace), которым пользуется Кира — самая крупная площадка по продаже наркотиков в русскоязычном даркнете. Попасть на нее можно через специальный анонимный браузер — Tor. Его разработали военные ученые США в середине 90-х для защиты госслужащих в интернете. Передавая информацию, Tor шифрует данные и изменяет IP-адрес пользователя. Анонимность достигается благодаря нескольким слоям шифрования. Сейчас Tor раскритикован, исходный код программы есть в открытом доступе. Развитием браузера занимаются энтузиасты. Браузер позволяет посещать заблокированные ресурсы и дает доступ к внутрисетевому домену .onion.

Криминал обратил внимание на Tor только после того, как широкое распространение получили биткоины — криптовалюта, позволявшая анонимно проводить онлайн-сделки на любые денежные суммы.

Закладка

В сети стали появляться торговые площадки по продаже наркотиков, оружия, поддельных документов, кредитных карт. Торговля людьми, услуги киллеров, снафф-муви и детское порно стали неотъемлемой частью даркнета.

С появлением стабильных версий Tor в сети стало развиваться русскоязычное пространство. Открылись первые площадки: порнофорумы, сайты драгдилеров, магазины по продаже оружия и шпионских гаджетов.

В 2012 году в русскоязычном даркнете появился RAMP. Наряду с ним существуют слившиеся в один проект HYDRA и Russian Silkroad (сейчас - HYDRA), RuTor, WayAway, Bazaar, Anthill и еще несколько более мелких площадок.

На момент написания текста эти сайты посетили десятки, а возможно и сотни тысяч человек, но самым крупным и популярным остается RAMP: более 270 тысяч аккаунтов и 1,3 миллиона сообщений. Остальные площадки не пользуются высокой популярностью из-за отсутствия поддержки со стороны администрации в решении спорных моментов по сделкам и из-за ненадежных дилеров.

RAMP основал некто Darkside. От его имени создавались многие посты с правилами работы форума и магазинов. Darkside только один раз вышел на контакт с прессой. В 2014 году он рассказал Wired, что на RAMP он зарабатывает 250 тысяч долларов в год.

В 2017 году Darkside не написал ни одного заметного поста. Годом ранее сообщения от администрации уже оставлял orange. Он же редактировал старые посты ушедшего в тень отца-основателя RAMP. В октябре 2016 года orange написал пост, в котором объявил, что уходит в «белую жизнь», то есть выходит из наркобизнеса. Кто занял освободившееся место, да и освободилось ли оно — неизвестно. Сколько человек скрываются под никами администраторов форума — тоже неясно.

Мегамолл с наркотиками

Кира узнала про RAMP в 2016 году. Регистрируясь, она согласилась с правилами форума. «Запрещены любые коммерческие предложения, не касающиеся прямо или косвенно тематики ресурса», — предупреждал ее один из пунктов. Другими словами, можно продавать только наркотики, практически любые. Единственные запрещенные к продаже вещества — спайсы, о чем сообщают при регистрации.

На главной странице RAMP Кира увидела форум с дизайном из середины 2000-х. Вместо привычных рекламных баннеров по продаже утюгов и машин в глаза ей бросились яркие картинки с текстом: кокаин, Extasy euro pills, трава, гашиш, ЛСД, АМФ.

Для того чтобы открыть магазин, дилер платит администрации RAMP. Одно из условий выставления товара на продажу — разглашение точной формулы продаваемого вещества. Чем выше ветка продавца на главной странице, тем больше денег он платит администрации. Баннеры также обходятся дилерам в дополнительные тысячи долларов ежемесячно. Свободных мест под рекламу практически нет.

Зачастую процедура покупки происходит в так называемых моментальных магазинах, а форум остается лишь площадкой для обсуждения различных вопросов и общения наркопотребителей на разные темы. Начиная от трип-репортов и FAQ по безопасности и защите от уголовного преследования, заканчивая вопросами о лечении вен и первой помощи при передозировке.

На RAMP открыты более 100 крупных магазинов, количество сделок каждого из которых колеблется от 5 до 10 тысяч, иногда выше (за какой период времени производится это количество сделок, не указано — прим. ред.). Помимо них есть около 500 мелких дилеров. В ноунейм-магазинах — дешевле, у известных брендов — дороже. Крупные

магазины делают скидки для постоянных клиентов и работают на репутацию. У них качественные закладки и ориентированность на клиентов — проблемы покупателей решают оперативно.

«Для новорегов (новых клиентов — прим. авт.) теперь цена в несколько раз дороже. Берегите свои аккаунты и будьте честными клиентами», — сказано в описании одного из крупных магазинов.

Моментальные магазины RAMP не отличаются от обычных интернет-магазинов. Наркотики отсортированы по категориям и региону, есть список лучших магазинов. Вещества доступны практически по всей России, а также в СНГ.

Чтобы купить спиды, Кира сначала перевела на кошелек площадки деньги. В зависимости от того, какой способ оплаты принимает магазин, клиент пополняет либо свой QIWI кошелек, либо биткойн-счет. Администрация написала детальную инструкцию, как это сделать.

После того как Кира выберет продавца и укажет свой город, ей предоставят два варианта получения наркотиков.

У магазинов есть «готовые клады», которые заранее разложили по городу. Мимо этих «готовых закладок» люди проходят каждый день, но не замечают их. Трансформаторные будки, гаражи, подоконники, клумбы, парки, деревья, подвалы, общественные туалеты. Наркотики лежат под плитками, прицеплены на магните, закопаны в землю, присыпаны листьями или накрыты камнем. Часто при покупке можно выбрать район получения закладки.

После оплаты клиент получает описание местонахождения клада, координаты GPS и фото. «Готовые клады» позволяют получить заказ максимально быстро — иногда время между оплатой и получением «клада» занимает меньше часа. Так продаются лишь небольшие партии — не более нескольких грамм, в зависимости от вещества.

... = закладка под заказ.

... для больших объемов

... в течение 48 часов

... заключения сделки для покупателя

... закладку. Чаще всего – за пределами

... пункта. Для общения с дилером

... используются шифрованные средства связи.

Гаранты и забота

Для страховки клиентов администрация разработала систему гарантов. За 5%, которые покупатель платит RAMP от суммы сделки, администрация будет участвовать в спорах с драгдилером. Например, если клад не найден, клиент открывает диспут, рассматриваются мнения сторон, а гарант выступает третьей стороной. Свои 5% гаранты получают в любом случае – вне зависимости от того, как прошла сделка.

Отказать клиенту, который хочет работать с гарантом, продавец не может. В противном случае, как гласят правила, «продавец может быть лишен статуса дилера и возможности предоставлять свои услуги на площадке».

Клиентов пользоваться гарантом никто не принуждает, но администрация рекомендует это делать. Если сделка совершена без посредника, покупатель будет решать вопросы с дилером один на один.

Кира покупала спиды без гаранта и не стала открывать диспут. Она надеялась найти закладку ввесной, после того как растает снег. Весной закладки на месте не оказалось. Объявил ли ее дилер, или же закладку «скрыси» другие покупатели, клад которых лежал неподалеку, Кира не знает, но больше у этого дилера она ничего не купит.

Главным гарантом в крупных сделках выступает администратор Orbit. Он посредник при оптовых покупках, сумма которых может превышать миллион рублей.

Магазины активно приветствуют использование гарантов, но постоянным клиентам

многие обещают разрешение спора в их пользу даже без привлечения третьей

сторон.

У дилеров есть депозиты, которые достигают нескольких миллионов рублей. Депозит нужен в случае обмана продавцом большого количества покупателей. Если продавец кинул клиентов, деньги разделят между пострадавшими.

Важны отзывы других клиентов. Перед покупкой можно прочесть о качестве наркотика, добросовестности продавца и аккуратности закладок. Некоторые магазины просят не оставлять негативные отзывы в случае недовеса или порванного пакетика, а сначала попробовать решить все полюбовно.

От кладмена до администратора

Patrik – владелец одного из крупнейших магазинов на RAMP. Его депозит составляет несколько миллионов рублей. В моментальном магазине количество проведенных сделок превышает 10 тысяч (большее количество сделок не отображается – прим. авт.). Рейтинг приближается к 5 из 5 возможных. Большинство членов его команды живет за рубежом.

Patrik – настоящее имя дилера. Название магазина и никнейм собеседник toloko plus просил не указывать. Он заранее условился, что не будет уточнять детали биографии.

Общаться он согласился с помощью сервиса одноразовых сообщений – прочесть его ответы на вопросы можно по специальной ссылке лишь единожды. При повторном открытии сообщение уничтожается.

«Я такой же, как большинство людей вокруг меня, никто не знает, чем я занимаюсь. <...> Вот и ограничение – никому не говорить, чем ты занимаешься. Моя личная жизнь не отличается от жизни среднестатистического офисного работника. Дом, работа, социум. <...> Стремлюсь к жизни,

+

**НЕТ НОРМАЛЬНОЙ РАБОТЫ,
НЕТ НОРМАЛЬНЫХ ОКЛАДОВ.
РЕЖЕ ПРИЧИНОЙ ТАКОГО ВЫБОРА
СТАНОВИТСЯ НЕОРДИНАРНОЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЕ, КОМУ-ТО НРАВИТСЯ
АЗАРТ, КТО-ТО ПРОТИВ СИСТЕМЫ И Т.Д.**

+

эмоциям, общению, знаниям, новому. Хотя и понимаю, что ставлю свою жизнь под угрозу и что все то, чем я бы обладал, не занимаясь этим, в лишении мне показалось бы раем <...> Насколько долго я смогу этим заниматься — не знаю, сам задаюсь этим вопросом», — рассуждает Patrik.

На вопросы о финансовой стороне работы магазина, способах защиты от силовых структур и контактов с ними, а также о механизмах киберзащиты он отвечать отказался.

«Вариаций [структуры магазина] может быть очень много. От магазина, в котором штат — это один человек, выполняющий работу кладмена, оператора, модератора и прочее, до сложной структуры с большим количеством персонала», — рассказывает Patrik.

Исходя из того, что пишут на RAMP, можно описать приблизительную структуру точки по продаже наркотиков. Крупный магазин состоит из десятков человек. Львиную долю персонала составляют закладчики или кладмены, которых приглашают на работу прямо на ветках форума. За ними идут

оптовые курьеры, которых ищут небольшие магазины. Курьеры-оптовики работают с крупными партиями или делают закладки большого количества наркотиков для розничных кладменов.

Операторы принимают заказы, передают их кладменам и решают возникающие проблемы с клиентами. У каких-то дилеров есть штатные химики, синтезирующие наркотики в собственных лабораториях, а также гроверы, выращивающие марихуану в гараже либо арендованном помещении. Сообщения о найме химиков и гроверов на работу временами появляются на RAMP. Руководит всеми администратор магазина.

Высший эшелон, вероятно, контактирует с производителями наркотиков или более крупными поставщиками. Структура похожа на классический наркокартель с поправкой на то, что на RAMP не идет вооруженной борьбы за передел территории.

«Вот оружия [еще] не хватало, благо здесь все более цивилизованно, чем у [латиноамериканских] группировок. <...>

Здесь больше честных взаимоотношений и содействия, в пределах разумного. <...> Дилеры общаются между собой, предостерегают, делятся новостями и прочее. Тут больше товарищеские отношения. Это все применительно к старожилам, новичков здесь не особо любят по понятным причинам», — рассказывает Patrik.

Называть список должностей и зарплат своих подчиненных в магазине Patrik отказался. На вопрос, сколько наркотиков проходит через его магазин и какую совокупную выручку имеет его «предприятие», дилер ответил уклончиво, сказав лишь, что оборот наркотрафика в России в даркнете составляет от 0,5 до 1 тонны наркотиков в месяц без учета «дизайнерских наркотиков». По словам Patrik, который ссылается на личные наблюдения, оборот средств на рынке колеблется от 300 до 500 миллионов рублей в месяц.

«Раньше, до века интернета, люди брали где-то вещества. Сейчас это стало делать удобнее. Конечный клиент в большом числе: дилер подсунил плохое качество, сделал недовес и т.д. — обо всем этом можно написать в сообщество, администрации. Тем самым происходит саморегулирование. <...> Отгалко гибнет в разы больше, а если еще и статистику по сигаретам учесть? У человека есть голова на плечах, и если он ей не умеет пользоваться, то это, простите, естественный отбор. Важное замечание — отраву в явном виде никто не даст продавать (я про администрацию)», — пишет Patrik в ответ на вопрос, не чувствует ли он вины и ответственности за то, что он продает людям наркотики.

Обучение с последующим трудоустройством

«Начни работать с уверенностью в завтрашнем дне», — сказано в одном из многочисленных объявлений о поиске персонала для магазинов наркотиков. На RAMP всегда

требуются закладчики наркотиков в том или ином регионе России. Дилеры поменьше ищут на форуме заведующих складом, оптовых закладчиков, химиков и гроверов. Крупные дилеры набирают людей лишь на низовые позиции, и возможно ли с них дорости до, например, операторов или оптовых закладчиков — непонятно.

«Везде есть очень толковые люди. Кто-то начинает с кладмена и потом сам приходит к идее и реализации открытия своего магазина», — пишет Patrik.

О возможностях карьерного роста сказано в объявлении другого крупного магазина. Закладчик может стать фасовщиком, оптовый курьер — дорости до оператора. Соискателям вакансии обещают хорошие деньги и опасную, но не тяжелую работу.

В объявлениях часто фигурирует вопрос, имеет ли соискатель вакансии опыт работы в этой сфере и судимости. Желательны: личный автомобиль, возможность использования GPS для указания координат, но самое главное — отсутствие наркозависимости. Другое условие трудоустройства кладменом — залог, который варьируется от 10 до 100 тысяч рублей. Суммы залога для оптового кладмена доходят до нескольких сотен тысяч рублей — перестраховка на случай, если закладчик решит кинуть дилера.

Сколько получают операторы, химики и гроверы — неизвестно. Зарплаты варьируются, исходя из результатов собеседований.

Более-менее достоверно можно судить лишь о зарплатах закладчиков. В каких-то магазинах обещают от 450 до 2000 рублей за одну закладку. В крупнейшем магазине, который, видимо, занимается оптовой продажей наркотиков, сказано, что розничный кладмен получает от 50 до 150 тысяч рублей в неделю, делая каждый клад от 25 до 50 грамм наркотиков за раз — что довольно много. Оптовый закладчик за тот же срок может получать от 150 тысяч рублей и выше. Он делает закладки от 50 грамм.

При трудоустройстве кладменом необходимо указать семейное положение, сообщить, с кем человек живет, а для крупных городов – еще и указать район проживания. Предполагается, что эти данные останутся у администрации.

Patrik отказался отвечать, как проверяют новых людей. Сотрудникам магазинов «нужна голова на плечах, о человеке все становится очевидным, чаще всего, после первой переписки», – говорит дилер.

«Нет нормальной работы, нет нормальных окладов. <...> Реже причиной такого выбора становится неординарное мировоззрение, кому-то нравится азарт, кто-то против системы и т.д.», – пишет Patrik о мотивации людей, пробуящих себя в наркобизнесе.

Желающих устроиться закладчиками так много, что на RAMP открыли нечто вроде учебного центра. Курс рассчитан на 10-14 дней, за которые новичок научится безопасно и грамотно делать закладки в подходящих местах. Обучение бесплатное, но необходимо внести залог в 15 тысяч рублей. Выпускникам обещают трудоустройство.

Силовики против RAMP

Лесопарк на востоке Москвы. Мужчина в желтой куртке с небольшой залысиной и дневной щетиной мнется недалеко от белого Renault. На заднем стекле надпись «Пробная поездка». Рука мужчины прикована наручниками к руке полицейского.

– С какой целью вы находитесь в городе Москве? – спрашивает его строгий голос.

– Ну... Ээээ... – мнется задержанный.

– Вы для чего приехали сюда? Работать или к родственникам? – подсказывает женский голос.

– За наркотическим средствами, – выдыхает задержанный.

– И много вы должны были забрать? – уточняет строгий голос.

– Килограмм...

Герой оперативной съемки полицейских «На востоке Москвы поймали распространителя амфетамина» (орфография сохранена – прим. ред.) уволился с обычной работы в Брянске и решил попробовать себя в наркобизнесе. Задача простая: съездить в Москву, забрать закладку, перезаложить в родном городе. За работу, которая делается за день-два, ему обещали 50 тысяч рублей. Первый рейс прошел без особых проблем. Забрав кило амфетамина, он получил обещанные деньги.

Через несколько недель, взяв напрокат Renault, курьер снова поехал в лес на восток Москвы. Машину остановили оперативники. Из-под бардачка они вытащили большой черный пакет с амфетамином.

Мужчина переминается с ноги на ногу и показывает место первой закладки – в лесу под истлевшей корягой, поросшей зеленым мхом и присыпанной жухлыми листьями. Курьер ничего не знает о дилере. Указания ему давали через анонимный мессенджер.

В телефоне у курьера координаты закладки, фотографии места и переписка с неким известным руководством, которое завербовало его с помощью спам-рассылки sms с предложениями легких денег. На вопросы, знает ли он людей, с которыми общался, задержанный отвечает: «Наверное, их вообще никто не знает».

Между сотрудниками магазинов даркнета табуировано обсуждение деталей биографии, поэтому поиск сотрудников через RAMP отлично сочетается с концепцией полной анонимности площадки. В теории никто не может никого сдать. При аресте кладмен сможет лишь назвать магазин, на который работал.

Patrik не говорит, сажали ли кого-либо из сотрудников его магазина. Он допускает, что арестованные или посаженные члены команды могли нанести какой-либо ущерб бизнесу: «Как и везде, утопает один – тянет за собой [других]». Магазины иногда оказы-

Логотип RAMP

вают помощь своим сотрудникам, оказавшимся в неволе.

«Все зависит от людей. Если руководство наделено сердцем, готово сострадать, то, уверен, оно помогает», — пишет Patrik.

Отвечая на вопрос, может ли сотрудник магазина, отсидев, вернуться на работу к тому же дилеру, Patrik пишет: «Все может быть».

За все время работы RAMP российские силовые ведомства не рапортовали о поимке руководителей интернет-магазина наркотиков. В 2014 году в МВД попытались деанонимизировать пользователей Tor, что могло поставить под удар наркобизнес в даркнете. Тендер почти на 4 миллиона выиграл Центральный научно-исследовательский институт экономики, информатики и систем управления. Спустя год институт оказался от контракта, причина не разглашалась.

Летом 2016 года анонимностью в сети озаботился глава ФСБ Александр Бортников. По мнению директора службы, сервисы для анонимного общения в сети могут использоваться террористы. Какие шаги, кроме громких заявлений об опасности Tor, предпринимают в связи с этим в ФСБ — неизвестно.

Patrik говорит, что если RAMP вдруг закроют, как уже было с крупнейшим англоязычным сервисом по продаже запрещенных товаров Silk Road, ликвидированным ФБР, то «никто так просто не захочет распрощаться со своим детищем».

«Для кого-то [это] дело всей жизни, которое уже помогло заработать на всю жизнь. <...> Потому, думаю, RAMP простоит еще очень долго. Но дилеры должны оценивать все риски. <...> [Рынок наркотиков в даркнете] будет расширяться, не могу ничего сказать по поводу темпов роста. На данный момент, мне кажется, о Tor, RAMP знает очень маленькая часть пользователей интернета в РФ. Даже те, кто и слышал, еще ни разу не пользовались. Думаю, этот вопрос — дело времени. Как мне кажется, чем больше запретов будет сделано нашим государством (блокировки сайтов в частности), тем быстрее люди начнут знакомиться с TORом и его ресурсами, что будет бустером для роста TOR-аудитории в РФ», — пишет Patrik.

Patrik критикует работу силовиков, которые вынуждают людей участвовать в подставных контрольных закупках. Работает это так: на человека давят органы, и в итоге он просит кого-либо из своих знакомых — будущего подозреваемого — купить для него наркотик. Покупателя ловят, оформляя задержание как сбыт. Правоохранительные органы получают «галочку» в отчетности, а незадачливый задержанный — тюремный срок. Рассуждая о подобных методах, дилер задается риторическим вопросом: «Куда катится наша страна и подобные ей?» Он считает, что декриминализация наркотиков — «дело времени, пусть и длительного для нашей страны».m

к 2017 году больше чем в половине американских штатов разрешили медицинское применение марихуаны, а в некоторых легализовали употребление каннабиса в рекреационных целях. **moloko plus** публикует воспоминания нашего читателя о жизни в окружении американских барыг, джанки и старого доброго ультранасилия, свойственного южным штатам.

текст **Capitan Fuckер**
иллюстрация **Сергей Орехов**
комикс **Андрей Ангара**

american high

1

Алкоголь в Америке пьют в основном богатые «пиджаки». Бедняки в гетто, работающие официантами, посудомойками и парковщиками, как правило, пьют мало, в выходные, и то в основном в happy hours с 2 до 4 часов дня, когда во многих барах скидки на алкоголь до 50%. Все остальное время они курят траву.

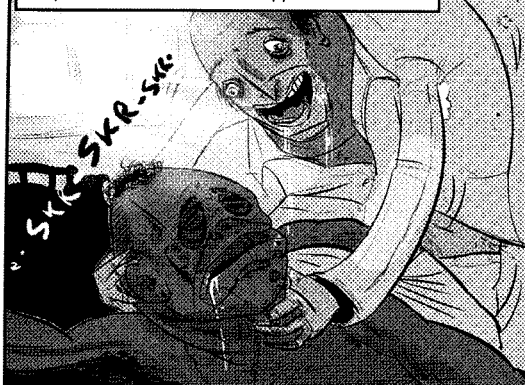
Трава — универсальное средство оплаты мелких услуг, за которые не принято благодарить деньгами. Пакетик стоимостью примерно 10 \$ — это скорее символический жест. Почти у каждого есть дружественный барыжка, который для других будет заламывать цену в два раза выше себестоимости, но своим друзьям (чаще всего чтобы они, как лояльные клиенты, не брали стафф у других и при случае советовали знакомым именно этого парня) продаёт почти без наценки.

Студенты-анархисты из Луизианы долго рассказывали мне, что надо строить общество без денег. Когда мне стало скучно я спросил, как без денег они будут платить за кофе, если станут, например, лесорубами. После получасовых размышлений один парень предложил платить не куском бревна, а пакетом травы. Это никак не коррелирует с идеями Грэбера (*Дэвид Грэбер — американский антрополог, видный деятель движения Occupy Wall Street, автор многочисленных книг и статей — прим. ред.*) и других современных теоретиков анархизма, но вполне в духе консервативных южных штатов.

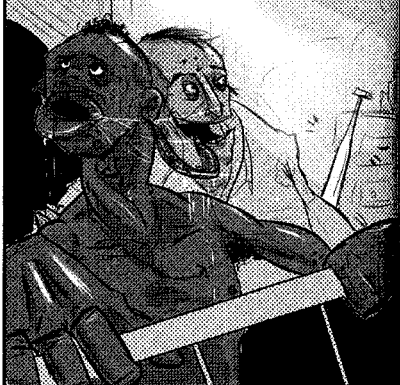
Впервые с американскими барыгами я познакомился в трейлерных парках Алабамы. Они были гордыми и смелыми реднеками, принципиально отстающими от MTV на 10 лет. Впрочем, совсем отказаться от музыкальных каналов они не могли — образ ретрограда надо поддерживать в динамич-

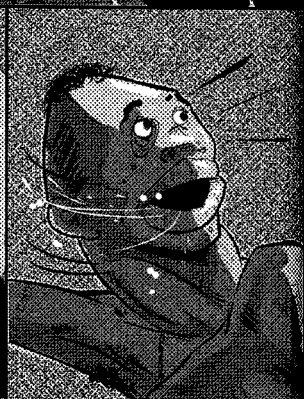
Чарли рассказывал, что вечером после работы он развлекался со своим бойфрендом

и решил его проучить

схватил бейсбольную биту...

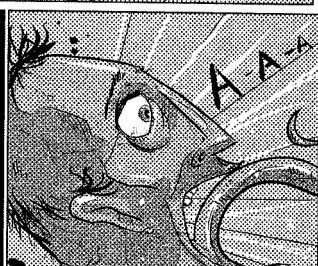
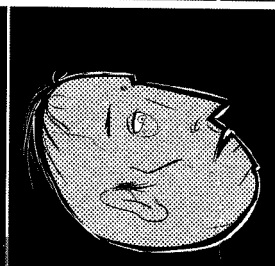
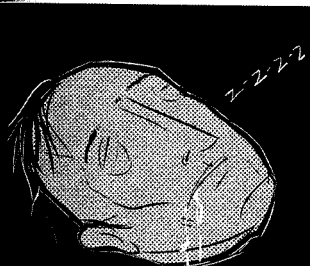
но паренек вовремя оглянулся и, пугаясь в штанах, убежал в ванную и закрылся от разъяренного любовника

вооруженный битой Чарли какое-то время прождал под дверью, но вскоре ему это надоело...

он накурился и уснул

подросток понял, что угроза миновала, выбрался из своего убежища, связал Чарли скотчем,

снял с него штаны

избил битой

разбил рядом с ним зажигалку, поджег любовника, забрал все деньги и ушел...

ном состоянии. Гордые и счастливые, как *Snoop Dogg* в том видео, где он отплясывает с пакетами, набитыми сканком, они показывали свои пакетики с травой всем подряд, но как только слышали в кустах шорох, нервно прятались кто куда.

Причины опасаться полиции у них были. Моего друга Тони, наполовину ирландца, а наполовину — индейца-чероки, настоящего имени которого я не знаю до сих пор, как-то остановили полицейские. Во время проверки документов копы увидели у него на шее татуировку с трубкой и листом марихуаны. Кроме того, что его хотели посадить на несколько лет, я не знаю ничего. Если он и был пушером, то только чтобы как-то отбить деньги на собственный стафф. Через неделю вещи Тони собрали в два больших мусорных пакета, после чего их поделили между собой его соседи по трейлеру.

Барыгами были не только взрослые мужики. Когда я приехал в Нью-Йорк, друзья рассказывали мне очаровательную историю: как на Брайтоне полиция арестовала трех русскоязычных пенсионерок за то, что они толкали паленую кислоту соседским подросткам.

Лет пять-семь назад, пока еще не началась волна декриминализации марихуаны, на юге Штатов за 40 минут прогулки можно было встретить пару совершенно незнакомых людей, которые предлагали тебе раскуриться, потому что им скучно или потому что у них хорошее настроение, — при условии, что ты не выглядишь как коп и похож на местного. На перекрестках центральных туристических улиц Нового Орлеана мне попадались люди, которые стреляли пару долларов, а в благодарность предлагали отсыпать «на раз».

2

В кафе, где я работал, курили почти все. Был афроамериканец, подметавший полы,

который только и делал, что улыбался, и не говорил ничего, кроме «What's, what's up man!». Его друзья говорили, что к двадцати пяти годам он скурился так, что поехала крыша. Как-то раз я застал на кухне менеджера нашего заведения — пятидесятилетнюю тетюшку. Она открывала по очереди водопроводные краны и истерически хихикала. «Смотри, так льется, так не льется!» — обращалась ко мне начальница, которую я считал образцом викторианского благочестия. Зрочки у нее были размером с четвертак.

Как-то ночью в кафе, где я работал, пришел черный чувак, торговавший одеждой, которую воровал на пляже, и спросил, есть ли у меня трава. Я сказал, что не в теме и не юзаю. «God bless you, man», — разрыдался мужик. С тех пор он приходил пару раз в месяц и рассказывал сплетни, большая часть которых заключалась в том, что в городе убили очередного рэпера, стремившегося влезть в наркобизнес. С криминалом, даже мелким, шутки были плохи. Моего друга, родители которого погибли во время урагана «Катрина», чуть не застрелил барыга, забравший деньги, но не отдавший обещанный пакетик травы.

Все в том же кафе мне встретился сорокалетний белый гей Чарли. В какой-то момент Чарли начал отдавать нам свои деньги перед тем, как идти домой. По утрам он их забирал. На все наши вопросы, почему он так делает, не отвечал. Как-то утром Чарли влетел к нам в дом весь в синяках и ожогах. Сказал, что ему надоело терпеть, что его бойфренд, шестнадцатилетний черный паренек, тощий как призрак южного рабства, по ночам обчищает карманы Чарли, после чего пропадает на пару дней, спуская все деньги на наркоте. Парня Чарли подобрал пару лет назад в гетто, где он жил в разваливающемся доме с малолетними братьями и сестрами, а также с мамой, которая юзала крэк.

Чарли рассказывал, что вечером после работы он развлекался со своим бой-френдом и решил его проучить. Схватил бейсбольную биту, но паренек вовремя отлянул и, путаясь в штанах, убежал в ванную и закрылся от разъяренного любовника. Вооруженный битой Чарли какое-то время прождал под дверью, но вскоре ему это надоело. Он накурился и уснул. Подросток понял, что угроза миновала, выбрался из своего убежища, связал Чарли скотчем, снял с него штаны, избил битой, разбил рядом с ним зажигалку, поджег любовника, забрал все деньги и ушел. Наверное, эта история больше про сложные отношения, но без наркотиков, как обычно, не обошлось.

Самым интересным персонажем там был Кенни, менеджер ночной смены, белый гетеросексуал лет шестидесяти с собственным довольно большим домом, в котором он жил с братом. Кенни рассказывал, что работа официантом ему нужна только для того, чтобы никто не придирался к тому, откуда у него свой дом и как он за него платит. Говорили, что Кен барыжил половине района. Раз в месяц я находил его на заднем дворе кафе, где он сидел, вмазанный героином. Пару лет назад Кенни умер. Проблемы с сердцем.

3

В доме, где я жил последние месяцы в США, было еще интереснее. Коллега, вписавший меня, говорил, что из-за кокаина он потерял бизнес, все деньги и наследство отца — викторианский дом и лодку. Наркотики и любого упоминания о чем угодно нелегальном Бобби боялся как огня. По ночам к нам регулярно приходили мексиканцы со стволами и требовали вернуть совершенно безумные деньги. Что интересно, каждый раз, когда они собирались выламывать дверь, мы выходили и сообщали, что люди, к которым у них претензии, тут давно не

живут, и мексиканцы, извиняясь, уходили, чтобы вернуться на следующей неделе. Опасаться их были причины: на том берегу Миссисипи жил репер Лил Уэйн, который, как говорили на улицах, заправляет всем кокаиновым трафиком в городе. Всех, кто пытался перейти ему дорогу, отстреливали. Насколько это было правдой, сказать трудно, но в 2010 году его закрыли на полгода за незаконное хранение оружия.

На этаж выше жил черный парень с ксивой из психушки. У двери в его квартиру стоял такой дым, что если бы в доме была пожарная сигнализация, она бы не вырубалась никогда. В соседней квартире жил Дейв. Лет 15 назад он был рестлером, но сломал спину и стал музыкантом. Он жил с сестрой и своей девушкой и активно засорял канализацию иглами от шприцев. Так сказал сантехник, когда весь наш дом затопило. Дейв умер от гепатита.

Какое-то время у нас жил бездомный чувак лет шестидесяти, который за мелкий кэш устраивал на площади спиритические сеансы для туристов. Как-то он поймал свою парализованную ниже пояса подругу, тоже гадалку, за тем, что она давала своему барыге. Изумленный чувак пошел «домой» — в коробку от холодильника где-то в полузаброшенной после урагана «Катрина» части города. Там он обнаружил, что его нычку с деньгами, про которую знала только его girlfriend, раздербанили. Подруга призналась, что ей нужен был героин, но денег не хватало, так что пришлось платить тем, что было. Через пару дней какие-то подростки сломали ему ноги. «Какая же ты гадалка, если не знаешь, что будет с тобой через пять минут», — сказали они.

Путешествуя по Флориде, я не раз наблюдал кракхедов. Все говорили, что это худшее, что может с тобой случиться. Если у героя еще оставался привкус наваянной Берроузом и другими представителями интеллектуальной контрэлиты романтики,

то крэк даже у бывалых вызывал непреодолимый ужас. В мелких городишках с населением примерно в 20 тысяч человек, где я бывал проездом, приходилось видеть совершенно обезумевших, высохших людей. Я видел, как женщины, которым на вид было лет семьдесят пять, а на деле — едва ли тридцать, при виде незнакомых людей уробно рычали и снимали с себя одежду прямо на улице: «Делай что хочешь, мне нужна двадцатка».

Я никогда не видел, чтобы наркоманы нападали на граждан или грабили их. Знаю только, что моему другу, который работал на карнавалах (что-то среднее между зверинцами с колесом обозрения, которые ездили в начале 90-х по российским глубинкам, и одноименным сериалом НВО), порезали вены его друзья — мелкие барыги, которым нечем было платить за купленную в долг наркотику. Мой друг по пьяни разболтал им, что накопил около 400 \$ на новую жизнь.

4

Какое-то время я жил с русскими. Один из моих соседей, называвший себя Алексом, был старым барабанщиком. Алекс полагал, что марихуана — дар божий. Про траву Саша рассказывал откровенно мистические вещи, что, впрочем, неудивительно. Алекс считал себя кришнаитом, но когда-то увлекся Кастанедой (*Карлос Кастанеда — американский антрополог и писатель, автор ле-*

гендарных книг про учение дона Хуана — прим. ред.) и создал свой личный синкретический культ. Алекс все время требовал, чтобы я нашел ему LSD, что было проблематично: говорили, что двух единственных профи варщиков замела полиция по наводке какого-то обиженного барыги и кислоты в городе не было.

Спустя четыре года я узнал, что Алекс продолжил свои духовные поиски и нашел-таки пару марок, но слетел с катушек и стал бездомным. Последний раз его видели в буддистском монастыре. С безумными глазами Саша помешивал кастрюлю с рисом.

Кислотных бомжей типа Саши в Новом Орлеане хватало. Одним из модных городских сумасшедших был Билл. Этот торчок носился по городу и изображал самолет. Как и многие хиппи, которым не хватило смелости открыто бороться с системой и саботировать призыв, Билли попал в армию, а конкретнее — в ВВС (*военно-воздушные силы, прим. ред.*). Во время службы он упарывался LSD и очень боялся проверок. Говорили, что у него была Библия, прокапанная кислотой, — легендарная тема пика кислотной эпохи. Во время одной из проверок Билли, испугавшись, что у него найдут наркоту, сожрал целую страницу. Сердце выдержало. Мозг — сгорел. Билли стал дурачком.

У меня он регулярно стрелял сигареты, а в благодарность разыгрывал сцены бомбежек. Билл хрипло и отрывисто кричал что-то про Вьетнам, рисовые поля, огненные цветы и жуков, которые переворачиваются в воде и беспомощно трясут лапками.

Раз в год к нему приезжали родственники, снимали ему со счета ветерана войны наличку, выдавали Биллу новую одежду, мыли и стригли. Домой его не забирали, а из психушки Билл несколько раз сбегал. Возвращался он почему-то именно в Новый Орлеан. **m**

амфетаминовая диета, героин с мамой на двоих, программирование под спайсом, виски с кокаином и Иисус, который не помог слезть с иглы. **moloko plus** публикует истории молодых людей, которые хотели бы никогда не возвращаться к наркотикам.

фотографии Вадим Брайдов
текст Нина Абросимова

я не лгу, я завязала

«Гепатит С в 17 лет — это как-то не очень»

Мне было 13, когда я попробовала вдыхать лак для покрытия поверхностей. Родители кололись семнадцать лет, я выросла в этой среде — дома постоянные «варочные».

В том же году друзья из компании предложили мне траву. После этого случая я курила при каждой возможности, деньги не вкладывала. Я могла вообще не трезветь, хотя в первый раз думала, что отъеду.

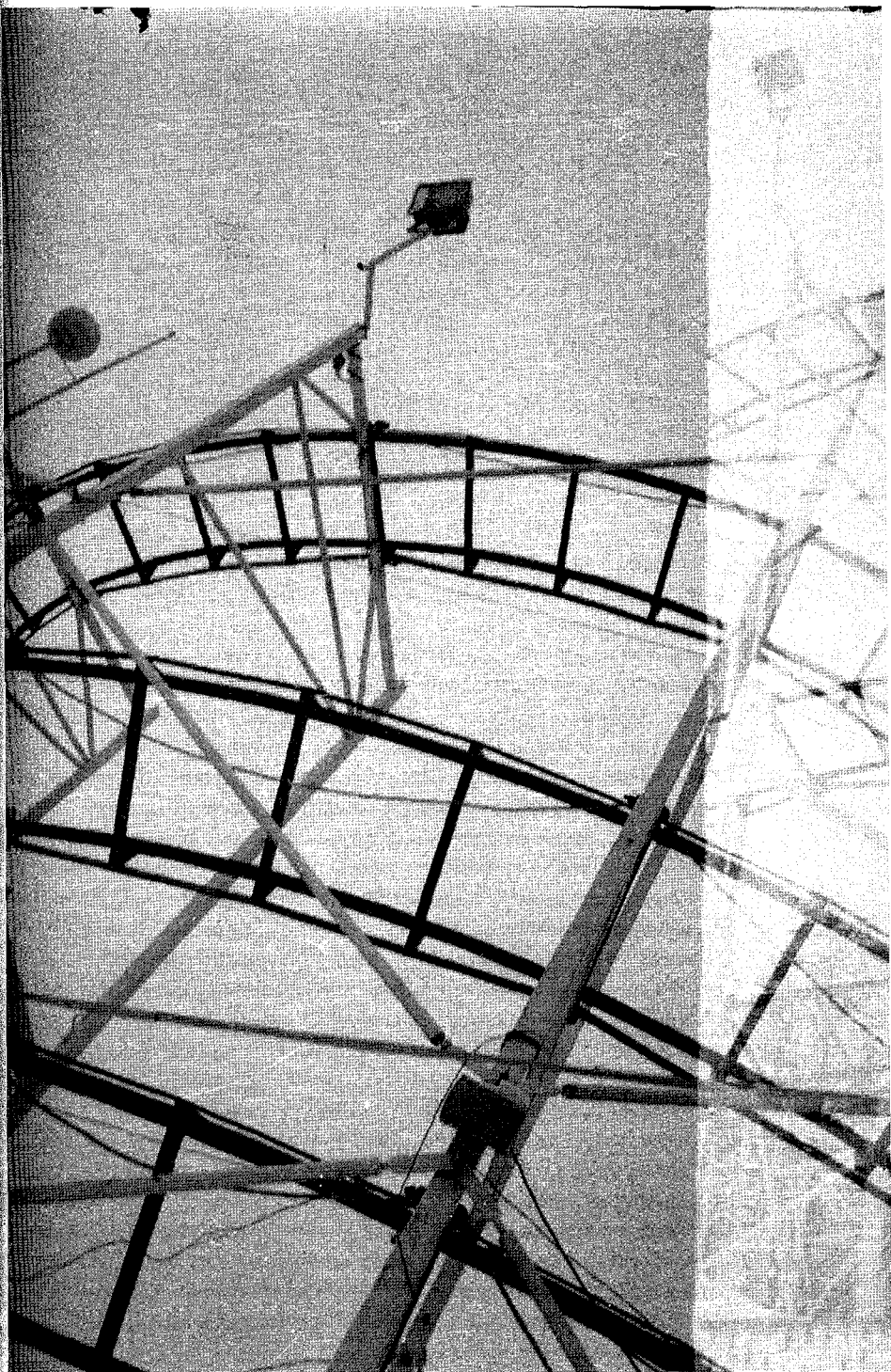
Затем курила спайс в течение двух месяцев, каждый день около семи раз. Соли попробовала в пьяном виде и уже на свои деньги. Стала нюхать каждый день, но кололась редко, примерно раз в три месяца. Когда переехала жить к другу, начала колоться систематически. Героин я особо не поняла, хотя употребляла его несколько раз. В первый раз очнулась сразу в реанимации — даже не запомнила прихода.

Матери призналась, когда отца посадили. Это сблизило — начали колоться вместе. Она употребляла, только если я привозила. Мать недавно умерла, не из-за наркотиков.

Однажды я потеряла телефон и перестала отвечать на звонки семье, на меня подали в розыск. В один день мама моего друга, у которого я жила, позвонила родным, и меня забрали. На следующий день отвезли в психушку, спустя месяц — в реабилитационный центр.

Я вроде жалею о произошедшем: гепатит С в 17 лет — это как-то не очень. Сейчас очень модно преувеличивать свои страдания. Мне казалось, быть наркоманкой дико привлекательно — чувствуешь себя особенной. Но если бы не прошлая жизнь, то я бы вообще не начала ценить трезвость, не встретила бы человека, которого люблю. Мы вместе ушли с программы, где познакомились, успешно выздоравливаем, мыслей вместе уколоться нет.

Я постоянно боюсь срыва, так как просто не умею жить трезво.

«Мы не опускались до продажи этого говна другим»

Мне было 15, но интерес к марихуане плотно присутствовал где-то с 12-ти. Как-то с другом, прогуливаясь по частному сектору, наткнулись на подозрительно похожий куст. Я попытался выпарить что-то из мокрых листьев — конечно же, безрезультатно. Через пару недель в моей жизни появился человек, с которым мы разговорились об этом. Так я и нашел своего личного барыгу.

В последующие годы я курил гашиш и жил, в принципе, неплохо, еще и учился без проблем. Потом нормальная трава в моем городе исчезла, и я с большим опасением купил дживиаш (синтетический каннабиноид JWH-18 — прим. ред.). Наверное, это и был тот JWH-18, с которого все началось, и по поводу которого даже Малахов не нашел бы оснований, чтобы устраивать шоу на костях. Потому что ничьих костей и не намечалось. Мы узнали, что это обычный гашиш по эффекту, только с ароматизаторами. Я пробовал и другие варианты той легальной химии — «соли» из интереса и таблетки-эйфоретики, пародирующие экстази, но опыты с ними тоже ограничились несколькими случаями. Мне нравилось только то, что напоминало траву.

Я не прекращал учиться и работать, но часть мыслей была занята постоянным ожиданием, когда уже негатив уйдет. Тратились десятки тысяч в неделю, что-то запрещали, что-то разрешали. Но при этом мы все равно не опускались до продажи этого говна другим.

Могут ли спайсы быть палеными? Если эффект совсем неожиданный или совсем плохой, то мелькает мысль «да как меня смеют так травить, я на такое не подписывался». Компания знакомого однажды по своей инициативе сдала милиции барыгу, который сознательно что-то там наделал такое, что некоторые оказались чуть ли не при смерти.

Цель «повеселиться» стояла очень редко, обычно это было желание спокойно отдохнуть, позаниматься делами на компе заодно, либо обдумать что-то в спокойной пустой голове.

О том, что я употреблял спайс, родители не знают точно. Только о траве. Контролировал я себя нормально, они ни разу не подозревали, что я под воздействием.

Я жалею о потраченном времени и химическом ударе по мозгу. Несмотря на это, я бы попробовал снова в первый раз, потому что иначе все закончилось бы гораздо хуже. Совсем не считаю, что через это должен проходить каждый. Мне же повезло, наркотики я пережил относительно легко.

«Как только я выпивал крепкого спиртного — мне хотелось кокаина»

Мне было 27, когда я впервые попробовал кокаин. Я очень напился и пожаловался своему другу, что после такого на работу завтра мне не выйти. А друг ответил, что у него есть пакет кокаина, и что это быстро протрезвит. Мы нацертили на журнальном столике парочку полос. После четвертой я понял, что абсолютно трезвый. Это был отличнейший кокаин, очень хорошего качества. Мне тогда казалось, что мое лицо побывало в морозильной камере.

Кокаин такая штука — его хочется нюхать и нюхать. Мы начали звонить дилеру, он нам еще привез. Так мы и общались до самого утра, если это можно назвать общением. После этого я очень бодренький поехал на работу.

Многие перед тем, как нюхать, курят траву. Есть такие, кто курит траву после того, как понюхать. Я не курил траву до и после, не люблю это дерьмо.

Моя мама догадывалась, что я что-то делаю. Не лечился, но бросить было тяжело. Как только я выпивал крепкого спиртного, виски или коньяк, — мне хотелось кокаина. Пришлось выкинуть на помойку все контакты, связанные с этим, ну и перестать пить даже слабоалкогольные напитки.

«Я уже даже не могла встать с кровати, не нюхнув»

Мне было 16, когда я прочитала, что спиды помогают похудеть. И я сразу же попробовала. Все, за что тогда бралась в течение следующих нескольких часов — моментально удавалось. Потом я, правда, так и не смогла уснуть, как ни пыталась. Чувство голода абсолютно не беспокоило. Только наутро было очень плохо: тошнило, болели зубы и кровоточили десны. Но есть не хотелось совершенно! Так я села на «диету».

В Великобритании, куда меня отправили учиться, я также нашла амфетамин. И там, и тут попадались паленые наркотики. Как-то я лежала в кровати в конвульсиях около двух часов, но казалось, что прошло точно не меньше суток.

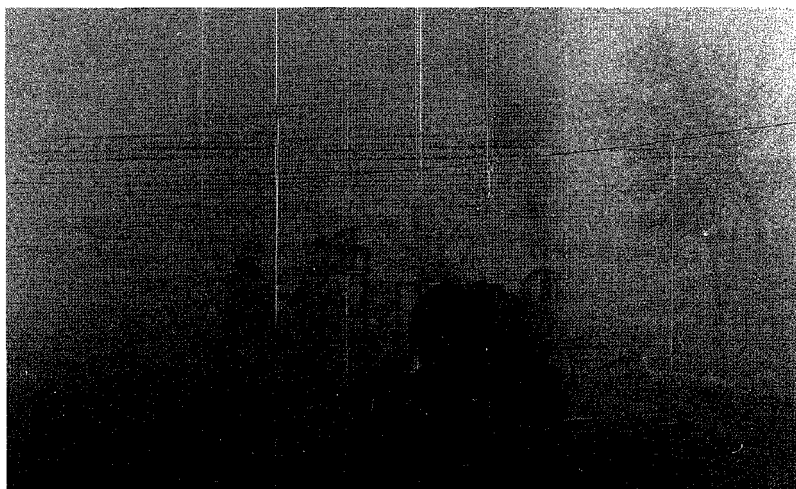
Родители не знали и до сих пор не знают. Когда я поняла, что живу только за счет этих ускорителей, попросила маму отправить меня к тете (она молодая, ей можно было рассказать). Приехала с зеленым лицом, с ярко выделяющимися скулами и торчащими костями по всему телу.

Я уже даже не могла встать с кровати, не нюхнув. У меня просто не было сил. У тети провела месяц, лежа каждый день, но без единого грамма. Я еле вставала, проводила пять часов на балконе и снова ложилась спать. От мысли о наркотиках избавиться смогла, а о том, что потолстею — нет. Приехала домой, ничего не ела, пока не попала в больницу с диагнозом анорексия. Там уже меня лечили около трех месяцев, чтобы привести в нормальное состояние.

Я не была бы собой без этого опыта. Но это было худшее время в моей жизни, за которое сама себя до сих пор ненавижу.

«Два раза ловил передоз, но обошлось»

Мне было лет 18, попробовал, как все, траву, хотя в нашей стране это легко могла быть смесь плана с садовой коноплей. Сам не доставал, не мутил, не

стремился. В 23 ко мне в гости с травой пришел знакомый, которым я восхищался, и предложил смешать ее с героином «для прикола». Согласился. Через пару дней он появился еще раз и предложил курить героин уже без травы. Потом нюхать. Ну и далее.

Палеными наркотики в моей жизни были примерно все. Я в то время еще жил за Уральскими горами. Туда доходит только то, что уже сто раз бадяжили. В итоге невозможно угадать, как именно подействует новая партия.

Сам по себе героин не располагает к каким-то интересным приключениям. Кроме поиска новой дозы, конечно. Ну, один раз на моих руках почти умер человек от передозировки. Дело было зимой на автобусной остановке в незнакомом городе, в который мы приехали в поисках барыги.

Сам два раза ловил передоз, но обошлось.

Я жил отдельно от родителей, поэтому удавалось скрывать все год. Но потом сам попросил помощи. Заперся у них дома, под присмотром. Выдерживал максимум пару месяцев без опиатов. Один раз от безысходности меня отвезли в областную больницу, но там меня не приняли — сказали, что мест нет. У нас вообще выбор скромный тут: или в областную больницу, или в секту к баптистам. Был и у них, но только два дня выдержал этого их Иисуса и ушел бросать самостоятельно. Бросил. Теперь уже достаточно лет прошло, чтобы так сказать.

Было бы круто, если бы кто-то мне объяснил в молодости, что ситуации, когда я не могу закончить вечеринку на паре бутылок пива — это явный повод побеспокоиться насчет любой возможной зависимости.

Безусловно, жалею. Главным образом из-за того, что годы на героине прошли впустую. Если говорить о плюсах этого опыта, то их нет. Можно, конечно, говорить о каких-то абстрактных вещах типа «закалился», но это несерьезно. m

фонд имени Андрея Рылькова (ФАР) с 2009 года предоставляет потребителям наркотиков чистые шприцы и медикаменты. Корреспондент *moloko plus* поговорила с сотрудниками фонда: Вячеславом Матюшкиным и Леной Ремневой — о том, почему деятельность волонтеров и сотрудников ФАР принципиально направлена не на осуждение и принудительное лечение наркопотребителей, а на поддержку, и с какими трудностями сталкиваются российские наркозависимые и те, кто им помогает.

текст Рия Голуб иллюстрация Сергей Орехов

«потребитель наркотиков может бороться за свои права, за права своих друзей и быть честным и справедливым»

Фонд Андрея Рылькова — что это и как получилось, что он возник? Кто такой Андрей Рыльков?

Слава: Фонд возник в 2009 году. Андрей Рыльков (скончался в 2006 году от заболевания желудка — прим. авт.) был активистом, участвовал в первых программах снижения вреда «Врачей без границ» в конце 90-х. Он работал на аутичах (метод социальной работы, направленный на установление контактов и донесение информации и средств профилактики до закрытых социальных групп в местах, привычных для них — прим. авт.).

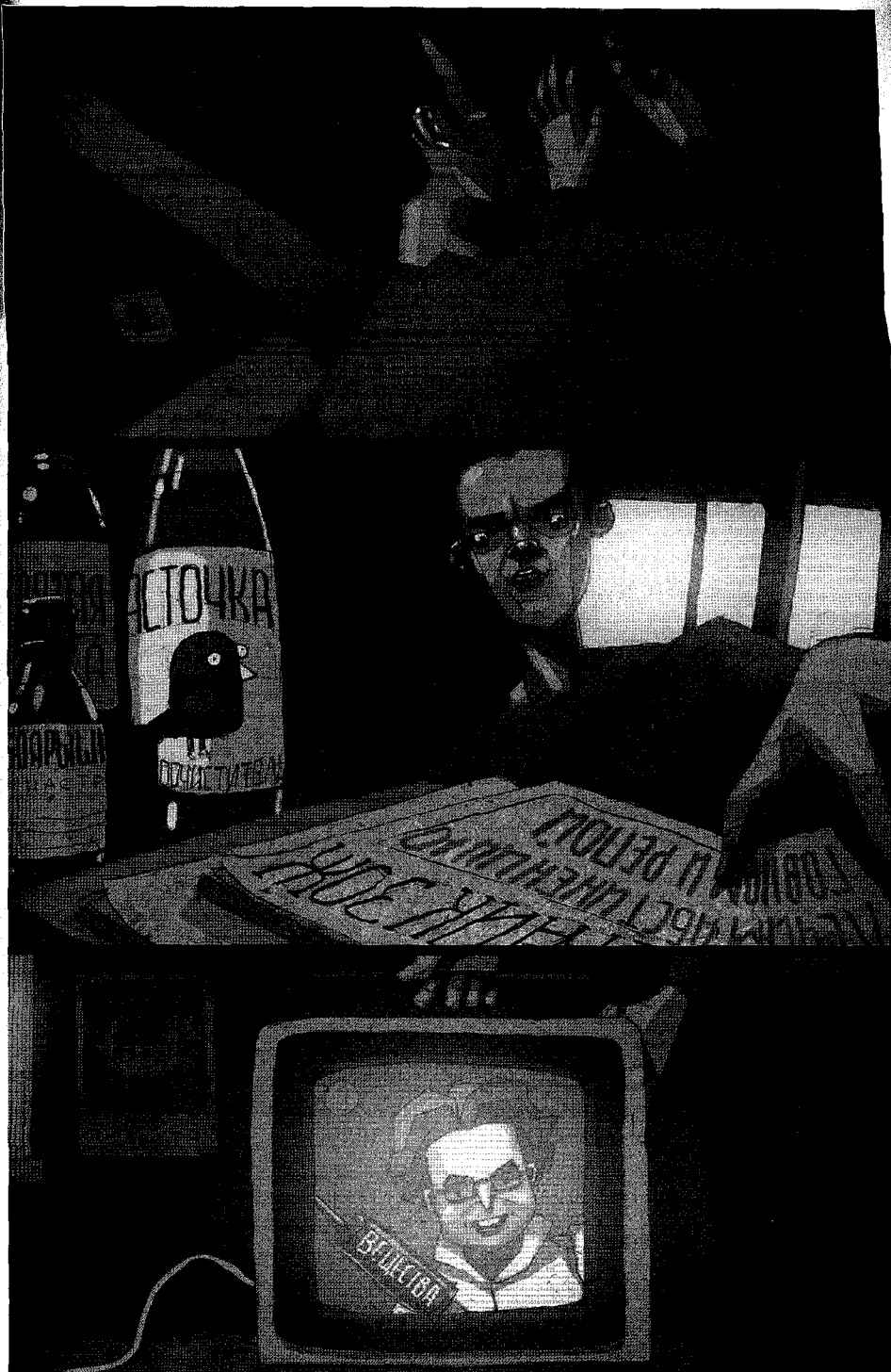
Почему фонд так называется?

Лена: Потому что Андрей был таким активистом, который говорил, что потребители —

это такие же люди, выступал за смягчение наркополитики, гуманное отношение к наркопотребителям.

Вы говорите, что Андрей был выдающимся, потому что боролся за то, чтобы к потребителям относились так же, как и ко всем остальным. То есть участники той программы, в которой он работал, относились к потребителям негуманно, и на их фоне Андрей выделялся?

Л: Почему негуманно? Гуманно. Это как раз государство относилось и относится негуманно: есть практика наркоучетов различных, есть практика наркорепрессий, когда людей преследуют за употребление [наркотиков], и при всяком удобном случае

могут что-то подбросить. Только из-за того, что человек употребляет, он уже под угрозой тюрьмы.

С: Не считая того, что существует дискриминация. При поступлении во всякие врачебные учреждения потребители часто бывают уязвимы.

В чем это выражается?

С: Их просто выписывают из больницы. Потому что у них есть какие-то особенности поведения.

Л: Может быть [предвзятое] отношение врачей и медперсонала. Вплоть до того, что лечение не предоставляется. Как бы зачем тебя лечить, если ты всё равно опять пойдёшь колоться? Не всегда это говорится прямым текстом. Это между собой обсуждают врачи, медсестры. Мне девушка звонила из больницы, и я слышала, как с ней медсестра разговаривает, было прям реально жёстко, я бы расплакалась, если бы со мной так разговаривали.

То есть они попадают в больницы по причинам, не связанным с употреблением?

С: По не связанным, конечно.

Л: Ну, бывает иногда по связанным с употреблением, иногда — по не связанным. Например, сломал ногу, как обычные люди, или ещё что-то болит.

С: И [наркопотребитель] боится сказать о своей зависимости. А вообще, как бы, ему должны помощь оказывать, в том числе и наркологическую.

Насколько я знаю, наркологическую помощь оказывают в наркодиспансерах, именно для этого они и предусмотрены.

Л: Не, ну человек попал, например, в хирургию со сломанной ногой, а у него абстинентный синдром (*плохое самочувствие, вызванное прекращением употребления психоактивного вещества или снижением дозы, ломка — прим. авт.*). Это то же самое, как если бы инсулинозависимому отказались колоть инсулин. Человек попадает в хирургию, ему обязаны

предоставлять помощь по закону. Это же не значит, что его нужно в наркодиспансер отправлять, когда у него перелом или ему какая-нибудь операция предстоит, например.

Но у анестезиологов стационарных больниц не суточный график дежурства, а с 9 до 18 часов. К препаратам для снятия абстинентного синдрома есть доступ только у них.

Л: Но это не значит, что человек, попавший в больницу в 12 ночи и испытывающий [абстинентный синдром] ... Вот если у вас сердечный приступ, вам же окажут помощь. Получается, что здесь идёт такая дискриминация. Наркомания считается болезнью по МКБ 10 (*международный классификатор болезней — прим. авт.*). А у врачей логика, что вроде и не считается, пусть переломается, привяжем его к кровати. Человека, у которого что-то отваливается, рука, допустим, не будут привязывать к кровати и говорить: «А, ну, переживет три денька, перетерпит».

Здесь же другой формат всё-таки. Человек сломал ногу не по своей воле.

Л: Вот у врачей тоже такая логика — что это, типа, некоторая мораль. Когда человек начинает употреблять, это не значит, что он решил всю жизнь быть в зависимости, испытывать какие-то проблемы. Зависимость врачи, и в России в том числе, признают болезнью — это значит, что её нужно лечить. Если я заболела гриппом — это не значит, что я этого захотела. То же самое — наркомания. У ФАР нет идеи, что люди сами виноваты, или что у них нет силы воли.

Мне кажется, что проблема государственной медицины в том, что она считает, что это одновременно и болезнь, и не болезнь, а некоторая проблема с характером.

Но если прописать, что больницы обязаны человеку в состоянии ломки снимать её в любой момент пребывания в учреждении, то это будет означать, что когда у человека нет денег на наркотики, он вызывает скорую, и его

накачивают. Тогда наркотики и покупать не нужно.

Л. и С. (хором): Было бы хорошо!

С: Наркомания — это болезнь? Болезнь. Значит, надо её как-то лечить.

Л: А почему нет? Если был бы такой механизм, то многие люди...

С: Ну, все же знают про программы заместительной терапии (*медицинские программы, участники которых получают строго определенные дозы наркотиков в специальных учреждениях — прим. авт.*). Почему бы их не ввести в России? Тогда человек не будет вызывать скорую помощь, чтобы его обкалывали там какими-то наркотиками. [Сделать так], чтобы он каждый день мог спокойно прийти [за наркотиком в специальное место], получить, быть социализированным, выйти из тени криминального чтобы у человека не возникало необходимости красть деньги на эти наркотики.

То есть приходится красть? А таких людей, которые ходят на работу и покупают себе наркотики, их совсем нет?

Л: Нет, почему, есть. Разные есть.

С: Не у всех есть работа. Не все люди, которые не употребляют наркотики, работают. Биржи труда у нас есть. Человеку, который употребляет наркотики, работу найти в несколько раз тяжелее. Связано это и с их личным поведением, и с политической организацией, которая принимает на работу. У нас парень хочет устроиться на завод и боится проходить нарколога, потому что он употребляет, хотя работа никак с этим не связана, её нет в перечне ограничений по наркомании, но, тем не менее, наркоманов они на работу не берут.

Вы говорите, что есть какие-то особенности поведения, из-за которых эти ребята становятся изгоями, их не хотят брать на работу. Что это за особенности?

Л: Есть не только особенности поведения, есть стереотипы про наркоманов, которые многим работодателям, и вообще про-

сто людям, мешают нормально общаться с потребителями наркотиков. Ну, так же, как с другими людьми.

Эти стереотипы не просто так появились.

Л: Некоторые просто так.

С: Есть стереотип, что все наркоманы воруют. Нет, это не так.

Л: Или что наркоман мать родную за дозу продаст. Это тоже не так. Мы видим это каждый день на улицах. Общаясь как социальные работники с людьми, [мы знаем], что потребитель наркотиков может бороться за свои права, за права своих друзей и быть честным и справедливым или нечестным, как и любой другой человек.

Употребление наркотиков не определяет поведения?

Л: Нет, ну какие-то особенности есть. Например, то, что человеку нужно искать наркотики, прятаться от полиции, у него проблемы со здоровьем могут быть из-за употребления — послеинъекционные язвы, гепатит. Есть какие-то риски для здоровья, большие, чем у людей, которые не употребляют наркотики. Соответственно, это определяет поведение, как и опасность попасть в уголовную систему. Люди больше скрываются, кому-то не рассказывают, что употребляют, не могут поделиться с семьей и детьми. Нельзя утверждать, что это только из-за зависимости. Это потому, что люди так настроены [к наркопотребителям]. Если бы общество нормально относилось к ним, то никто бы не скрывал.

С: Есть самостигматизация (*стигматизация — навешивание отрицательных социальных ярлыков на отдельного человека или на множество людей, причем связь между этим отрицательным качеством и его «носителями» в реальности либо отсутствует, либо не доказана — прим. ред.*). Человек приходит из социума, где принято травить потребителей. «Ты наркоман, ты подонок, ты тварь», — вот такое отношение в обществе. И человек

самостигматизируется. Когда люди начинают употреблять, они считают: «Я попал в эту категорию, я отброс, мне приходится себя вести соответственно». Мы тоже это слышим постоянно.

Вы ребят, с которыми работаете, называете участниками. Это правило? У вас есть какие-то четко прописанные в коллективе этические нормы, границы допустимого в общении?

Л: Мы постоянно обсуждаем, как мы работаем, как мы не работаем, что такое помощь, что такое не помощь, какие последствия могут быть у тех или иных наших действий. С одной стороны, есть какие-то прописанные вещи. Но каждый раз перед принятием решения мы советуемся. Потому что реальная ситуация не всегда подходит под договоренности. У нас есть самая главная штука: решения всегда коллективные.

У нас есть ориентиры. Это принцип равенства, горизонтальность отношений, и поэтому мы называем людей участниками, а не клиентами. Это же не ситуация, когда «мы эксперты», а у нас есть некоторые «клиенты», которым мы сверху вещаем. Мы никогда не стоим на экспертной позиции. Участники нам тоже могут что-то дать, например, информацию, в какой больнице лучше лежать, в какой хуже.

С: Вот приходит человек и берет материалы не только для себя, но и для кого-то близкого. Ну и как назвать его клиентом, если он сам уже, получается, участвует в программе снижения вреда и помогает кому-то?

Л: Мы за то, чтобы человек был активным деятелем. Мы спрашиваем: «А ты можешь это сделать сам — пойти в больницу, восстановить документы?» Если он говорит, что это сложно, то помогаем. Если может сделать, то лучше, чтобы сделал и увидел: он сам это может. Есть такое слово «empowerment», мы стараемся по-русски это переформулировать как «придание сил»,

чтобы человек чувствовал возможность защищать себя, свои права и права других.

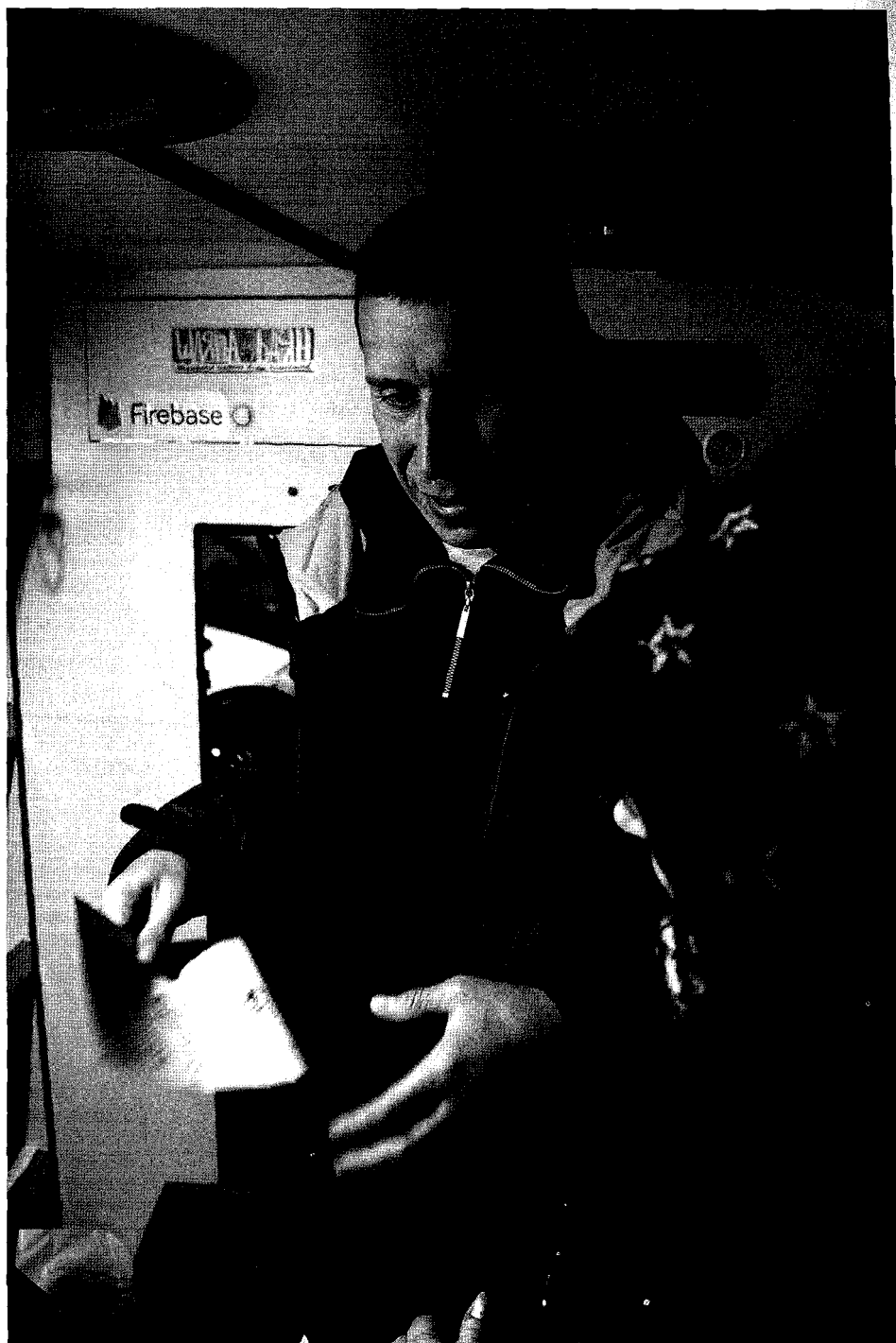
Мы не сиделки, мы антисиделки. Это про вовлечение в сообщество. Поэтому — участники. Нам хочется, чтобы всё сообщество участвовало в решении своих проблем, чтобы люди знали, что у них есть какие-то права, и если эти права нарушаются, то они могут написать жалобу и теми или иными способами их восстанавливать. Мы не копаемся в проблемах, не спрашиваем: «А почему ты стал употреблять?» Если человек обратился к нам за помощью, мы спрашиваем, что он уже начал делать для решения своей проблемы. Это ориентация на будущее и настоящее, а не на прошлое.

С: Мы не оцениваем. Мы никогда не утверждаем, что человек врёт, даже если он пришел и рассказал какую-то совершенно фантастическую историю. Но в то же время реалистично подходим и не верим всему подряд.

Л: Если человек считает себя наркозависимым, то это правда болезнь, а не то, что он не умеет с собой справиться. Мы не оцениваем как личность. И мы никогда не думаем за участников. Если человек приходит к нам и говорит, что хочет ногу вылечить, а мы понимаем, что ему паспорт нужно восстановить, — предложим ему это, но никогда не навязываем своё видение. Он сам решает, а мы ему служим опорой, помогаем человеку самому для себя сформулировать, что он хочет, и что для этого нужно сделать.

Вы помогаете решать только проблемы, которые перед вами ставят, или у вас есть мысль, что конечной целью и решением всех проблем является прекращение употребления наркотиков?

Л: Нет, мы никого не агитируем. У сотрудников могут быть свои представления, но мы их не транслируем на тех, с кем работаем, и считаем, что употребление — это личное дело каждого человека. И мы знаем примеры, что с употреблением можно жить долго

Акция ФАР

и счастливо или не очень, имея определенные проблемы, — но, в принципе, жить можно. Более того, мы знаем, что есть люди, которые не могут избавиться от зависимости никогда. Им нужны какие-то другие способы помощи. Собственно, снижение вреда на этом и базируется. Если человек может не употреблять, пусть пробует не употреблять. А если раз в наркологичке [полежал],

два, тридцать пять раз полежал, и вот так попробовал, и в реабилитацию съездил, но понял, что не катит, не получается, то для них нужны другие программы помощи. Такое правда есть — есть процент людей, которые не бросят никогда.

Мы за разнообразие. Для кого-то — наркологички, реабилитации, для кого-то — заместительная терапия, для кого-то — снижение

Проект «Моменты позитива», реализованный при поддержке ЕСЛУН

вреда. Как сделать так, чтобы [человек], употребляя, не заболел ВИЧ или гепатитом, туберкулезом, или, если уже болеет, не заразил тех, кто вокруг. Как сохранить здоровье, работу, семью. Как остаться активным членом общества.

Действительно ли есть такие люди, которые не могут не употреблять? Это психологическая, физическая — какая

это зависимость? Почему у них нет выбора не употреблять?

Л: Пишут огромные труды, исследуют, что такое зависимость. Кто-то считает, что это психофизиологическая и духовная зависимость. Мы не ставим диагнозов, нам это не нужно.

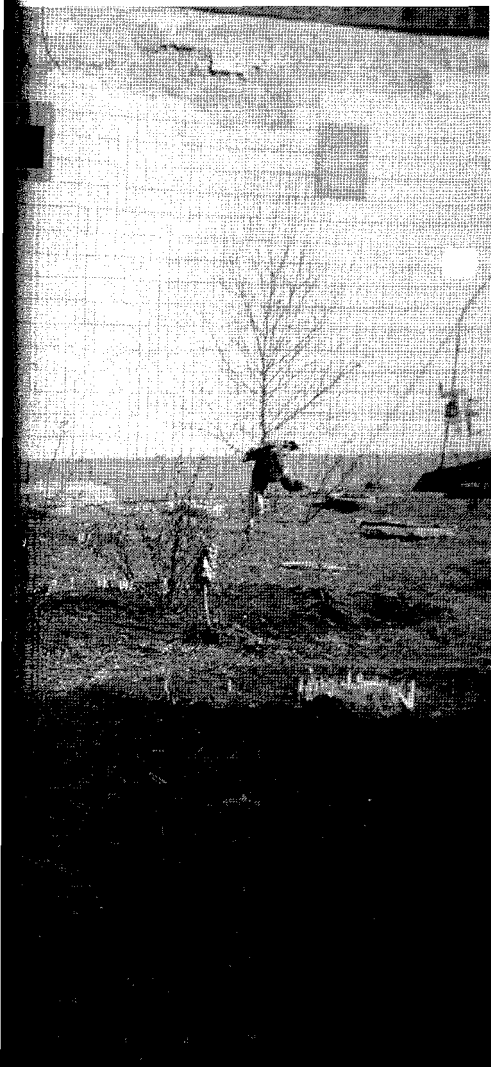
Человек считает, что он зависимый. Он говорит: «Я на системе». И мы ему помогаем, исходя из того, что он сам про себя говорит. И говорить о том, правда ли существуют люди, которые бросить не могут, [сложно] — мне кажется, это вопрос вообще веры. Мы придерживаемся точки зрения, что да, такое бывает, есть люди, которые не бросают. Почти все рано или поздно что-то начинают делать, чтобы бросить. Жить в употреблении становится сложно, в России по крайней мере.

С: Мало того, что наркотики плохие и дорогие, тут ещё и власти преследуют. Деньги кончаются, и взять негде, и украсть даже негде. Люди просто ложатся дома — выживут или нет.

Л: Проблемы со здоровьем, медициной, полицией, деньгами, стигма и самостигма — всё это на людей наваливается. Они понимают, что не употреблять было бы лучше, чем употреблять. Рано или поздно все пробуют [завязать]. У кого-то получилось, а у кого-то не получилось. И это зависит не от того, что реабилитация плохая. Например, человек возвращается в Москву, а здесь соблазн. Даже кто-то незнающий может пойти на район и купить наркотики, здесь так просто это сделать. Человек возвращается в те же места, к тем же людям и срывается. Или у него какие-то физиологические причины.

Мы никогда этим вопросом не занимались, нам это не слишком интересно. Но мы читаем какие-то вещи на эту тему. Пишут, что такое есть, но утверждать мы ничего не можем. Мы не медики.

**Есть устойчивое мнение, что наркома-
ния — это побег от реальности. То есть**

люди употребляют наркотики для того, чтобы не быть в обществе, не быть членом этого общества.

Л: У меня есть какое-то несогласие с этим утверждением. Не знаю, может, у кого-то есть такое стремление. Я просто знаю об опыте людей, которые употребляют наркотики, чтобы быть в каком-то сообществе и уметь общаться более легко и свободно.

Причины, по которым начинают употреблять, мы тоже обсуждаем. Кто-то пишет, что это вообще связано с психиатрией. Есть люди с психиатрическим диагнозом — у них депрессия. Но в России и не только в России культура такая, что мы боимся идти за помощью к психиатру. Почему бы не обратиться к алкоголю или наркотикам? Это же более легкий способ.

А почему не пойти к доктору за антидепрессантами?

С: В России это проблема: психологи не выписывают антидепрессанты, только психиатры, а идти к психиатру — это тоже стигма в нашем государстве.

Л: И вообще признаваться себе в том, что «у меня какие-то проблемы, депрессия» — у нас это не принято.

Про недолюбленность, про какие-то психические травмы — есть и такие идеи. Говоря про причины, желание уйти из социума — это скорее одна из возможных догадок.

С: Это скорее желание перейти в другой социум.

Л: Есть мнение, что очень многое зависит от того, в каком обществе, в какой социальной системе человек рождается и начинает употреблять. Если это общество, в котором лояльно, толерантно относятся к употреблению наркотиков, то люди быстрее могут избавиться от зависимости, больший процент тех, которые излечиваются или на систему вообще не садятся.

С: Если человек изначально считает, что он полноценный член общества, даже в употреблении — ему проще вернуться в это общество.

Вы на аутичах раздаете шприцы, пластыри, мази, тесты на ВИЧ, аскорбинки. Неужели люди, которые употребляют, не могут сами себе купить шприц? Они ведь могут купить наркотики, а наркотики, очевидно, стоят дороже.

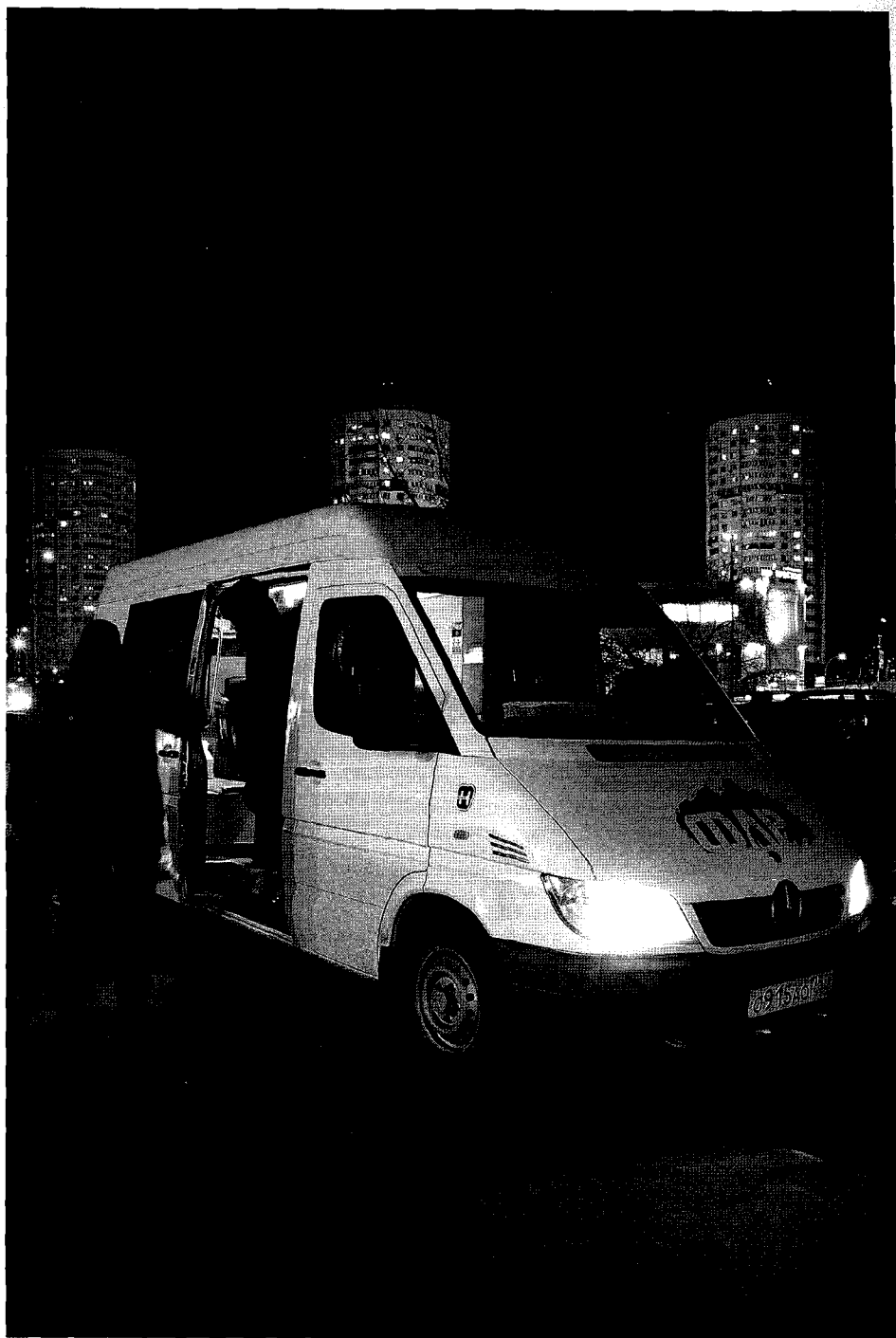
С: Бывает, что нет денег на шприц. Что-нибудь украл, продал ровно за 500 или 1000 рублей, что-то с кем-то поменял, договорился. Такие ситуации очень часто бывают, что у людей нет денег на шприц. Они дорогие. В аптеке на Первомайской один инсулиновый шприц стоит 35 рублей.

Л: Часто шприцы не продают по одному, хотя это прямое нарушение прав потребителя. Их могут продавать только по десять штук. Есть идейные аптеки, которые вообще шприцы не продают. Иногда не продают именно ребятам, про которых знают, что они потребители. Там развит фейсконтроль.

Я как-то общалась с заведующей сетью аптек, в которых не продают шприцы принципиально. Мы раздаем возле аптек часто, она к нам вышла и попросила отойти, я стала рассказывать ей про нашу программу, что отсутствие возможности приобрести шприц повышает риск заражения ВИЧ. Она сказала, что ребята, которые их покупают, делают себе инъекции неподалеку, за углом или в ближайшем подъезде, и тут же выбрасывают, а жильцам этого района не нравится видеть использованные шприцы возле аптеки, в такие места стараются не ходить, и поэтому шприцы просто не заказывают. С одной стороны, мне понравилось, что она так четко всё объяснила, а с другой стороны, она как будто говорит: «Ну и пусть люди умирают, мне наплевать, главное, чтобы у нас не падали прибыли».

А почему бы шприц не донести до урны и не выбросить его туда? Зачем бросать его в подъезде или на тротуаре?

С: Ну вот смотри, если милиционер поймает человека с использованным шприцем, то это лишний повод докопаться и дать сутки.

Акция ФАР

август 2017

Не всегда они имеют возможность выбросить шприц в урну, и поэтому когда и где укололись, там и выбросили. Это просто реальный риск.

Вы говорите, что очень маленький процент участников имеет хотя бы какую-то разовую работу, подработку, и ни у кого нет постоянной. А на какие же деньги они тогда приобретают наркотики? Воруют?

С: Да, им приходится.

Но в самом начале интервью мы говорили, что есть устойчивый стереотип, с которым вы не согласны, и что общество стигматизирует наркоманов, считая каждого из них негодяем и воровом, а теперь мы приходим к тому, что наркоманы всё-таки воруют.

С: Нет, я объясню. Одно дело — когда воруют, чтобы набить карманы, а другое — когда вынуждены как-то что-то красть. Потому что абстинентный синдром никто не отменял. Но и не все воруют. Не наркоманы тоже воруют. Директора заводов тоже воруют. Потребители вынуждены воровать, вот в чем дело, если у них нет другой возможности заработать.

Чем отличается наркополитика в России от наркополитики других стран?

С: У государств [иностраннных] просто другая политика, более гуманная, более прагматическая.

Л: Ну, типа, что дешевле проводить заместительную терапию.

С: И в отношении наркобизнеса закон более прагматичен. Мы это условно называем «малый наркобизнес». У нас в России сажают за какую-то щепотку на десять лет.

Л: Например, я со Славой поделилась своим наркотиком. Это значит, что я ему наркотик продала. И это часть 3 статьи 228, и меня сажают на 10–12 лет, а полиция отчитывается, что они поймали крупного сбытчика.

С: У нас же закон: 5 грамм — это уже особо крупные размеры.

Пять грамм не важно какого вещества?

С: Там есть градация какая-то, но считается-ся-то общий вес.

Л: Ну, допустим, мешок с мукой, и туда положили грамм героина, они смешались, но для полиции это значит, что у меня изъяти 20 килограмм героина. Если в веществе обнаружено наркотическое средство, то вес всего вещества считается наркотическим веществом. Так устроено российское законодательство. И то, что муж с женой или знакомый со знакомым поделился наркотиком — может быть, даже вообще без денег — у нас это всё равно считается сбытом наркотиков.

Как сделать так, чтобы было хорошо? Или хотя бы лучше?

Л: Легализация разнообразных видов помощи, заместительная терапия, различные форматы реабилитации — не только те, что у нас представлены. Устранение юридических преград, которые не позволяют потребителям получать помощь (прописка, регистрация, полис), устранение карательных мер. И чтобы в первую очередь в потребителе видели человека, относились как к человеку. Ещё бы качество наркотиков было хорошее, чтобы люди меньше болели.

Война с наркотиками — это война с людьми. Когда что-то запрещают продавать официально, это начинают продавать подпольно и за качеством не следят.

Было бы хорошо, чтобы государство поддерживало программы снижения вреда. По России осталось 28 программ. Недавно был проведен форум социальных работников, который организовали мы, а также форум людей, употребляющих наркотики, организованный Евразийской сетью людей, употребляющих наркотики (ЕСЛУН). Стараясь взаимодействовать, но нас очень мало. В Москве только мы занимаемся снижением вреда — 15–20 социальных работников на весь город. m

ТЕКСТ Мария Мурадова

маленькая победоносная война с наркотиками

в 70-х годах прошлого века началась самая долгая и насильственная война, которая не прекращается по сей день. Участвующие в ней страны не конфликтуют с соседями и не истребляют внутренних оппонентов, а сражаются с наркотическими веществами. Корреспондент *moloko plus* рассказывает, как государства изобрели себе врага, бороться с которым можно бесконечно, и что послужило началом многолетней войны правительств с наркотиками, в которой государства неизбежно проигрывают, а победители всегда мертвы.

Американский *casus belli*

«Каждый раз, когда наркотик попадает в тело вашего ребенка, он вытесняет любовь, надежду и его мечты», — как мантру проговаривает с телеэкранов Нэнси Рейган, жена 40-го президента США Рональда Рейгана. Именно она запустила пропагандистскую кампанию, ставшую классикой далеко за пределами Америки: «Просто скажи наркотикам нет» (*Just Say No*). Сейчас эта на первый взгляд невинная фраза является девизом одной из самых долгих и жестоких войн в современной истории.

Формально первую войну наркотикам (*War on Drugs*) объявил президент США Ричард Никсон в 1971 году. Правительство Штатов не было автором этой идеи, а лишь подхватило и развило концепцию, которую ООН закрепила в Единой конвенции о наркотических средствах. 30 марта 1961 года в Нью-Йорке большинство стран подписало документ, который установил курс на политику прогибиционизма и поставил перед государствами задачу пресечь все практики производства и употребления опия, коки и каннабиса. Исключения делались лишь для случаев, когда наркотические средства требовались для медицинских или научных целей. Также Конвенция дала право сторонам

«принимать более строгие или более суровые меры контроля, чем те, которые предусматриваются [настоящим документом]».

США стали прилежно исполнять положения Конвенции и за несколько лет ожидаемо отредактировали антинаркотическое законодательство. Истинные цели американских властей стали известны лишь в 2016 году, когда широко разошлось высказывание бывшего советника Никсона по внутренней политике Джона Эрлихмана. Он признался журналисту *Harper's Magazine*, что война с наркотиками была задумана как акция давления на главных политических противников режима: пацифистов-хиппи и чернокожих. Правительство поставило перед собой задачу не сократить наркотрафик, а создать у населения четкую ассоциативную связь между хиппи, марихуаной, чёрными, героином и преступностью.

«Знали ли мы, что лжем о наркотиках? Конечно же, знали», — сказал бывший советник бывшего президента США.

После пяти лет на посту Никсону пришлось уйти в отставку — Уотергейтский скандал нанес президенту непоправимый имиджевый ущерб. Его преемник Джеральд Форд переключил своё внимание на внешнеполитические и экономические проблемы США и вошёл в историю благо-

даря, например, тому, что на его правление пришлось окончание Вьетнамской войны и подписание Хельсинкских соглашений. Однако политика войны с наркотиками уже была подхвачена правителями разных государств по всему миру.

Спустя несколько десятилетий после этих событий Америка станет одной из первых стран в мире, начавших процесс декриминализации марихуаны, в то время как в других странах развернется уже настоящая война.

Образ врага

«Одному моему знакомому не разрешили въехать на территорию США потому, что он болен сахарным диабетом и вынужден ежедневно делать себе инъекции инсулина. Пожалуй, всякий, услышав подобное высказывание, посчитает, что мир сошёл с ума.

Одному моему знакомому не разрешили въехать на территорию США потому, что он болен наркотической зависимостью и вынужден ежедневно делать себе

инъекции героина. И в первом, и во втором случае речь идёт о заболеваниях, но наше общество старательно закрывает глаза на медицинскую составляющую наркозависимости, обращая пристальное внимание лишь на правовой аспект этого недуга», — пишет Игорь Кузьменко, активист Евразийской сети людей, употребляющих наркотики (ЕСЛУН/ENPUD). Его сравнение служит хорошей иллюстрацией главной особенности отношения общества к потребителям наркотиков — стигматизации.

Стигмой (др. греч. *στῖγμα* — прим. ред.) в древней Греции называли клеймо на теле раба или преступника — неотчуждаемый карт-бланш на уничижительное отношение. То же с наркоманией. Общество воспринимает прием запрещенных веществ как грань, которую ни в коем случае нельзя переходить.

«Делай что угодно, только не становись наркоманом», — об этой модели писали ещё норвежский криминолог Нильс Кристи и финский исследователь алкоголизации и наркотизации Кеттиль Бруун в своём классическом труде о наркополитике в Скандинавии.

Шествие против обострения конфликтов между наркокартелями. Акапулько, 2011 год

динавии «Удобный враг». Но когда такой совет становится руководством к действию, родители впадают в отчаяние, ведь по сути ребёнок не справился с единственной данной ему задачей.

Стигматизация человека, находящегося в пограничном состоянии, не помогает ему примириться с обществом. Антинаркотическая риторика преимущественно строится на мотиве необратимости: однажды преступив черту, ты не сможешь вернуться назад, второго шанса не будет. Непрерывное транслирование этой идеи неизбежно вгоняет человека в состояние «заученной беспомощности» (термин из того же «Удобного врага»), когда у него при наличии возможности преодолеть свои трудности нет на это сил, желания и мотивации. Такое положение дел заставляет медиа диагностировать ситуацию на фронте: «Война [с наркотиками] окончена. Наркотики победили!» Под этим заголовком обычно следуют описания теневых рынков, грязных притонов, повторно использованных шприцев, эпидемий СПИДа и передозировок.

Яркий пример такой «победы»: в начале 2016 года в одной из деревень на юге Ирана казнили всё взрослое мужское население — так правительство наказало жителей за то, что они производили и распространяли наркотики. Смертная казнь через повешение или побивание камнями применяются в Иране до сих пор. Сотни человек в год отправляются на виселицу, а человека, который упоминался во всех новостях как Алиреза М., и вовсе хотели повесить дважды. 37-летнего мужчину суд приговорил к повешению за хранение 1 кг метамфетамина. Алиреза провисел в петле 12 минут, после чего казненного отправили в морг, а наутро обнаружили, что он жив и относительно здоров. В итоге суд своеобразно помиловал «повешенного» и приговорил его вместо повторной казни к пожизненному заключению.

Армия против картелей

Ситуация в Иране хотя и является крайне жестокой формой войны с наркотиками, выглядит скорее как разовые атаки правительства на в общем безоружное население. К настоящему же вооруженному конфликту политика войны с наркотиками привела во второй половине 2000-х годов в Мексике. Начало ей положил Фелипе Кальдерон, член правоцентристской Партии национального действия (ПНД), избранный в 2006 году президентом страны.

В считанные дни после инаугурации Кальдерон развернул масштабную антинаркотическую кампанию с применением пропаганды и вооруженного насилия. Первой его крупной инициативой стал ввод войск в штат Мичоакан, где на тот момент за сферы влияния боролись несколько наркокартелей.

«Во время проведения операций перехвата и ликвидации [картелей] мы должны повсеместно уважать и соблюдать права гражданского населения», — объясняет солдатам с трибуны человек в военной форме, командир 21-й боевой зоны. Солдаты слушают молча, разворачиваются на 180 градусов и ровным строем уходят на задание.

Военные машины прямой линией растянулись по солнечной улице густонаселенного мексиканского города Сьюдад-Хуарес, где располагается штаб-квартира одного из крупнейших наркокартелей Мексики — Картеля Хуареса (*исп. Juárez Cartel или «Организации Висенте Каррильо Фуэнтеса» — прим. ред.*). Вооруженные люди в полной амуниции вламываются в белоснежный особняк: сегодня они арестуют очередного крупного торговца и, вероятно, их операция не обойдется без жертв. Достижения мексиканских военных позже проиллюстрируют в новостях кровью на стенах и несколькими прикрытыми тканью

труппами у порога. После такого разгрома крупный картель дробится на мелкие, еще более brutальные банды, которые глубже уходят в подполье и развязывают войну уже между собой. Военные действия, групповые могилы и убийства посреди оживленных улиц становятся привычными для жителей многих городов Мексики. С 2006 года в Мексике было зафиксировано около 200 тысяч убитых и более 28 тысяч пропавших без вести.

После ухода Кальдерона новый президент Энрике Пенья Ньето хотя и высказался за политику профилактики и декриминализации хранения наркотиков, но продолжил начатое своим предшественником. Усиливают свой авторитет местные милитаризованные службы, растёт количество жертв войны (убитых, пропавших без вести и заключённых в тюрьмы), растёт и уровень наркопотребления в США — основном рынке сбыта для Мексики.

Не выглядят удивительными сообщения о том, что деньги на эту многолетнюю кампанию мексиканским президентам дают те же Штаты. Америка, вставшая на путь легализации, продолжает быть одним из основных двигателей War on Drugs в остальном мире: например, она активно финансировала тренинги для сотрудников филиппинской полиции и продавала Филиппинам оружие, и только недавно власти США озаботились вопросом, чему в реальности могут поспособствовать эти средства, и не нарушает ли это права человека.

Филиппинский блицкриг

Война на Филиппинах выглядит фантастично: президент Родриго Дутерте, заняв свой пост в конце июня 2016 года, разрешил жителям страны убивать друг друга на основании лишь подозрения в причастности к наркобизнесу. Единственным доказательством этой причастности часто служит

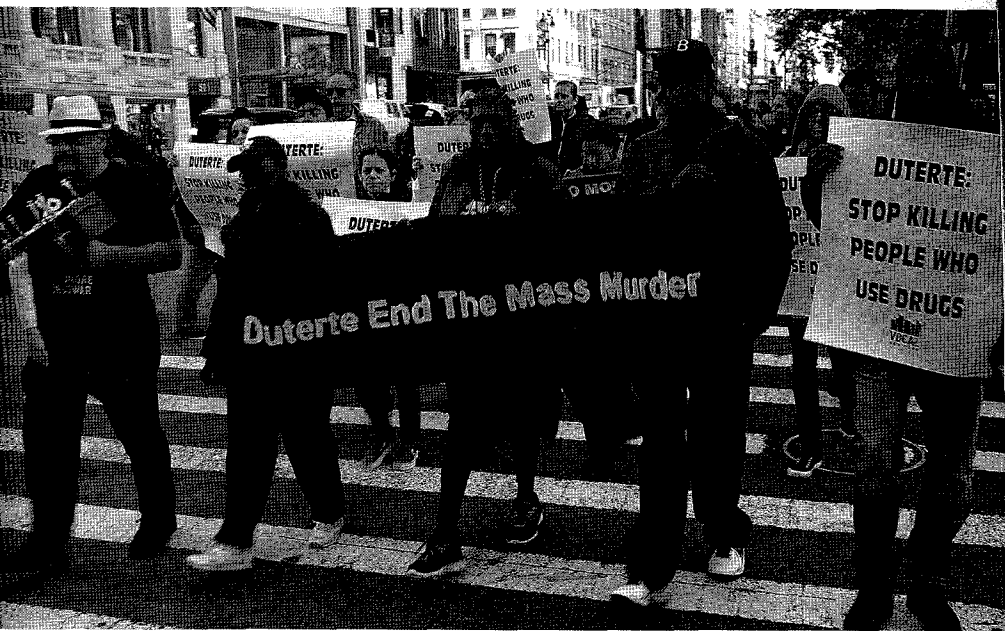
только картонная табличка с надписью «Pusher Ako» (*«Я — дилер» — прим. ред.*), которую к трупам иногда приматывают скотчем, прежде чем оставить убитого лежать посреди улицы.

Самым популярным наркотиком на островах считается метамфетамин (на местном наречии его называют shabu) — стимулятор, который покупают работающие сверхурочно и живущие на грани нищеты местные. Он поступает на Филиппины из Китая и уже не первый десяток лет пользуется огромной популярностью, потому что помогает местному населению переживать затянувшийся экономический кризис. Причины наркомании здесь социальные — в принципе, так же, как и в любой другой стране. Но, как писали Кристи и Бруун в своей наиболее значимой работе, объявить войну наркотикам легче, чем безработице и коррупции, потому что последние — слишком неудобные враги, и жертвовать тогда придётся не только маргиналами с городских окраин.

За резкие слова и «своеобразные» методы борьбы с преступностью Дутерте уже давно прозвали «карателем». Например, ещё будучи мэром города Давао он пообещал награду каждому, кто убьёт драгдилера: «Пристрелите его, и я дам вам медаль». Но, похоже, ему вряд ли хватит медалей — количество трупов уже сегодня исчисляется тысячами.

«Я разъезжал по Давао на большом байке и надеялся нарваться на проблемы, чтобы иметь возможность убить кого-нибудь», — так рассказывал о своей бытности мэром сам Дутерте уже после избрания президентом. Также Дутерте бравировал, что примерно тогда же собственноручно убил троих человек, чтобы подать пример полицейским: «Не знаю, как много пуль я вогнал в их тела».

В итоге примеру последовали не только полицейские. Летом 2016 года две местные

Протест около Генерального консульства Филиппин в Нью-Йорке. Октябрь, 2016

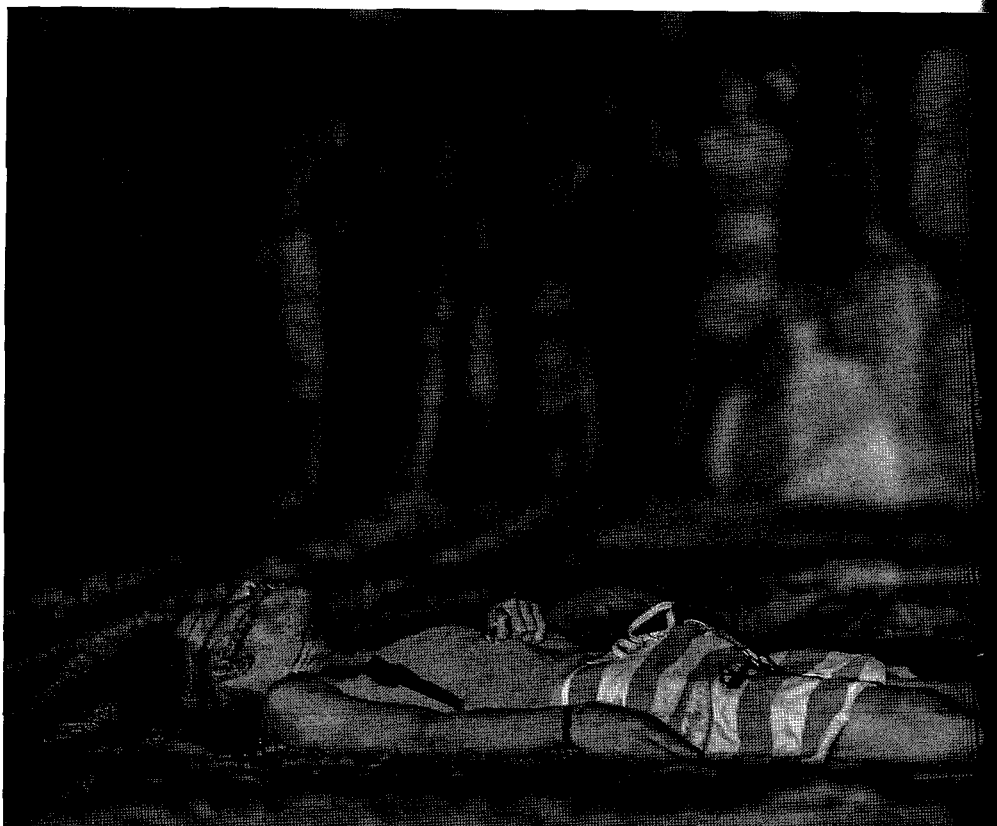
журналистки создали целый интернет-мемориал — список имен людей, убитых с мая. Вскоре филиппинская полиция перестала предоставлять официальные данные о подобных смертях и приостановила «антинаркотическую операцию».

Роль правоохранителей в этой войне, строго говоря, не главная: из зафиксированных семи тысяч убитых на полицию приходится только две с половиной. Ещё около тысячи человек были приговорены к расстрелу после положенных правовых процедур. Остальные трупы — три с половиной тысячи человек — это работа тех, кого в официальных отчётах называют *unidentified gunmen* (неустановленные стрелки — прим. ред.), то есть обычных жителей страны.

Филиппинский президент склонен карать далеко не во всех направлениях своей политики. Находясь в публичном поле больше 20 лет, он успел зарекомендовать

себя как сторонник развития социальных лифтов для женщин, защитник прав ЛГБТ и приверженец религиозного и этнического равноправия. Например, еще пару лет назад Дутерте поддерживал идею однополых браков, и утверждал, что даже если бы его сын оказался геем, то это не было бы проблемой, ведь «каждый имеет право быть счастливым». Но филиппинское счастье несовместимо с метамфетаминном.

Несмотря на беспрецедентный размах нарушений практически всех прав человека на Филиппинах, международное сообщество и межправительственные организации не спешат активно вмешиваться в происходящее. ООН в целом продолжает поддерживать политику прогибационизма. Итогом Специальной сессии Генеральной Ассамблеи, прошедшей в апреле 2016 года, стала резолюция, в которой главная задача была обозначена как «расширение сотрудничества и взаимодействия», а проблемы войны

Лузвиминда Сиапо работала на дому в Кувейте. Когда вернулась, узнала, что вооруженные люди похитили и застрелили ее сына Раймарта на следующий день после того, как сосед пожаловался деревенским сторожам, что Раймарт продавал наркотики.

Манила, Филиппины, 30 марта 2017 года

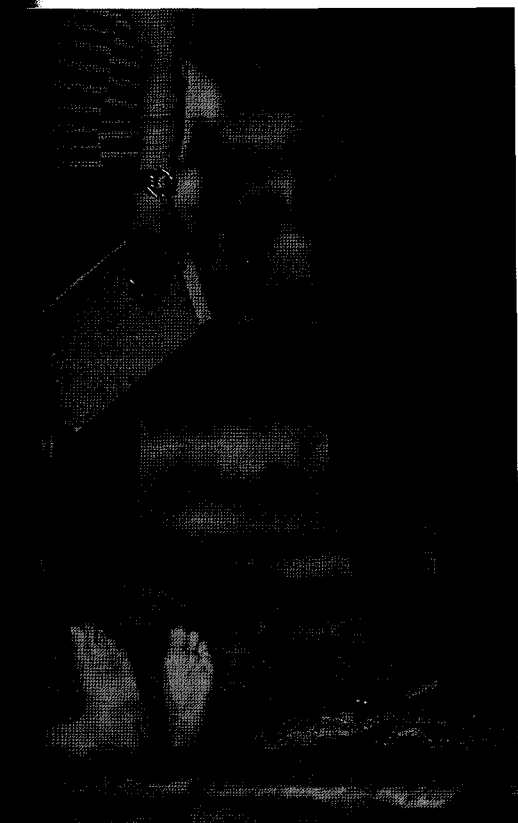
с наркотиками, такие как криминализация (в том числе хранения) и жестокие меры наказания (в том числе смертная казнь), остались нетронутыми.

Строгость Объединенных наций в этом вопросе неотделима от их оптимизма: на предыдущей Ассамблее в 1998 году они договорились к 2008 году добиться существенных результатов в деле формирования общества, «свободного от злоупотребления наркотиками». Те делегаты были немногим амбициознее предыдущих: комиссия, подписавшая ту самую Единую конвенцию

о наркотических средствах, планировала более-менее избавить от них мир уже к 1986 году, когда и началась институционализированная War on Drugs.

Партизаны и пацифисты

Любая война неизбежно провоцирует появление пацифистского движения. Сторонники политики снижения вреда (harm reduction) возникли уже спустя 10 лет после объявления Никсоном военного положения. В 80-х годах разворачивают работу активисты,

ратующие за обмен игл и шприцев, раздачу презервативов и бесплатное распространение антидота налоксона.

В России, Туркмении, Сингапуре, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и многих других странах сторонники такой политики до сих пор находятся в положении партизан. Метадон (*синтетический препарат, использующийся для лечения наркотической зависимости. В России оборот метадона запрещен — прим. ред.*) там приравнивается к недопустимому коллаборационизму или военному преступлению.

На войне с наркотиками каждый суд становится полевым, а каждый госпиталь — военным. В 11 странах мира даже хранение наркотиков карается смертной казнью, а масштабы распространения ВИЧ-инфекции в государствах, отказывающихся от политики снижения вреда, значительно шире, чем в тех, которые ее применяют.

Жестокость, сопровождающая войну с наркотиками, не приносит видимого результата. Убежденность многих правительств в том, что победа в этой войне может быть обеспечена все большим количеством убийств и посадок, выглядит так же наивно, как сама концепция «мира, свободного от наркотиков».

Почти за полвека военных действий рынок наркотиков стал одним из крупнейших в мире. 300 миллионов потребителей, 330 миллиардов долларов в год — так его оценивает бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, член Глобальной комиссии по вопросам наркополитики (Global Commission on Drug Policy, GCDP).

«Я понимаю, что наркотики разрушили жизни многих людей, но неправильная государственная политика потенциально может нанести еще больше вреда.<...> Во многих странах наблюдается тенденция поставить клеймо позора и засадить под стражу наркоманов, и это мешает им обращаться к врачам за квалифицированной помощью», — рассуждает бывший генсек ООН.

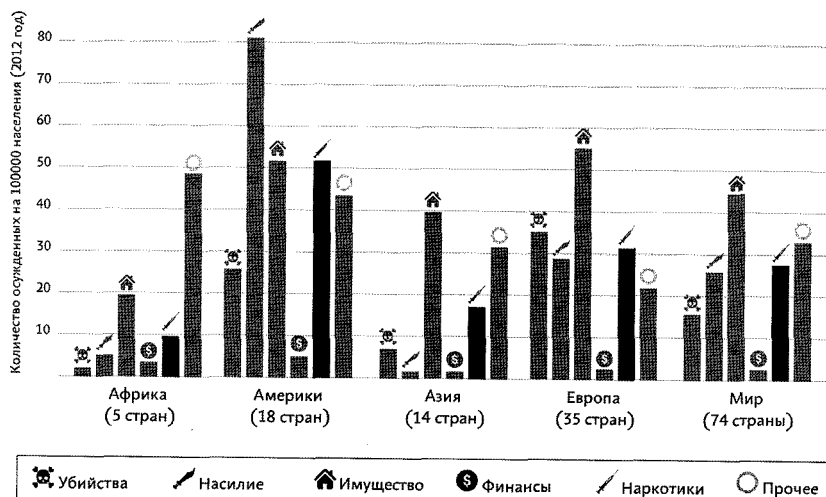
В GCDP констатируют, что «глобальная война с наркотиками проиграна с разрушительными последствиями для личности и общества по всему миру», и призывают государства изменить курс и перейти к прогрессивной модели поддержки, а не наказания. «Имеющиеся факты неопровержимо доказывают несостоятельность репрессивных стратегий в решении проблемы наркотиков», — приходят к выводу члены комиссии. *т*

автор
Сергей
Безухов

Количество осужденных за наркопреступления и за другие преступления

данные
UNODC,
World
Drug
Report
2016

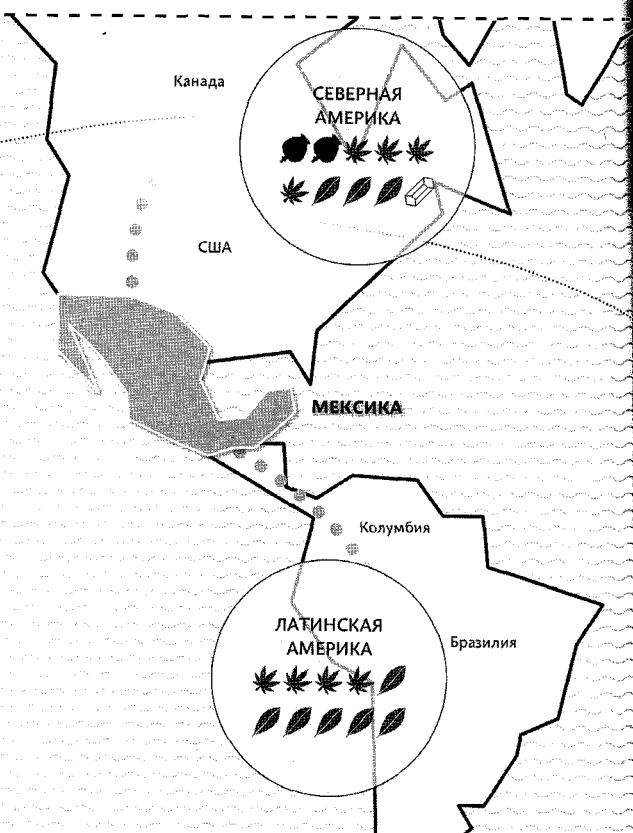
Трафик опиатов

ВЕЩЕСТВО, преимущественно употребляемое пациентами, которые лечатся от наркотической зависимости

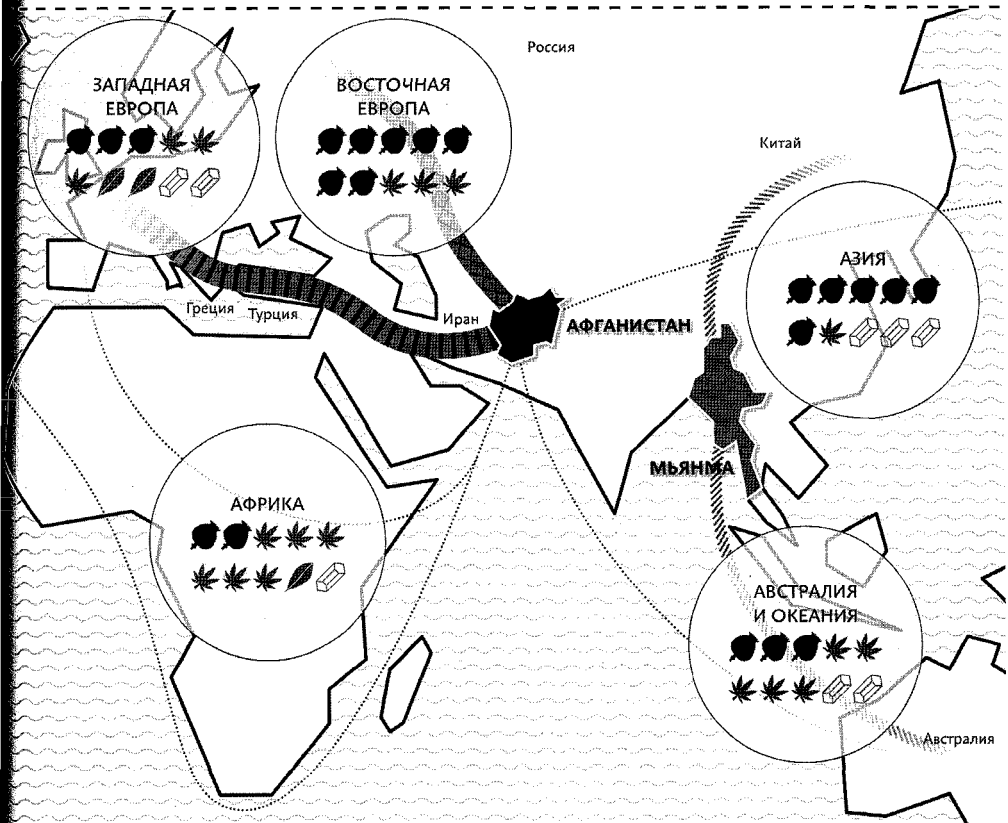
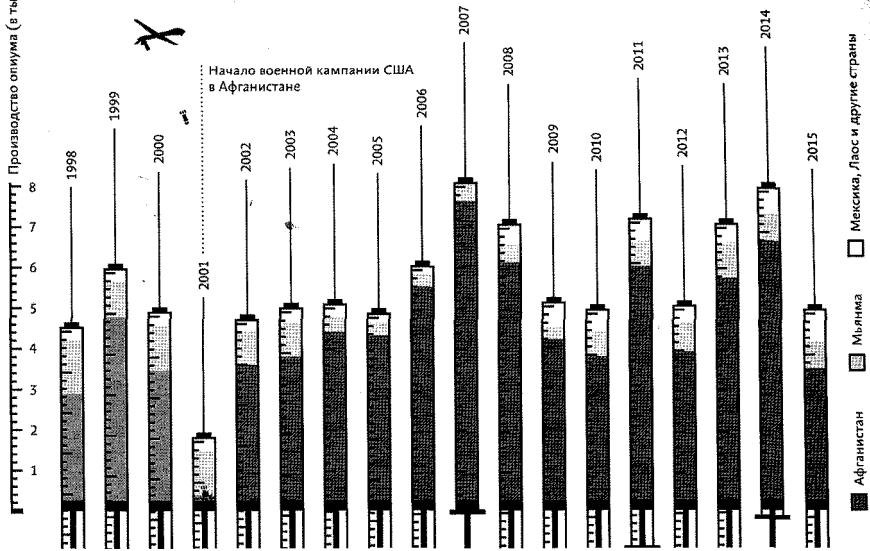
- Опиаты
- Каннабис
- Кокаин
- Метамфетамин

ОСНОВНЫЕ МАРШРУТЫ ТРАФИКА ОПИАТОВ

- Балканский коридор
- Северный коридор
- Южный коридор
- Мьянма и Лаос
- Мексика

Производство опиума в мире

moloko plus продолжает знакомить читателей с причудливым и разнообразным миром Ирландской республиканской армии.

ТЕКСТ Александра Семенова

как бороться с наркотиками, простреливая коленки: опыт ирландских националистов из Radical Action Against Drugs

3 июня 2010 года дом Брендана Мак-Кафферти в городке Страбан подожгли. За неделю до этого ему прострелили обе ноги и руку, а затем приказали убраться из Северной Ирландии в течение суток. Мак-Кафферти обвиняли в торговле кокаином. Несмотря на угрозы, он остался в городке.

7 марта 2011 года два мотоциклиста въехали в Мафф, деревню на границе графств Дерри и Донегол. Они дважды выстрелили в окно одного из домов и уехали. За неделю до этого в то же самое окно

неизвестные бросили бомбу. В доме, предположительно, жил драгдилер.

26 апреля 2012 года женщина привела своего 18-летнего сына в переулок в Креггане — микрорайоне в городе Дерри. Там его ждали неизвестные, которые прострелили парню обе ноги. Женщина сочла, что пара пулевых ранений — справедливое предостережение для подростка-драгдилера. Заботливая мать опасалась, что если любимый сын продолжит толкать дурь, то попросту «умрет от передозировки в какой-нибудь квартире».

**PROTEST AGAINST
RAAD DEATH THREATS**

**GUILDHALL SQUARE
3PM
SATURDAY 28TH APRIL**

Ответственность за эти акции устранила, а также еще за минимум 40 других атак по всей Северной Ирландии взяла на себя организация RAAD (Republican Action Against Drugs — Республиканское действие против наркотиков).

Кто это такие?

Republican Action Against Drugs — националистическая группировка, которая радикальными методами борется с распространением наркотиков в Северной Ирландии. Как полноценная группировка RAAD существует с 2008 года. Члены RAAD выступают за отделение Северной Ирландии от Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии и за объединение Северной Ирландии и Республики Ирландия. Что символично, базируется организация в графстве Дерри — пограничном регионе, примерно на 70% населенном националистически настроенными католиками. Большую часть акций RAAD проводит в этом же графстве, редко выходя за его границы, и действия группировки пользуются широкой поддержкой населения.

В 2009 году, вскоре после официального формирования организации, несколько ее лидеров дали анонимное интервью Derry Journal. Они рассказали, что в группировке действительно состоят бывшие или нынешние члены IRA (в частности, PIRA — Provisional IRA или «Временной ИРА», самой крупной организации радикальных республиканцев, прим. ред.), которые участвовали в боевых действиях в Северной Ирландии в 1970–80-х годах.

Лидеры RAAD объясняют жестокость своих методов тем, что «уничтожить наркоторговлю можно только уничтожив торговцев». С такой точкой зрения соглашаются не только члены группировки. Например, Гэри Доннелли, один из лидеров националистов в Дерри, утверждает, что RAAD необходимо поддерживать всем жителям города: «Они —

часть местного сообщества, мы их поддерживаем. Настоящие террористы — это полицейские, которые приезжают сюда и ничего не смыслят в местных порядках. Они здесь чужаки, и мы скорее будем поддерживать радикалов вроде RAAD, чем полицию».

Следующий виток развития RAAD пришелся на 2012 год — организация объявила о присоединении к Real IRA (*RIRA*, или «Истинная ИРА» — прим. ред.). В альянс вошли также другие небольшие республиканские парамилитарные образования, и в итоге союз назвали «Новой Ирландской республиканской армией» или New IRA, сокращенно — NIRA (подробнее об истории IRA читайте в первом номере *moloko plus* в материале Евгения Бузува «Война диссидентов» — прим. ред.). За счет объединения с другими группами участники RAAD приобрели новых сторонников, разделяющих их политические взгляды и методы. После этого события покушения и убийства подозреваемых в наркоторговле стали происходить и в других регионах Северной Ирландии, а не только в Дерри.

С 2012 по 2017 год в Северной Ирландии помимо многочисленных нападений на полицейских и попыток взорвать их автомобили было зафиксировано как минимум 10 инцидентов, схожих по почерку с RAAD — бомбы, избиения, простреленные ноги.

Что они делают?

Главная декларируемая цель RAAD — остановить распространение наркотиков в Дерри, запугав или истребив всех торговцев. Сразу после основания организация объявила «амнистию» — предложила всем драгдилерам сдаться организации в обмен на неприкосновенность. Эта мера была самой миролюбивой из использованных, и на некоторых даже подействовала. За многими из сдавшихся RAAD еще долго следила, ведя постоянное наблюдение за их домами и передвижениями.

Политическая принадлежность группировки и то, что она состоит в основном из бывших и нынешних боевиков IRA, обусловили ее жестокие методы. Взаимодействие с наркоторговцами обычно происходит по одной схеме: как только в RAAD узнают о человеке, распространяющем наркотики, за ним начинается слежка. Однажды, обычно ночью, несколько боевиков вламываются в дом подозреваемого.

Дальше события развиваются по-разному в зависимости от поведения обвиняемого и тяжести его преступления. Чаще всего RAAD сначала предлагает ему в течение суток убраться с территории Северной Ирландии. За время своего существования с 2008 года группировка заставила уехать более 100 человек.

Если угрозы не срабатывают, обвиняемому простреливают колени или стопы — такие раны не опасны для жизни, но заживают очень долго и болезненно. Если и это не действует, RAAD выбирает наиболее удобный способ устрашения: поджигают дом, закладывают бомбы на крыльцо или под машину. Все бомбы боевики изготавливают самостоятельно. Предполагается, что угрозы для жизни они также не представляют: их малая мощность и содержимое (обычно шрапнель или другие мелкие металлические предметы) причиняют больше ущерба имуществу, чем человеку, но приносят понимание, что отныне все серьезно, и что на преступника объявлена настоящая охота.

Кроме этого RAAD проводит массовые акции, в ходе которых участники организации вламываются в дома и изымают все найденные наркотики. Практически полицейский рейд с обысками и стрельбой в воздух. Возраст обвиняемого RAAD чаще всего не останавливает: среди жертв есть и 17–18-летние подростки.

До убийств доходит редко. Единственное свое подтвержденное убийство группировка совершила 9 февраля 2012 года —

тогда был убит Эндрю Аллен. RAAD угрожала Аллену расправой, если он не покинет территорию Северной Ирландии. Теперь в день его смерти в Дерри каждый год проходит военный марш памяти, к которому присоединяются и обычные граждане. В этот же день его могила оскверняется вандалами, которые разбивают или изрисовывают надгробный камень.

«Как можно называть этот город культурным, если RAAD разгуливает по нашим улицам, убивая детей? Нужно что-то с ними сделать, пока еще одна семья не оказалась в такой же ситуации, как наша, потеряв сына, брата или отца», — возмущается Донна Смит, мать убитого.

Чиновники деятельности RAAD не одобряют и считают таких борцов с наркотиками террористами. В мае 2012 года тогдашний заместитель Первого министра Северной Ирландии и в прошлом участник PIRA Мартин МакГиннесс резко раскритиковал ирландских радикалов.

«Думаю, очевидно, что общество начало восставать против RAAD. Террористы собираются откусить больше, чем могут проглотить — и совершают самую большую ошибку в своей жизни, потому что общество уже обернулось против них», — сказал МакГиннесс.

Почему они существуют?

Можно выделить несколько причин, почему эта группировка появилась именно в Дерри и пользуется там такой широкой поддержкой населения.

Дерри — пограничный город, который находится в самом католическом одноименном графстве Северной Ирландии. Когда Ирландия была колонизирована, англичане и шотландцы селились в основном на севере, не продвигаясь южнее по острову. После отделения Республики Ирландия в 1921 году шесть ее северо-восточных

**ЖИТЕЛИ ГОРОДА
ПРОСТО ОТКАЗЫВАЮТСЯ
СОТРУДНИЧАТЬ
С ПОЛИЦИЕЙ –
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЛАСТИ
ЕЗДЯТ ПО ГОРОДУ
В БРОНИРОВАННЫХ
ФУРГОНАХ, КОТОРЫЕ
ПЕРИОДИЧЕСКИ
ЗАБРАСЫВАЮТ КАМНЯМИ
И БУТЫЛКАМИ ДАЖЕ ДЕТИ**

графств остались в составе Соединенного Королевства, но религиозное распределение осталось неизменным: на севере и востоке живут протестанты (англичане и шотландцы), на юге и западе — католики.

Отчасти формирование добровольческих организаций по борьбе с распростра-

нением наркотиков обусловлено ситуацией в регионе — Северная Ирландия исторически является самой бедной территорией Соединенного королевства: здесь нет ни нефти, как в Шотландии, ни угля, как в Уэльсе, ни развитой финансовой системы, как в Англии. Даже сама Ирландия, куда так

отчаянно стремятся североирландские католики, почти полностью зависит от субсидий Евросоюза на развитие сельского хозяйства — без них экономика острова очень быстро пришла бы в упадок.

Всеобщая бедность становится причиной роста преступности, а один из самых легких способов заработать — начать торговать кокаином, марихуаной или наркотиками вроде мефедрона. В Дерри как в самом близком к Ирландии графстве проблема торговли наркотиками стоит особенно остро: в Ирландии за их распространением следят не так активно, как в Соединенном королевстве, и провезти их через границу не составляет особого труда — как таковых погранконтроля и таможи между Республикой Ирландия и Северной Ирландией не существует, граница отмечена только дорожными знаками. Пытаясь решить этот вопрос, пусть даже и такими радикальными методами, RAAD обеспечивает себе поддержку населения, которые видят, что полиция в этой сфере бездействует.

Во время Ольстерского конфликта (The Troubles) город Дерри стал центром притяжения радикальных националистов со всей провинции. В разное время в нем находились штаб-квартиры отделений IRA, да и сейчас на многих домах в городе можно увидеть надписи вроде «Ireland shall be free» или просто IRA.

Ввод британских войск в Северную Ирландию, объявление военного положения и необычайно жестокие бои ирландских националистов с полицией в 70–80-х годах обеспечили недоверие населения к британской власти и всем структурам, представляющим ее, на несколько десятилетий вперед.

За период Ольстерского конфликта в Дерри сформировалось настоящее гражданское общество — правда, объединенное против государства. В результате жители города просто отказываются сотрудничать с полицией — представители власти ездят

по городу в бронированных фургонах, которые периодически забрасывают камнями и бутылками даже дети. Так что появление в этом городе новой радикальной группировки после спада активности IRA было вопросом времени.

В ответ на вопрос Vice News, что случилось бы с полицейскими, патрулируя они улицы как в Лондоне: без оружия и прогулочным шагом, — Гарри Доннелли, националист из Дерри, с усмешкой отвечает: «Сомневаюсь, что они остались бы в живых».

Граждане не сообщают о преступлениях — о новых жертвах RAAD полиция узнает только в случае, если жертва считает себя полностью невиновной, или акция была совершена публично — например, в случае поджога или взрыва. В других случаях драдилеры попросту боятся добровольно идти в полицию, ведь это равносильно признанию вины за распространение наркотиков.

Так как националисты отрицают саму суть британской власти над регионом и считают ее институты неэффективными, они формируют свои группировки, чтобы «следить за порядком». В результате появляются подпольные вооруженные организации, к которым жители часто питают больше доверия, чем к полицейским. Полиция, не демонстрирующая вообще никаких результатов в этой сфере, становится посмешищем, а военизированные группировки — достойной заменой и судебной, и исполнительной власти. Непрекращающаяся партизанская война с полицией в Северной Ирландии воспитала целое поколение натренированных боевиков — женщин и мужчин разного возраста, умеющих держать в руках оружие, вести подпольную деятельность, заниматься пропагандой и устрашать противников.

На какие деньги существует организация, неясно. Несмотря на то, что в ходе своих рейдов RAAD часто изымает различные наркотики, она вряд ли живет на доходы с их продажи: судя по сообщениям в СМИ

и заявлениям членов организации, изъятые вещества уничтожаются — чаще всего сжигаются. Достоверно известно, что IRA, выходцами из которой являются некоторые члены RAAD, получала значительную часть своих средств из США под видом финансовой помощи политическим заключенным, которыми были признаны некоторые члены IRA. В США до сих пор существует организация NORAIID (Комитет помощи Северной Ирландии), в которую входят в том числе крупные американские бизнесмены ирландского происхождения. Этот комитет открыто финансирует IRA. Например, Том МакБрайд, бизнесмен и председатель регионального отделения NORAIID в Хартфорде, штат Коннектикут, заявляет: «IRA — не террористы. Они всего лишь защищают ту часть населения, которую нужно защищать».

Почему полиция не может их остановить?

Местные жители воспринимают группировку как «более дружелюбную» альтернативу полиции, несмотря на противоречивые методы: ведь торговец наркотиками, арестованный полицией, попадет в тюрьму, а RAAD сначала всегда предлагает переехать в другую часть страны или просто перестать заниматься распространением. Недоверие к полиции становится главным оружием пропаганды: радикальные группировки поощряют нападение на полицейские машины. Полиция звереет и все чаще превышает полномочия при задержаниях, что очень на руку радикалам, которые преподносят свои услуги как достойную замену силовых структур.

Кроме того, члены RAAD действуют очень осторожно, ведь в их рядах есть боевики, десятилетиями ведущие партизанскую войну против британской власти. Они умеют организовывать террористические атаки и при этом не оставлять улик.

Опытные боевики всегда выходят на свои акции в медицинских перчатках, чтобы не оставлять отпечатки пальцев, и носят одежду только из легкодоступных материалов, чтобы их нельзя было вычислить по обрывку на месте преступления. После очередной акции вся одежда тщательно стирается с хлоркой вручную, чтобы на ней нельзя было обнаружить следы пороха или ДНК крови жертвы. Стиральные машины никогда не используются, чтобы полиция не могла обнаружить следы пороха на их деталях. Лица боевиков распознать невозможно, потому что во время всех акций и на всех видео они закрыты балаклавами и масками, сделанными из подручных материалов.

Такая тактика позволяет членам RAAD оставаться неузнанными в течение очень долгого времени, и даже если их задерживают, то затем отпускают из-за отсутствия прямых улик. Например, за все время деятельности группировки за решетку на несколько месяцев попал всего один ее предполагаемый участник, и были задержаны еще двое. В числе этих людей был и предполагаемый убийца Эндрю Аллена.

Всегда ли они справедливы?

Несмотря на то, что формальная цель RAAD — борьба с наркодельцами, они используют силу явно не только против тех, кто нарушает действующие законы Соединенного Королевства. Так как у добровольных борцов с наркотиками нет обязательств перед какой бы то ни было властью, им не нужны никакие доказательства, чтобы объявить человека своим врагом. Даже если ты не нарушаешь закон, ты можешь попасть под их прицел.

27 января 2010 года человек на мотоцикле подъехал к магазину Red Star в Дерри. Он спросил имя у продавца Рэймонда Койла, а затем выстрелил ему в бедро. Red

Фотография, переданная журналисту Strabane Chronicle Конору Шарки в доказательство убийства драгдилера, 2010 год

Star был одним из магазинов, продававших бонги, курительные трубки и легальные наркотики, в числе которых был мефедрон.

Продажу мефедрона запретили по всему Евросоюзу в конце 2010 года, но когда произошло нападение на Койла, он был еще легальным. Нападение на Койла было первым в числе атак RAAD на продавцов мефедрона — их активность подстегнули смерти двух подростков от передозировки наркотиком. Подобный ответ на подростковую смертность от веществ только увеличил поддержку группировки среди жителей Дерри.

«Неважно, кто вы — военизированная группировка или кто-то другой — вас будут поддерживать, пока вы отстреливаете торговцев наркотиками», — утверждает Имонн МакДермотт, журналист и бывший радикал-националист.

Через месяц после нападения члены RAAD объявили, что их не интересует, легальны ли продаваемые наркотики: «Все понимают, что это наркотики, и здесь мы должны следовать здравому смыслу», — говорилось в их заявлении.

Далее последовало традиционное объявление амнистии для продавцов легальных наркотиков. Как и раньше, продавцам

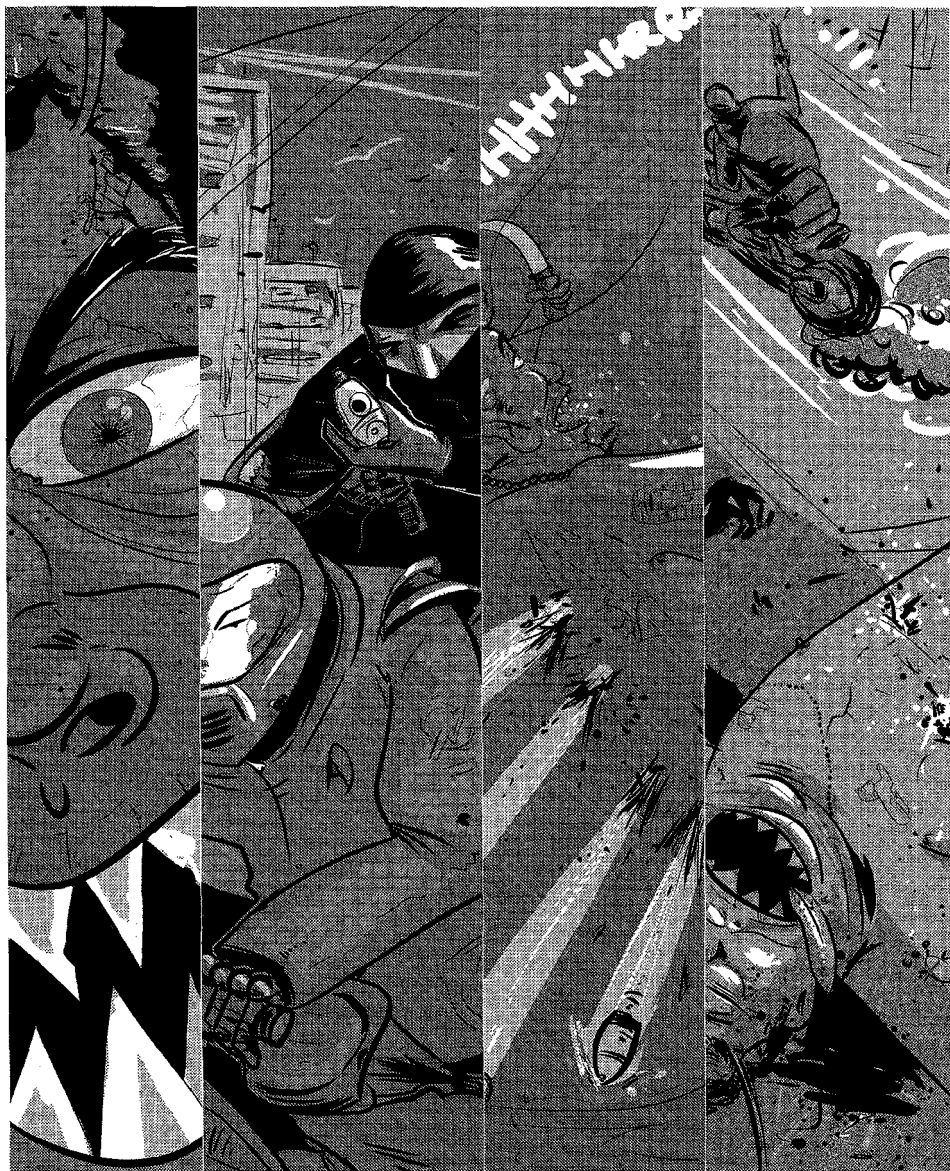
мефедрона предлагалось сдать свою группировку и выйти из бизнеса. По данным RAAD, в рамках этой амнистии помиловали 35 человек, еще троих выдавили за пределы Северной Ирландии.

В разные годы участники RAAD нападали не только на торговцев наркотиками, но и на обычных людей, которые как-либо выражали недовольство их действиями. Например, в 2012 году члены RAAD прострелили ноги двум молодым людям, которые ввязались в драку с ними в пабе. Пулю из ноги одного из них врачам так и не удалось извлечь.

«RAAD не имеет права убивать людей. Мы должны показать, что они не могут заявлять, как делали это раньше, что действуют от лица нашего сообщества. Они никогда нас не представляли. Они линчеватели, которые сейчас стреляют в людей, с которыми что-то не поделили в баре», — возмущается Колм Брайс, председатель оргкомитета марша «RAAD нас не представляют» (RAAD — Not In Our Name). В 2012 году противники RAAD организовали несколько акций, самая крупная из которых собрала около 1500 участников, а сейчас занимаются мониторингом убийств и нападений в регионе. m

что может заставить жителей отдельно взятого района объявить войну наркотикам? Какие потери могут понести стороны конфликта? И насколько далеко может зайти противостояние наркомафии и ее оппонентов, для которых действительно важны политические убеждения?

moloko plus рассказывает о непростой повседневности анархистского района Афин Экзархии.

текст Юлиана Лизера иллюстрация Андрей Ангара

смерть Хабиби

Стоял обычный солнечный июньский афинский день. На главной площади анархистского района Экзархии все было как всегда. Прохожие лениво шатались вдоль разграфиченных стен, посетители кафе поглощали кофе, продавцы сидели в киосках, бездомные — на лавках, уличные коты и собаки — на земле. Удивленные случайные туристы с обгоревшими на солнце лицами озирались по сторонам и не очень понимали, куда забрели.

«Мы были на сквоту недалеко от площади и услышали шум. Тыдыщ, бух-бух-бух, два раза подряд. Два выстрела, а потом четыре, что-то такое. Но okay, звук выстрелов не так сильно отличается от прочих звуков здесь. Позже я проходила там мимо и видела кровь на улице. Рядом стояла очередь из мигрантов, потому что неподалеку раздавали фрукты. Так это и выглядело: кровь на улице и очередь из мигрантов, ждущих еду. И всем плевать. Даже это не такое уж большое событие, и это весьма забавно», — вспоминает Анна, участница сквоттерского феминистского коллектива и жительница Экзархии.

Она говорит о 36-летнем египтянине, известном под кличкой Хабиби (*с арабского переводится как «любимчик» или «душечка» — прим. ред.*). Он получил огнестрельные ранения в шею, грудь и голову от двоих неизвестных с закрытыми лицами. Стреляли 7 июня 2016 года примерно в 11:30 неподалеку от засквотированного анархистами кинотеатра под названием VOX. Спустя час Хабиби умер в больнице.

По информации полицейских, погибший подозревался в торговле наркотиками под покровительством албанской наркомафии.

— Вот здесь он лежал. Только не смотри туда!

На месте убийства нет ничего: ни контура мертвеца, нанесенного мелом, ни даже оградительной полицейской ленты. Крови тоже нет. Посетители кафе, прохожие и туристы находятся на своих местах и ведут себя как ни в чем не бывало.

— Говорят, его застрелили двое с мотоцикла. Наверняка менты! Ведь это не так просто — стрелять с мотоцикла, — говорили одни собеседники *moloko plus*.

— Застрелили с мотоцикла? Ха, да разве это так сложно? Много кто так умеет,

и оружие тоже много у кого есть, — уверяли другие.

Довольно быстро убийство драгдилера обросло целой охапкой смыслов и объяснений: от версии, что это были мафиозные разборки — мол, крупные мафиози решили устранить слишком самостоятельного дилера, который хотел вести бизнес без их контроля (это выглядело вполне правдоподобно в свете похожего эпизода несколько лет назад, когда примерно на том же месте другого драгдилера неизвестные расстреляли из «Калашникова») — до уже упоминавшейся версии про полицию.

«Потом еще появилась версия, что это сделала какая-то группа. Но непонятно какая: то ли они выступали против мафии, то ли за восстановление контроля над площадью Экзархии», — вспоминает Анна.

Революционная борьба с наркотиками

«Мы берем ответственность за казнь мафиозо Хабиби», — текст, начинающийся с этой фразы, появился на сайте афинской Индимиции спустя месяц после казни, 9 июля 2016 года. Традиционное для греческих радикалов длинное подробное заявление было подписано «Вооруженными группами гражданской обороны».

«Параноидальный характер этого специфического персонажа и жестокое насилие, которое он причинял под малейшим предлогом, делали его потенциальным серийным убийцей <...> Агрессия, воровство и поножовщина, входившие в репертуар его ежедневного присутствия на площади Экзархии, дали ему возможность претендовать на роль лидера, против которого (предположительно) никто не выступит. При поддержке шайки каннибалов, окружавшей его, а также и при поддержке мафии и полиции, он действовал как ни в чем не бывало, продавая наркотики и терроризируя округу», — говорится в заявлении.

По мнению «Вооруженных групп гражданской обороны», вконец обнаглевший драгдилер держал в страхе весь район, оставляя после себя «окровавленных и полумертвых людей», и его безнаказанность придавала ему уверенности даже несмотря на то, что он был «параноиком и наркозависимым». Дерзость оказалась в итоге «самоубийственной»: Хабиби совершил большую ошибку, напад на анархистов из VOX, и, согласно принципам народно-революционного правосудия, тем самым заслужил смертную казнь.

«Кто-то должен был принять меры <...> Мы не социологи, но мы принадлежим к классу, который находится в состоянии войны с капиталом, и вступаем в бой, чтобы вернуть себе Экзархию <...> Казнь Хабиби мы ясно дали понять, что фактически выступаем против господства драгдилеров. И что у нас тоже есть средства, чтобы иметь с ними дело, и, если будет необходимо, мы вступим с ними в прямую конфронтацию, которая исторически и политически важна», — объясняют «Вооруженные группы гражданской обороны».

Война против мафии — это антикапиталистическая война и проявление классовой борьбы, считают авторы заявления. Они осуждают полицию за то, что та всегда готова применять насилие против анархистов, но не делает совершенно ничего подобного с драгдилерами, хулиганами и их приспешниками. Поэтому обольщаться не следует: никакой помощи от официальных институтов ждать не приходится, тем более что полицейские явно имеют свою выгоду от присутствия мафиози. Экзархия же превратилась в место массового потребления, что привлекает мафию и приводит к политической и культурной деградации района.

Еще авторы текста призвали молодежь одуматься и не поддерживать мафию экономически: либо прекратить употреблять наркотики, либо покинуть район. В про-

тивном случае, отмечают авторы текста, по отношению к таким людям может быть применено насилие.

«Как революционеры, мы боремся с наркотиками, которые поддерживают социальный паралич, но также являются прямой угрозой для самой живой части общества — молодежи <...> Битва за Экзархию — это битва против капитала и его мафии <...> Против наркокультуры, недисциплинированности, антисоциализма и бессмысленного насилия. <...> Чтобы выжить в городской среде, в которой она развивается, и чтобы доказать, что это реалистический способ социальной организации, «антиавторитарность» должна применить авторитарность по отношению к своим врагам <...> Сделанный нами выбор диалектически связан с мобилизациями против мафии и социального «канныализма» вообще, проходившими в Экзархии в последние месяцы. Положительно оценивая эти мобилизации, мы решили внести свой вклад».

Буквально через пару дней после публикации заявления в Экзархии прошла масштабная антинаркотическая полицейская операция, в ходе нее по разным данным арестовали от двенадцати до четырнадцати человек: албанцев, греков и одного поляка. Десять квартир обыскали, конфисковали оружие, наличные, 17 с половиной килограмм марихуаны, выигрышные лотерейные билеты на сумму 162 тысячи 307 евро и «немного кокаина».

Сложившаяся ситуация даже удостоилась речи министра по делам защиты граждан Никоса Тоскаса в греческом парламенте. Он охарактеризовал операцию как «результат нескольких месяцев планирования и сбора данных» и сообщил, что правительство полно решимости покончить с преступностью в районе, который уже много лет является местом конфликтов между полицией, диллерами и анархистами.

По словам министра, терпеть «военные порядки в Экзархии» власти не намерены.

«Самая ничтожная деталька машины»

Личность Хабиби оказалась противоречивой и чуть ли не легендарной. Египтянин, вооруженный ножом и склонный к насилию, по свидетельствам многих очевидцев, любил создавать конфликты и принимать в них участие. Любимчик, будучи нетрезвым, вел себя действительно ужасно и представлял опасность для окружающих.

«Он не был прямо таким уж мафиози. Он был самой ничтожной деталькой машины, ниже некуда. В мафии он был никем, даже молодые албанцы его ни во что не ставили. Этот чувак был вполне заменим. Но много раз он мог создать серьезные проблемы, — вспоминает Костас, собеседник *moloko plus* из анархистской среды. — Это правда, что он был проблемой, что он был агрессивен. Но, по моему мнению, если у вас есть такая проблема, то этого человека надо избить, а не убить. Но ладно, это просто мое мнение. Он был, конечно, полный говнюк, но убийцей он не был».

Присутствием наркопотребителей Экзархия славилась еще с 80-х годов прошлого века. Героин в Экзархии был и в 80-е, и в 90-е, и в 2000-е. Трава тоже была всегда. Приобрести марихуану или ЛСД можно было без проблем, но с соблюдением определенных правил.

«Надо было знать человека. Если ты знаешь кого-то, то идешь за ним следом, вы отходите в сторонку и ты спрашиваешь: «Есть ЛСД?» — и все. Некоторые места вообще функционировали как магазины. А на площади были джанки. Естественно, если у тебя есть куча джанки, то и торговля там будет. Приходили люди, чтобы дать им стафф. Но в основном на площади были просто джанки», — вспоминает Гиоргос, один из местных жителей.

FIGHT FOR EXARCHEIA OF SOCIAL SELF-ORGANIZATION AND CLASS SOLIDARITY

ΑΓΩΝΑΣ ΓΙΑ ΤΑ ΕΞΑΡΧΕΙΑ ΤΗΣ ΚΟΙΝΩΝΙΚΗΣ ΑΥΤΟΟΡΓΑΝΩΣΗΣ ΚΑΙ ΤΗΣ ΤΑΞΙΚΗΣ ΑΛΛΗΛΕΓΓΥΗΣ

Собеседники moloko plus сходятся во мнении, что, преследуя наркопотребителей по городу и вытесняя их из района в район, полицейские в итоге «довели» их до Экзархии, где фактически позволили остаться.

«Джанки не были большой проблемой. Они не нападали на людей, не совершали

ограблений. Иногда их было на площади очень много, иногда — несколько человек. После событий 2008 года (имеются в виду многодневные беспорядки, охватившие Грецию после убийства полицейским подростка Александра Григоропулоса в центре Экзархии — прим. авт.) все стало серьезнее, потому что в район

DRUG DEALERS OUT OF OUR NEIGHBORHOOD

ΕΞΩ ΟΙ ΝΑΡΚΕΜΠΟΡΟΙ ΑΠΟ ΤΙΣ ΓΕΙΤΟΝΙΕΣ ΜΑΣ

пришло много новых молодых людей, в особенности мигрантов второго поколения, большинство из которых были люмпенами. Они принесли с собой свою культуру, а их культура такая — продажа наркоты и воровство. Такая уличная жизнь, которую ведет албанская беднота», — рассказывает Гиоргос.

Носители новой для района культуры отличались специфическим поведением в общественных местах; даже если кто-то из них и разделял идеи анархии и справедливости, это никак не сказывалось на их любви к уличному насилию. Новые жители района развлекались угрозами в адрес тех, кто им

не нравился, и цеплялись к проходящим мимо девушкам. Хабиби и его окружение, по словам очевидцев, занимались на площади именно этим.

Мелкие дилеры с позволения полиции продавали гашиш, кокаин и таблетки. Постепенно они организовались в вооруженную группу из нескольких десятков человек, ядро которой составили албанцы — мигранты второго поколения. Суммы оборота росли, и в итоге появились дилеры покрупнее и посерьезнее, со всеми вытекающими из этого последствиями.

«В Экзархии не больше насилия, чем в других местах, но раньше было гораздо безопаснее. Начались и ограбления по ночам и попытки изнасилования. Все это для Экзархии было невероятно», — грустно вздыхает Костас.

«Пришли такие персонажи с питбулями, которые проводили на площади собачьи бои, могли напасть на кого-то с ножами. Им могло не понравиться ваше лицо, они могли ударить, толкнуть, а женщины сами по себе имели мало шансов спокойно пересечь площадь. Экзархия превратилась в большой открытый супермаркет наркоты, со всех Афин сюда приходили, чтобы купить и потреблять. Это все росло и росло, и некоторые люди из движения попытались это остановить. Серьезная конфронтация началась с 2014 года, и наш коллектив был на передовой этой борьбы», — рассказывает Танассис, участник коллектива социального центра K*VOX.

Пребывание коллектива на передовой борьбы с наркомафией стоило заскотованному бывшему кинотеатру окон и ставен. Как пишут на греческих активистских ресурсах, в ночь на 3 июня 2014 года примерно в 2.30 неизвестные как минимум пять раз выстрелили в главный вход. Внутри здания в тот момент никого не было.

Стрельбу расценили как попытку драгдилеров запугать местное сообщество.

Несколькими днями ранее в районе прошло собрание заинтересованных в борьбе с мафией коллективов и жителей района, а на 5 июня уже была запланирована демонстрация против наркомафии.

«Мы точно знаем, кто это сделал, потому что их видели другие люди и все нам рассказали. Тот поступок был ошибкой с их стороны, потому что это привлекло в движение еще больше людей. Потом у нас был разговор, они сказали: «Это не мы!» А мы сказали: «Мы знаем, что это вы, но окей, давайте предположим, что это не вы». Мы им сказали, что им надо покинуть район и рассеяться. И им пришлось сбавить обороты», — рассказывает Танассис.

«Они собираются его линчевать»

По узким улицам Экзархии мчится черноткожий юноша. На его лице страх. Он быстро пронесется мимо сидящих на лавках, ступеньках, парапетах людей, нарушая расслабленное течение летнего вечера. Его провожают взглядами, а потом оборачиваются в сторону, откуда он прибежал. За ним гонится небольшая толпа. Молодые люди в черной удобной одежде — самый распространенный тип прохожих в этой местности — выглядят разъяренными и явно настроенными на насилие. Сразу становится понятно, что если парня поймают, то переговоров уже точно не будет. Остановить толпу тоже вряд ли получится, если только кинематографично и неблагоразумно не встать у нее на пути со стулом из кафе наперевес. Однако никто такого поступка не совершает.

Не менее кинематографичная сцена погони заканчивается плохо: пытаюсь спастись, юноша забегает в ближайший бар. Беглец в отчаянии прячется за стойкой, но получает по голове огнетушителем, который схватил один из догнавших его преследователей.

«Они собираются его линчевать», — приходят к выводу невольные зрители и соучастники сцены.

Поднимается крик. По виску упавшего юноши течет кровь, он валяется без сознания, а его преследователи оправдываются: «Он пытался продать девушке наркоту за 20!» Звучат возгласы и вопросы. Приезжает скорая.

«Я их спрашивал, что сделал тот чувак. А они все орали про наркоту за 20. Я спрашивал, какую еще «наркоту за 20», но так и не смог добиться внятного ответа. Доза уличного героина тогда стоила 5 евро, а за 20 обычно берут траву, так что, думаю, далеко не факт, что тот парень продавал героин, как некоторые тогда решили», — вспоминает один из очевидцев.

Это было летом 2011 года.

По словам жителей района, первые нападения на джанки начались еще раньше, примерно в 2009 году. Любителей героина начали бить, чтобы прогнать их с площади. При этом антигероиновые настроения присутствовали еще в 80-е годы, когда это вещество только появилось, но не было попыток очистить от джанки площадь. Идея борьбы с наркопотребителями насильственными методами широкой поддержки среди анархистов и жителей Экзархии не имела. Последние же два-три года на улицах района продают в основном марихуану.

«Три года назад был такой плакат, подписанный «матерями Экзархии». Там говорилось: «Не курите траву, мы не можем выносить этот запах, у нас маленькие дети. Если хотите курить траву, делайте это у себя дома». Позже организовалось нечто типа милиции, но без серьезного насилия: эти люди ходили по району, и если кто-то курил джойнт, они делали замечания и могли сказать нечто типа «вали отсюда», но не то, чтобы били. Это все началось примерно в 2013–2014 году

и в какой-то момент стало по-настоящему жестко», — вспоминает Костас, затягиваясь джойнтом.

«Милиция» состояла в основном из участников различных анархистских групп. Действия «милиции» имели некоторый эффект: некоторые люди перестали приобретать марихуану на улицах района. Примерно тогда же один из бывших героинового наркозависимых отказался встречаться с корреспондентом *moloko plus* на площади Экзархии, мотивировав это тем, что «они знают, что я был джанки, для таких, как я, там сейчас небезопасно».

«Тяжелый рынок — героина — сместился к Политехническому. И даже еще более тяжелые вещи вроде «сисы» продаются в других местах. Так что по логике сегодняшняя война с наркотиками относится именно к марихуане», — Гиоргос чертит жестами карту центра города.

Тяжелый рынок «сисы», судя по всему, серьезного беспокойства с чьей-либо стороны не вызывает. Ставший популярным на волне кризиса в Греции так называемый «кокаин для бедных», крайне разрушительный для организма — что отмечают даже бывшие потребители героина — и невероятно дешевый, представляет из себя нечто вроде аналога кристаллического метамфетамина, смешанного со всякой дрянью типа аккумуляторной кислоты или шампуня. Его любители собираются каждую ночь у здания заброшенного кафе на краю парка Педион Ареос, или Марсова поля.

Раньше они круглосуточно сидели на постаменте памятника королю Константину I, но после Рождества власти установили там ограду, и теперь специальные служащие с надписью *public security* на жилетках закрывают калитку после 23:00.

Вооруженные стеклянными трубочками и горелками с синим пламенем наркопотребители нехотя спускаются с постамента, выходят из парка и рассаживаются по

Передозировка на улицах Афин

ступенькам; синие мерцающие огоньки выглядят довольно сказочно. Обладатели огоньков ходят медленно и покачиваясь, в лучшем случае напоминая очень потасканных оставивших сцену рок-звезд, в худшем — просто бездомных. Некоторые действительно ночуют прямо на этих ступеньках, упорно принося туда матрасы, спальники и палатку. Наутро все это часто оказывается в мусорном контейнере напротив.

«Средства, чтобы защитить себя»

В начале весны 2016 года по Экзархии прошла невиданная демонстрация. Главной ее особенностью были несколько десятков вооруженных пистолетами и пистолетами-пулеметами активистов. Подняв оружие, в красном свете фэйеров они прошествовали по району и площади. Антинаркотическое антимафиозное движение Экзархии приобрело свой окончательный облик.

Шествие было ответом на случайный конфликт между анархистами и драгдилерами с участием Хабиби, который произошел несколькими днями ранее. Трое анархистов из К*VOX пили пиво на площади, когда сидевшая по соседству компания решила в сексистско-оскорбительной манере обратиться к проходившей мимо девушке. Девушка ответила агрессивно, компания направилась в ее сторону, анархисты решили вмешаться. Завязалась драка.

Как рассказывает Танассис, одного из его товарищей Хабиби ранил ножом в голову, лезвие прошло по касательной. Второй успел отскочить от ножа, а на третьего набросились порядка десяти человек и жестоко избили. Врачи диагностировали у него три внутренних кровотечения, неделю он находился в критическом состоянии.

«Два человека, которые были ранены, — они оба албанцы. И нападавшие на них это знали, как и то, что они с анархистами, а не с албанской мафией. К ним относились как к предателям, и напали на них еще и поэтому, и избивали действительно жестоко и с ненавистью. Мафиози вообще нехорошие люди, а многие из них еще и националисты, с татуировками вроде УÇК (*алб. Ushtria Çlirimtare e Kosovës — Армия освобождения Косова — прим. авт.*). На следующий день около 200 товарищей пришли на площадь, она была «эвакуирована». И потом началась борьба», — вспоминает Танассис.

В вооруженном шествии принимали участие всего около 1500 активистов, и это было серьезное заявление. Шествие показали в теленовостях, проблема стала достоянием широкой общественности, и общественность закономерно задалась вопросом: что за херня происходит в этой Экзархии?

Прятать проблему дальше было невозможно.

«Даже моя мама это видела по телевизору. А спустя несколько месяцев кто-то казнил чувака, который напал на наших товарищей. И за это взяли ответственность. Мы не знаем, кто это был. Насколько мне известно, они — часть движения», — таинственно улыбается Танассис, выпуская пар от электронной сигареты.

«Люди из VOX, «Рувиконас» (*Рувиконас — Рувикон — прим. авт.*) — это более жесткие люди. Они представляют такую демонстративную мачо-сторону анархо-коммунизма. Это люди с оружием, которые везде ходят,

которые пытаются сдерживать разные стороны на демонстрациях — в общем, такой у них образ мышления», — осуждающе кривит лицом Костас.

Поговаривают, что якобы была попытка уладить конфликт между драгдилерами и анархистами относительно мирно, но она полностью провалилась. Связанные с мафией и наркотиками люди сказали анархистам, что могут привести Хабиби к ним и избить его у них на глазах, если им этого хочется, но анархисты от подобного предложения отказались. Впрочем, собеседник *moloko plus* из коллектива K*VOX факт подобных переговоров отрицает.

«Это была катастрофа, которая просто ждала своего часа. Потому что если вы дадите молодым парням оружие, деньги, кокаин и алкоголь, это не лучшая комбинация. Они были созданы для того, чтобы творить херню. А Хабиби, видимо, не воспринимал движение всерьез, не чувствовал угрозы. И это было его ошибкой», — убежден Танассис.

«Помню, в мае они (*антинаркотическое антимафиозное движение — прим. авт.*) собрались в Политехническом университете перед одним из шествий. Один из них взобрался на лестницу и сказал: «У нас есть средства, чтобы защитить себя!» Окей, у вас есть стволы. Потом он сказал небольшую речь о том, что надо бороться с мафией. А потом все пошли, очень-очень тихо, как армия, как военные какие-то. Это выглядело довольно жутко», — вспоминает Анна.

О пользе классовой борьбы

«Мы пытаемся здесь показать, что серьезное политическое движение должно делать все. У нашего движения есть люди, которые строят детскую площадку, есть социальный центр, библиотека, медицинская структура. Но есть и люди, которые убивают чувака, нападавшего с ножом на других людей просто потому, что ему это нравилось.

И я очень рад, потому что я знаю, что могу быть здесь один, и никто даже не подумает прийти сюда и напасть на меня. Поскольку если они это сделают, то другие люди их найдут и казнят. Я не знаю, кто они, никто не знает, но мы знаем, что они существуют. Они это доказали. И это хорошо», — радуется Танассис из K*VOX.

Чистая площадь района пригодились бы не только матерям и детям, но и владельцам кафе и магазинов, потому что чем меньше разных сомнительных вещей происходит вокруг, тем лучше для их бизнеса — рассуждают не вовлеченные в войну с наркотиками местные жители и активисты. Кроме того, истинные причины происходящего могут крыться и в переделе сфер влияния между различными группами, причем как вполне мафиозными, так и анархистскими, вовлеченными в так называемую «защиту» баров и магазинов, когда за отсутствие проблем с владельцем ежемесячно взимается определенная сумма, в нашем случае — несколько сотен евро.

Количество кафе и торговых точек в районе позволяет сосуществовать даже нескольким подобным группам, и если одна из них по какой-то причине исчезает, то оставшиеся вполне логично хотят занять образовавшуюся пустоту.

«Забавно, что такие вещи всегда начинаются с женской темы, а потом... Есть идея, что это мафия против мафии. Мы знаем, что все курят траву, так что это не про нее, а про власть и силу касательно площади. Ты просто создаешь новую мафию. Повестка выбивания мафии из-за продажи травы — это просто оправдание», — рассуждает Анна.

С тех пор, как война с наркотиками вошла в активную и в том числе насильственную фазу, когда-то всеобщее собрание района разделилось на два. Одно теперь проводится для обычных жителей, другое — для более политически активных, и у всех своя повестка.

«Жители требуют, чтобы было поменьше насилия, поменьше наркотиков, потому что они такие мелкие буржуа. Что, в общем, можно понять: они хотят лучшие условия жизни. А более политические люди из VOX, «Рувиконас» и все такое прочее, хотят контролировать местность. Может быть, они хорошие люди, но у тебя должен быть вполне определенный склад ума, чтобы пойти в организацию, где первое, что ты видишь — это такие мачо-демонстранты», — рассуждает Гиоргос.

Анархист Костас с ним солидарен, оценивая действия антинаркотического движения как демонстрацию силы с целью придать группе политический вес.

«В описании их политической партии будет сказано, что именно они — те самые люди, которые пошли и очистили площадь, когда все стояли и ничего не делали. Последние четыре-пять лет все так. Старушек через дороги они, например, не переводят, а вот такими вещами занимаются», — мрачно говорит активист.

Танассис из K*VOX признает, что лично для него главная проблема заключается не в продаже марихуаны, а в том, что драгдилеры пытались доминировать над всем районом. Не отрицает он и политических амбиций движения, хотя ни о каких партиях не говорит. Корень же зла, по мнению активиста, — это капитализм, и мы сейчас находимся в ситуации классовой войны.

«Капитализм хочет, чтобы люди из рабочего класса боролись с людьми из рабочего класса, а не с ним. И нападавшие на наших товарищей, и наши товарищи — албанцы второго поколения, они не богачи, это люди из одного с нами класса. Мы это зовем «антисоциальный канибализм» — когда ты борешься против более слабого, а не против того, кто над тобой. Если это изменится, если все бедняки объединятся и займутся классовой борьбой, то у правительства и капиталистов начнутся серьезные проблемы», — с го-

рящими глазами описывает Танассис пути решения имеющихся проблем.

Как бы то ни было, жизнь района идет своим чередом. Пока на углу площади анархисты строят детскую площадку, албанских драгдилеров сменяют афганские, иранские и марокканские, и, возможно, скоро все проблемы опять повторятся.

Стоял обычный весенний афинский вечер. На главной площади анархистского района Афин Экзархии все тоже было как обычно. Мимо проносились мотоциклисты, таксисты и голуби. Посетители баров поглощали алкогольные напитки, продавцы сидели в киосках, бездомные — на лавках. Вдоль разграфиченных стен шатались удивленные случайные туристы и всякого рода сброд всех возможных возрастов и социальных статусов прямиком со дна общества.

Внезапно на проезжей части появляется группа молодых людей в черных худи и мотошлемах. Кажется, что они высматривают на другом конце улицы полицию, чтобы что-нибудь в нее швырнуть. Поскольку дело происходит на одном из традиционных для подобных занятий мест — пути в сторону Политехнического университета — сомнений в намерениях молодых людей почти не остается.

Неожиданно группа в черном и мотошлемах разворачивается и уходит в противоположную от университета сторону, вглубь района. На их пути остаются десятки, если не сотни, листовок. На греческом и английском языках на листовках написано: «Драгдилеры, вон из нашего района» и «Борьба за Экзархию социальной самоорганизации и классовой солидарности», что бы это ни значило.

«Все хорошо!» — говорит пожилая хозяйка кафе на углу площади и на всякий случай закрывает стеклянную дверь на ключ. m

уильям Барроуз (или Берроуз) — один из важнейших представителей бит-поколения и один из самых известных контркультурных писателей. Его культовый, во многом автобиографичный роман «Джанки», подробно описывающий быт американских героиновых наркоманов, впервые издали в России только в декабре 1997 года, спустя несколько месяцев после смерти автора. Несмотря на то, что Барроуз так и не бросил опиаты, он прожил до 83 лет и доказал, что наркоманы далеко не всегда погибают молодыми.

moloko plus публикует дневниковые записи писателя, сделанные в последний год жизни.

перевод с английского Максим Немцов

последние слова

3 мая 1997 года, суббота

Прибыла икра. Вот так, сынок, когда человек подсаживается на белужью икру, он на все готов, чтобы только удовлетворить свой икраной голод, что сжирает его хлебную корзинку. Он будет врать, жульничать, он даже пойдет на убийство, чтобы захватить побольше. Он даже дойдет до той стадии, когда ничего человеческого в нем не останется. Лишь пустой сосуд для злобной русской троянской бляди, что разместила в нем свой смертоносный груз.

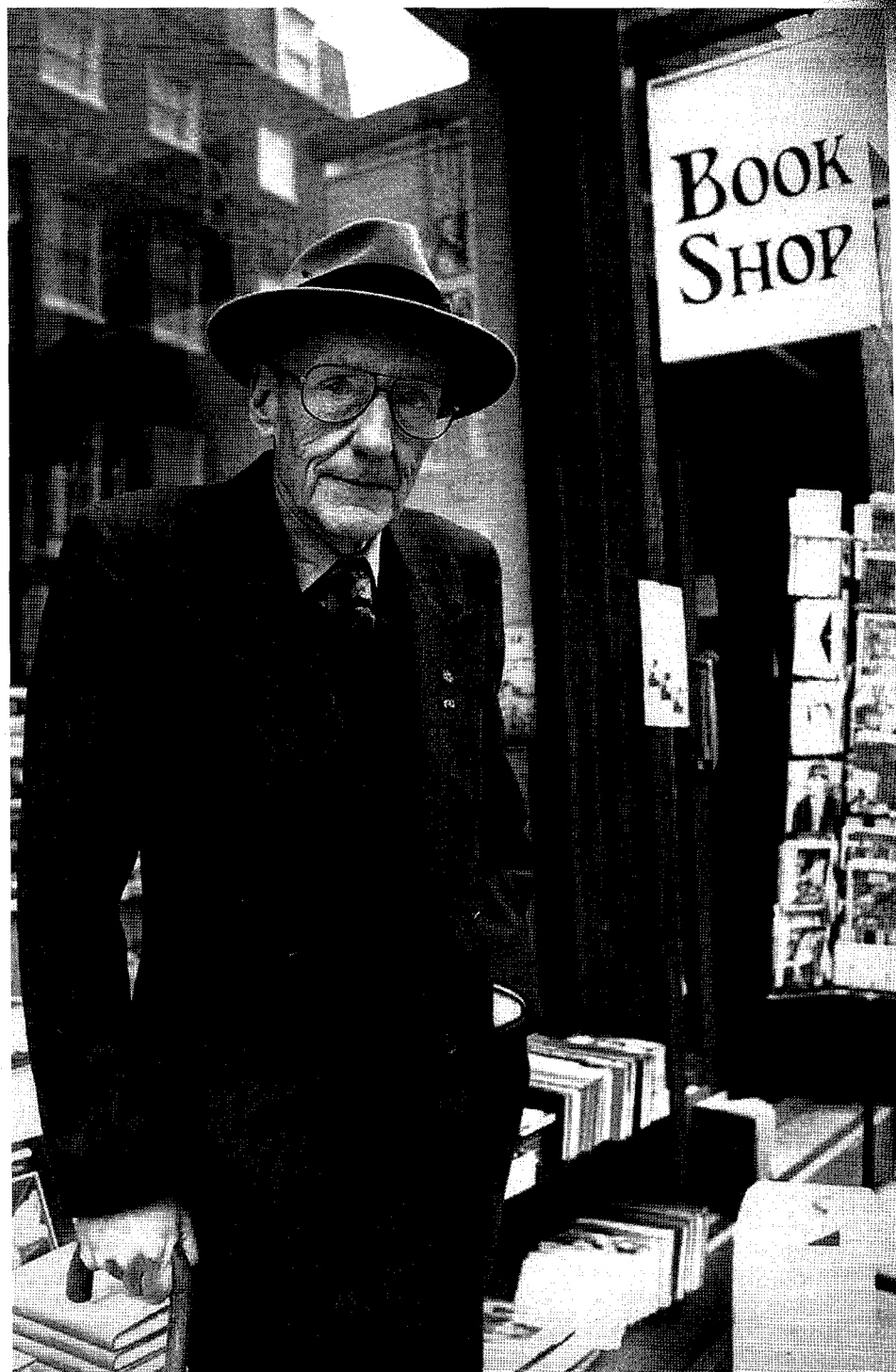
Могу себе вообразить, как кто-нибудь доводит себя до полного банкротства, покупая самую лучшую белугу по двадцать восемь долларов за унцию. Возвращается он однажды домой, а его пятнадцатилетняя дочь с компашкой приятелей жрут его белужий запас и запивают молочными коктейлями.

«Валяй, потусуйся с нами, папаша». Протягивает ему пустую банку. «Слишком поздно». Он бы их всех прикончил на месте, если б сам не рухнул замертво от отсутствия Своевременной Дозы Икры.

5 мая, понедельник

Аллен (*Гинзберг, поэт-битник, близкий друг Барроуза — прим. ред.*) умер 5 апреля 1997 года.

Нехорошо ли
Плясать и петь,
Когда колокол смерти

Будет звенеть?
С каблучка да на носок —
Покажи другой бочок.

Если случится так, что я умру, думайте обо мне только так. Что есть некий уголок чужого поля, и он остается навсегда: Танжер; Мексико, пеленгация; Сент-Луис, Миссури; Париж; Лондон; Нью-Йорк; Авеню Сэндфорд, 202, Палм-Бич, Флорида; Лоренс, Канзас, — и малая толика Афин, Албании, Дубровника и Венеции.

Чего тогда дергаться? Папа Уильям, голова твоя вся поседела. Так зачем ты тогда вверх ногами стоишь?

12 мая, понедельник

Помню, во сне я был молод, вся жизнь впереди в 1890 году, маленький городок, полно славного народу. Славного невежественного народу. Я никуда не спешил. В джинсах позвякивали серебряные доллары. В то время, когда на доллар можно было купить себе целое пиршество, со свежей рыбой, рябчиком, олениной, настоящим бифштексом (а не из особей, занесенных в Красную Книгу или вообще вымерших).

Запить все лучшим коллекционным французским, о да, и, конечно же, лучшая белужья икра для разогрева с холодной как лед водкой. Или можно было купить себе славный кусочек попки. Любого размера, национальности или цвета.

Так где же мы облажались по дороге? Нет, мне кажется лажа там всегда была.

«Безопасность — дружелюбная маска перемен. Мы улыбаемся ей, не ведая, что улыбается нам в ответ за ней» (Эдвин Арлингтон Робинсон) *(Робинсон — американский поэт и писатель — прим. ред.)*.

Мне зябко, и я чувствую, что состарился. Чувствую себя Тирезием, уже две недели как покойником, и волны шепотом щупают его кости — старые, старые слова. Так много ужасных сцен с... забудь их, деактивируй, пусть валят отсюда, они теперь остались лишь у тебя в памяти, удали их оттуда. На это у тебя есть силы.

24 мая, суббота

В среду — великий день, когда в Канзас-Сити играет группа «Ты Тоже» *(U2 — прим. ред.)*. Обожаю эти публичные проявления — как инъекция искренней, взаимной доброй воли.

Вернусь туда, где
пули орут, и
не слезу с коровы
пока не помру.

Тут я начинаю хохотать. Если попытаться придумать какое-нибудь по-настоящему новое прочтение, станет понятно, кто я и зачем я здесь. Я должен это сделать.

Поэтому мы начинаем со здоровенной уродливой американской лжи. Аллен Гинзберг, если верить Джорджу Уиллу, сделал себе карьеру на дисфункциях Американского Общества. Аллен прогрыз в этой Лжи дырку; это его Вой разнесся по всему миру, от Мексико до Пекина, Вой искаженной, полузадушенной юности. Влияние Аллена на весь мир — беспрецедентно. Он с мужеством своей тотальной искренности очаровывал и обезоруживал дикарей из студенческих землячеств.

25 мая, воскресенье

Все правительства построены на лжи. Все организации построены на лжи. Ложь может быть безвредной, как ложь о чудо-лекарстве метадоне, призванном снимать героиновую зависимость. (Еще бы, вроде того, как джин снимает пристрастие к виски.) Средство это возникло из тумана лжи, которую разъяснил мне один из первых врачей, применявших метадон. «Если бы мы взяли слово «морфий», — сказал он, — «официального одобрения» мы бы никогда не получили». Метадон — первый в полной мере успешный синтез молекулы морфия, но в три раза сильнее морфия по весу. Уж это я знаю. В Танжере я два года сидел на инъекцируемом — бисептоне или как там его в то время называли — метадоне, который на самом деле был простым мусором.

Но это был единственный способ основать метадоновые клиники.

Кто эти анти-наркотиковые придурки? Откуда они возникают, ради всего святого?

«Марихуана сокращает краткосрочную память, мешает координации движений, приводит к раку легких. (И от нее гниют мозги и моральные ценности.)». Факт: каннабис — одно из лучших средств против тошноты, увеличивает аппетит и улучшает общее состояние. К тому же стимулирует центры зрения в мозгу. У меня от каннабиса появлялось столько отличных образов. В дни юности я ничем больше и не пользовался — и «какие достижения!» (И: «Какое совокупление!», — как воскликнул один почитатель из французских критиков.) Несколько раз соснешь зеленую титьку — и видно множество выходов в запределье. Так почему такой кипеж из-за этого безвредного и благодатного вещества?

Кто вы, кому истина опасна? Что есть истина? Нечто немедленно видимое как истина. (Она может возникнуть только раз; повторяться она не может.) Мы сами делаем истину. Никто больше ее не делает. Нет такой истины, которую мы сами бы не сделали. Пробеите дыру в Большой Лжи. Пробеите дыру за меня. Пробеите дыру за «волшебные створки, открывшиеся в пене грозных морей в давно забытых землях фей» (Китс) (*Джон Китс — поэт, представитель английского романтизма — прим.ред.*).

Аллен пробивал дыры в Большой Лжи не только своей поэзией, но и своим присутствием, своей самоочевидной духовной истиной. Последние слова: «Врачи сказали, от двух по пяти месяцев, — сказал Аллен, — но я думаю, намного меньше».

А после обратился ко мне: «Я думал, что буду в ужасе, а я — воодушевлен!» Его последние слова мне. Я припоминаю, как разговаривал с ним по телефону

до того, как ему поставили смертельный диагноз, и он звучал в его голосе — далекий, слабый.

Я уже тогда знал.

Лири — еще один. Я разговаривал с Тимом в ночь его смерти. Он сказал: «Почему нет?»

26 мая, понедельник

Поиск окончательного ответа — Святого Грааля, Философского Камня.

Растворяющийся мираж. Как бы то ни было, кому нужен окончательный ответ? Я спросил у японского физика: «Вы в самом деле хотите знать секрет вселенной?» Он ответил: «Да». Я подумал, что одной крохотной доли этого секрета хватит, чтоб на стенку полезть. А я — я хочу знать только то, что мне нужно знать, чтобы делать то, что нужно. «Да я просто сержант-техник тут».

Хочу ли я знать? Я пробовал психоанализ, йогу, метод поз Александра, проводил семинар с Робертом Монро, путешествовал прочь из собственного тела, тренировал сверхчувственное восприятие в Лондоне, сайентология, парилки, церемонию Ювипи.

Искал ответ? Зачем? Хотите ли вы знать секрет? Черт возьми, нет. Всё — в несделанном до сих пор.

Где кавалерия, космический корабль, взвод спасателей? Нас бросили на этой планете, которой управляют лживые ублюдки с более чем скромной мощностью мозга.

Никакого смысла. Ни грана хороших намерений. Лживые бесполезные ублюдки.

30 мая, пятница *(Барроуз писал слово Friday с «китайским акцентом»: Fliday — прим. ред.)*

Обзор жизни — не упорядоченный отчет с зачатия до смерти. Скорее — фрагменты оттуда и отсюда. Телефонный звонок. Записка, мои очки наготове. «На кодеине вам может быть довольно удобно». Замечание: «Он похож на овчарку, убивающую овец».

Сказано про меня Поллетом Элвинзом, отцом Келла, который впоследствии совсем спятил от пареза.

31 мая, суббота

Эта злобная саламандра, Гингрич, крикун Палаты, брызжет слюной насчет свободной от наркотиков Америки к 2001 году. Какая унылая перспектива!

Разумеется, сюда не входят алкоголь и табак, потребление которых подскочит. Как же можно достичь этого свободного от наркотиков состояния? Просто. Хирургически можно удалить рецепторы наркотиков из мозга. Те, кто откажется от операции, лишатся всех прав. Домохозяева будут отказывать им в жилье, рестораны и бары не станут их обслуживать. Ни паспортов, ни льгот социального обеспечения, ни медицинских страховок, ни права покупать и владеть огнестрельным оружием.

Как ненавижу я тех, кто предан производству конформности. Во имя чего?

Представьте себе выжженную банальность свободной от наркотиков Америки. Никаких торчков — одни чистенькие пристойные американцы от моря до блистающего моря.

Вся зона несогласия выкорчевана, будто нарыв. Никаких трущоб. Никаких таинственных подпольных операций. Ничего. Там, на улицах безжалостного полдня.

Никаких букв.

Насколько хороша будет тотальная конформность? Что останется от отдельности индивида? От личности? От нас с вами?

4 июня, среда

«J'aime ces types vicieux, qu'ici montrent la bite». Мне нравятся те яростные типы, что кажут тут свой хуй. Аноним, на стене писсуара в Париже.

«Нехорошо ли плясать и петь, когда колокол смерти будет звенеть? С клубка да на носок — покажи другой бочок». Да, я люблю жизнь во всем ее разнообразии, но колокол, наконец, звонит к вечерней поре.

6 июля, пятница

Я задаюсь вопросом о будущем романа или вообще любого письма. Куда он пойдет?

После Конрада, Рембо, Жене, Бекетта, Сен-Жона Перса, Кафки, Джеймса Джойса и — эти двое в особой категории тех, кто делает очень хорошо одну вещь, — Пола Боулза и Джейн Боулз. В Поле присутствовала какая-то зловещая тьма, как в недопроявленной пленке. А Джейн? Как ее персонажи движутся и что их мотивирует?

Это слишком особо, чтоб сформулировать. Что остается сказать?

О, я забыл про Грэма Грина. «Сила и слава». Может, там и было просто — на просто слишком много «сока», как это называл бывало Хемингуэй, но все же недостаточно, чтоб его приняли к Джойсу и остальным немногим избранным. Чуть-чуть не хватает, Папаша. Он прикончил себя от тщеславия и самораздутьности — а потом шарик лопнул. Он знал, что ему конец. «Оно просто больше не приходит». Его просто больше там не было.

Возвращаясь к письму — «revenons a ces moutons» (фр. «вернемся к нашим баранам» — прим. ред.). Быть может, на каком-то подспудном уровне истины сказать просто нечего. Конрад много об этом говорил в романах «Под западным взглядом» и «Лорд Джим», а Жене сказал на испанском побережье. Я могу ощутить его голод, когда он бредет мимо доков, где какой-нибудь рыбак может швырнуть ему рыбку, которую он затем зажарит на костерке и съест без соли. Зачем продолжать? «Трамвай широко развернулся и встал; здесь заканчивалась линия». Пол Боулз в конце «Покрова небес». Неба.

Небо. Не могу даже написать слово небо. Наверное, я ощущаю — к чему продолжать?

1 августа, пятница

Любовь? Что это? Самое естественное обезболивающее. То, что есть. ЛЮБОВЬ. m

«последние Танки В Париже» или ПТВП — группа из Выборга, которая играет местами агрессивную, местами лиричную музыку. Стиль можно охарактеризовать как панк и постпанк. Герои песен ПТВП — жители бедных рабочих кварталов, барыги, проститутки и менты, а также героин, амфетамин и гашиш, которые вдыхают и пускают по вене жители этих грязных спальных районов в ожидании революции. «Любовь — это ненависть!» — настаивает в одной из песен вокалист ПТВП Леха Никонов. «Пулю буржую, веревку ментам», — говорит он во второй.

Чтобы узнать, есть ли у героини песни «С полчком» реальный прототип, по просьбе *moloko plus* с Лехой пообщался участник группы «Макулатура». А наш главред поговорил с жителем московского гетто, для которого различные наркотики были привычным способом наполнить серые будни.

автор песни «с полчком» рассказывает о своей знакомой, которая гуляла с полчком в кармане

беседовали Константин Сперанский, Павел Никулин
фотографии Иван Клейменов

Леха Никонов, вокалист группы «Последние танки в Париже»:

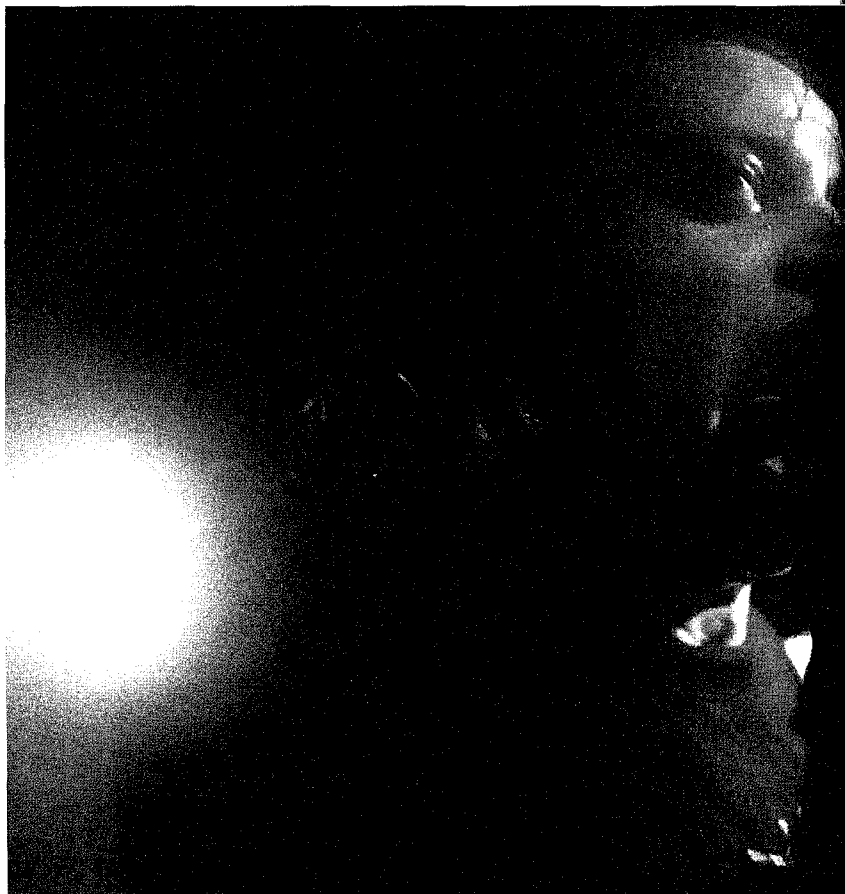
В Выборге была у меня знакомая девчонка. Город маленький, и я наблюдал ее биографию наглядно. Девушка была инопланетная, вызывающая по меркам провинции: с синими волосами и в юбке до ушей, но молодая и красивая, влюбленная в Сартра и Sonic Youth. Через пару лет после нашего знакомства она стояла на углу возле вокзала и делала минет финским туристам за несколько долларов. Это было время героинового террора, самый конец 90-х. Тогда с ней был дружен наш первый гитарист, да и я не прекращал общения. Мне нравились ее образ мыслей и нигилизм.

В итоге ее приняли за наркоту, и она присела. Написала мне из тюрьмы очень смешное письмо с рассказами о своей нереальной любви к какой-то тамошней звезде. Где-то в начале 2000-х, наблюдая вот эту ее эволюцию, я и придумал текст. А потом дома с гитарой под блатные и досочинил. Через полгода девушка вышла и продолжила свой нереальный трип.

Самое ужасное, что по сути я предсказал ее финал. Спиря (это было ее погонялово) умерла от передоза через несколько месяцев после нашего гитариста. С тех пор я разлюбил экзистенциалистов и «хмурых». Такая вот история.

**Марк, житель одного из московских спальных районов,
бывший наркопотребитель и уличный дилер:**

Впервые о существовании героина я узнал довольно рано, мне было лет 11 или 12. Я прочел о нем в какой-то книге для подростков. Там говорилось, что это зло и что он вызывает страшную зависимость. Типа: «Дети, никогда не пробуйте героин». Еще там рассказывалось о том, что это все берут на улице, что там есть какие-то персонажи, которые думают о том, как тебя подсадить

Выступление группы ПТВП в клубе PV, Екатеринбург, 2010 год

на наркотики и заставить спустить на них всю свою и родительскую ответственность.

Лет в 16 я впервые случайно попробовал. Это было в 2001 году, на рейве в каком-то клубе. В то время мы с друзьями часто приезжали на рейвы и искали людей, которые нам могут что-то предложить. Надо было ошиваться с заинтересованным видом и искать такого же чувака с заинтересованным видом. За годы практики ты практически сразу таких находишь.

Героин нам в итоге предложил какой-то рандомный чувак, продал его под видом «экстази». Таблетки выглядели непривычно — другая плотность, цвет, размер. Но мы все равно закинулись, и через час стало очевидно, что это не то, чего мы хотели.

Я блевал часов шесть и пытался бороться с пустотой в башке. Когда меня отпустило, я сопоставил эффекты с описанием и навел справки у тех, кто тоже

был на той вечеринке. Не осталось сомнений, что это были таблетки с героином. Видимо, на нас барыги ставили эксперимент.

Зависимости не возникло, а то, что происходило со мной, мне категорически не понравилось. Но из любопытства я решил попробовать через пару лет снова. У меня был друг — бывший героиновый наркоман, который решил вспомнить молодость и предложил с ним вместе поехать к дилеру. В этот раз я пустил героин по вене. Все было «по-взрослому». Снова блевал. Снова боролся с пустотой в голове.

Благодаря этим опытам я понял, почему люди его употребляют. Героиновая зависимость чем-то похожа на алкогольную — люди выключают мозг. Мои вещества — это стимуляторы и психоделики. Амфетамином, гашишом и травой я даже торговал, героином — нет. Продавать такое я бы никогда никому не стал. А тот друг, с которым мы ездили «ставиться», несколько лет назад умер от передозировки метадоном. m

moloko plus подготовил для вас «Книжную полку наркомана» – пять книг о разных видах наркотиков. Из них вы узнаете о влиянии ЛСД на культуру, о жизни «винтовых» в Москве в 90-е годы и о том, какие бездны ада открывает употребление кокаина, откуда появилась культура рейвов и как торчали на героине подростки в Германии. Еще в рубрике вы найдете два отрывка из книг, которые рассказывают об угрозе потерять все права и свободы под предлогом войны с наркотиками и о причинах ничтожных доходов торговцев крэком в Чикаго.

редактор рубрики Михаил Шубин

авторы рубрики Михаил Шубин, Евгения Официрова фотография Вадим Брайдов

книжная полка наркомана

«Роман с кокаином»

М. Агеев

Захаров, 2013

Кокаин известен как наркотик богатых благодаря своей высокой цене и практически культовому статусу у так называемых представителей элит. Его нюхают депутаты, актеры, музыканты и звезды телевидения. Эйфория, подъем душевных сил, общительность и сексуальное возбуждение – эффекты, из-за которых его так любят. В Европе кокаин появился сначала как лекарственное средство от астмы и несварения, затем использовался Фрейдом для лечения импотенции и депрессии, но впоследствии был вытеснен другими препаратами, а потом и вовсе запрещен.

В начале XX века купить кокаин в России не составляло большого труда – как и во многих других странах, он продавался в аптеках. Ситуацию усугубил «сухой закон», принятый еще царским правительством и отмененный лишь в 1925 году. «Пускать по ноздре» стала вся страна: моряки, рабочие, безпризорники, студенты и проститутки.

«Роман с кокаином» рассказывает нам историю Вадима Масленникова – молодого человека из дореволюционной Москвы. Книга похожа на исповедь, которая повествует о непростом взрослении гимназиста и затем студента: случайные сексуальные связи, самопознание и диссонанс духовного и чувственного начал. Желание любить весь мир, но невозможность перебороть себя. Культ гедонизма и внутренняя пустота. Со временем Вадим увлекается кокаином. Он наблюдает самого себя и других под действием кокаина и тщательно записывает свои ощущения и мысли. Одним из главных вопросов, с которыми пришлось столкнуться герою из-за кокаина, стал абсурд двойственной природы человеческой души.

Дорогой мой! Память
так не легко в ком
Будто весь мир —
всего лишь автоза
ведь твои чувства
утраченная на

Wir Kinder vom Bahnhof Zoo

Christiane Felscherinow
Stern, 1979

«Я, мои друзья и героин» («Мы дети вокзала Цоо»)

Кристиана
Фельшеринов
Олеариус, 2001

Западный Берлин 70-х годов. Семья Кристианы переезжает в одну из высоток неблагополучного района. Мать не обращает на девочку особого внимания, отец-неудачник постоянно колотит обеих. Через какое-то время родители разводятся. Кристиана, чтобы вписаться в компанию, начинает курить гашиш, юзать ЛСД, валиум и другие вещества. В тринадцать Кристиана подсаживается на героин.

Для того, чтобы заработать на чек героина за 40 марок, подростки в то время занимались проституцией на одном из главных транспортных узлов Западного Берлина — вокзале «Зоологический сад» (Zoologischer Garten или Zoo — прим. ред.). Минеты, мастурбация и секс — будни детской проституции ничем не отличаются от взрослой. После школы Кристиана ездит на вокзал с бутербродами и шприцами для друзей. Мама Кристианы ничего не замечает.

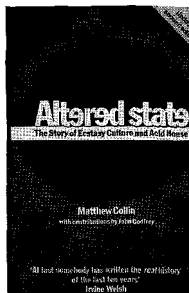
Однажды Кристианой заинтересовались двое журналистов — Кай Герман и Хорст Рик. Они заметили ее на процессе над мужчиной, который платил подросткам за секс героином. Девушка проходила свидетельницей, ей было пятнадцать. Несколько месяцев журналисты разговаривали с Кристианой, результатом интервью стала эта книга.

Altered State: The Story of Ecstasy Culture and Acid House

Matthew Collin, John Godfrey
Serpent's Tail, 1997

«Измененное состояние. История экстази и рейв-культуры»

Мэттью Коллин,
Джон Годфри
Ультра. Культура, 2004

«Измененное состояние» — это историко-культурологическое исследование британского журналиста Мэттью Коллина, автора The Guardian, The Observer, The Wall Street Journal, Mixmag, The Wire и других изданий. Также он написал нескольких книг: Pop Grenade о музыке как оружии протеста; This is Serbia Calling о группе сербов, ведущих партизанское радио; The Time of the Rebels о молодежных восстаниях в Грузии, Украине и той же Сербии.

Слово «экстази», обозначающее таблетки с MDMA и разными примесями, появилось в 1981 году. В Великобритании 80-х рейвы, как и политические демонстрации, подвергались давлению со стороны властей. Паника, вызванная беспочвенными заявлениями о сильной нейротоксичности MDMA и несколькими смертями от гипонатриемии (снижение концентрации ионов натрия в крови, может быть вызвано чрезмерным потреблением воды — прим. ред.) и перегрева, привела к появлению специального подразделения полиции для борьбы с подпольными вечеринками и закона, сделавшего рейвы уголовно наказуемыми. Пытаясь ответить на вопрос, почему у британской молодежи возникла потребность в запрещенных рейвах, Коллин рассматривает в своей книге возможные политические и философские причины этого. Любителям техно читать обязательно.

«Низший пилотаж»

Баян Шириянов

Ad Marginem, 2001

Роман о жизни московских наркоманов, сидящих на «винте» (кустарно изготовленном стимуляторе на основе эфедриносо-державших препаратов), почти случайно появился в интернете в 1997 году и быстро стал популярным. После выхода книги Госнаркоконтроль объявил ее «пропагандой употребления наркотиков». Этого хватило, чтобы роман больше не появлялся в библиотеках и магазинах.

У «Низшего пилотажа» есть два продолжения — «Срединный пилотаж» и «Верховный пилотаж». В 2002 году на «Срединный» нажаловалось в прокуратуру прокремлевское движение «Идущие вместе». На писателя завели дело по 242 статье УК («Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов»), но в 2005 году Басманный суд Москвы вынес оправдательный приговор.

Шириянов, чье настоящее имя Кирилл Борисович Воробьев, скончался 14 июня 2017 года после долгой болезни. Кирилл несколько лет не писал, из-за перенесенного инсульта ему было трудно читать и даже говорить. Около двух лет он почти безвылазно сидел в своей однушке в спальном районе. До конца его жизни читатели благодарили Шириянова за то, что его книги помогли им завязать с «винтом» или вовсе не прикасаться к нему.

Storming Heaven: LSD and the American Dream

Jay Stevens

Grove Press, 1987

«Штурмующая небеса. ЛСД и американская мечта»

Джей Стивенс

Ультра. Культура, 2003

«Открыть духовные Америки

Тебе помогут психоделики»

Эта книга — подробная история ЛСД от случайного синтеза вещества швейцарским химиком Альбертом Хофманном до психоделической революции и полного запрета «кислоты» в Соединенных Штатах. В книге рассказывается о том, как сильно появление и распространение ЛСД повлияло на людей и культуру. Вскоре после выхода «Штурмующая небеса» в России недавно превратившийся в ФСКН Госнаркоконтроль заявил, что в книге пропагандируются наркотики. Заглавие ведомства даже передал основателю издательства «Ультра.Культура» Илье Кормильцеву, что если он не изменит издательскую политику, то «пускай ждет санкций в отношении себя персонально».

В книге то и дело встречаются культовые личности того времени, так или иначе увлекавшиеся психонавтикой: писатель, психолог и «апостол ЛСД» Тимоти Лири, лишившийся работы в Гарварде ради исследований психоделиков; писатель Кен Кизи, основавший хиппи-коммуны «Веселые проказники», члены которой иногда раздавали «кислоту» прохожим; автор знаменитого эссе о мескаине «Двери восприятия» Олдос Хаксли и самые известные битники — Уильям Берроуз, Аллен Гинзберг и Джей Керуак. m

Стивен Левитт (Steven D. Levitt), Стивен Дабнер (Stephen J. Dubner)

отрывок книги «Фрикономика», Альпина Паблишер, 2017 год

почему наркодилеры продолжают жить со своими матерями?

авторы издания — известный американский экономист, преподаватель Чикагского университета Стивен Левитт и писатель, журналист The New York Times Magazine Стивен Дабнер. Уникальность Левитта как ученого — в подборе нетипичных тем для своих исследований. Например, о коррупции в сумо, влиянии «черных» имен на криминальные наклонности их владельцев или о том, почему прилично зарабатывающие наркоторговцы продолжают жить с матерями.

ответ на последний вопрос Левитт нашел в учетных тетрадях одной из банд Чикаго, торговавшей крэком. Бухгалтерию ему передал другой исследователь — социолог Судхир Венкатеш, который провел с бандой около шести лет. По словам авторов книги, это первый случай, когда к экономисту попала финансовая отчетность преступной группировки.

moloko plus публикует отрывок из «Фрикономики» (Freakonomics), в котором повествуется о структуре банды торговцев крэком, заработках совета директоров наркокартеля и руководителей отделений. Вы узнаете, отчего барыги с перекрестков Чикаго в середине 2000-х зарабатывали так мало и почему они не хотели найти себе работу лучше.

<..>

Судхир Венкатеш <...> родился в Индии, вырос в пригородах северной части Нью-Йорка и Южной Калифорнии. Он окончил Калифорнийский университет в Сан-Диего с научной степенью в области математики. В 1989 году он начал работать над получением докторской степени по социологии в Чикагском университете. <...> Его задание заключалось в том, чтобы посетить самые бедные пригороды Чикаго и убедить жителей заполнить анкету из семидесяти вопросов с заданными вариантами ответов.

Первый вопрос был сформулирован так: Как вы себя чувствуете, будучи черным и бедным? <...>

Как-то раз Венкатеш отошел на двадцать кварталов от университета и оказался в квартале на берегу озера Мичиган, где и должен был провести свое плановое исследование. Квартал состоял из трех шестнадцатиэтажных домов, выстроенных из желто-серого кирпича. Относительно быстро Венкатеш обнаружил, что имевшиеся у него адреса и имена жильцов устарели. Эти запущенные здания казались брошенными. <...>

Внезапно он увидел на одной из лестничных клеток группу подростков, игравших в кости. Оказалось, что Венкатеш столкнулся с бандой мелких торговцев краком, работавших в этом квартале. Было вполне очевидно, что они не рады встрече с ним.

— Я — студент из Чикагского университета, — забормотал Венкатеш, крепко сжав в руках пачку анкет, — и я провожу...

— Да пошел ты, ниггер! Что ты делаешь на нашей лестнице?

В то время в Чикаго продолжалась кровопролитная война между бандами. Дела обстояли довольно сурово — стрельба в городе не прекращалась ни на день. Банда, с которой столкнулся Венкатеш, представляла собой подразделение банды под названием Black Gangster Disciple Nation, активно участвовавшей в войне. Подростки никак не могли понять, как им следует поступить с Венкатешем. Он был совершенно не похож на члена враждебной группировки. Но, может быть, он был засланным шпионом? Было понятно, что он точно не полицейский. <...>

Члены банды начали спорить о том, что им делать с Венкатешем. Отпустить его? Однако если бы он рассказал о тайном укрытии на лестнице членам противоборствующей банды, то дело бы закончилось коварной и внезапной атакой. Один нервный подросток крутил в руках какой-то предмет (в полутьме Венкатеш с трудом узнал в нем пистолет) и приговаривал: «Ну-ка, дайте мне его». Венкатеш был очень и очень напуган. <...>

Дела Венкатеша становились все хуже. Но тут к нему подошел еще один человек. Им оказался Джей-Ти, главарь банды, который захотел выяснить, что именно происходит на лестнице. Он приказал Венкатешу прочитать ему первый вопрос анкеты. Внимательно выслушав вопрос, он заявил, что не может ответить на него, так как не является «чернокожим».

— Что ж, — сказал Венкатеш, — тогда что вы чувствуете, будучи бедным афроамериканцем?

— Ты что, идиот? Какой я тебе афроамериканец? Я — ниггер.

Затем Джей-Ти довольно живо, хотя и не очень дружелюбно прочитал лекцию о том, чем «ниггер» отличается от «афроамериканца» или «черного». После того как он закончил свою речь, вокруг воцарилась тишина. Тем не менее никто так и не знал, что же делать с Венкатешем. Джей-Ти, которому было около тридцати лет, утихомирил своих подопечных, однако было видно, что он не хочет вмешиваться в их решение. На улицу опустилась ночь, и Джей-Ти покинул дом. «Никто чужой не уходит отсюда живым, — обратился к Венкатешу парень с пистолетом. — Ты в курсе, да?»

С приближением темноты подростки смягчились. Они угостили Венкатеша банкой пива, а затем второй и третьей. <...> Джей-Ти появлялся еще несколько раз в течение ночи, однако ничего не говорил. Наконец пришел рассвет, а затем наступил новый день. Венкатеш пару раз пытался обсудить свою анкету, однако молодые наркочилеры лишь смеялись и говорили ему о том, насколько его вопросы глупы. В итоге через двадцать четыре часа после того, как Венкатеш натолкнулся на бандитов на лестнице, они наконец-то отпустили его.

Вернувшись домой, он первым делом принял душ. Поначалу он испытал значительное облегчение, а чуть позже — и любопытство. Венкатеш поразился тому, что большинство людей, включая и его самого, никогда не задумывались о повседневной жизни преступников из гетто. Теперь же ему захотелось узнать об устройстве черных банд во всех деталях. <...>

Он нашел Джей-Ти и изложил ему свое предложение. Поначалу Джей-Ти подумал, что Венкатеш сошел с ума — студент университета хочет тусоваться с бандой наркоторговцев? Однако по размышлении он пришел к выводу, что ему нравится предложение Венкатеша. Как оказалось, Джей-Ти окончил колледж, где изучал основы бизнеса. После колледжа он поступил на работу в компанию Loop, продававшую офисное оборудование, и проработал там некоторое время в отделе маркетинга. Однако он никак не мог отделаться от мысли, что находится не на своем месте, <...> поэтому быстро уволился. Тем не менее он не забыл того, чему успел научиться. Джей-Ти понимал всю важность сбора информации и поиска новых рынков и постоянно размышлял об улучшении стратегии управления. Так что не было ничего удивительного в том, что именно Джей-Ти возглавил банду. Он был прирожденным начальником. После недолгого, но активного обсуждения Джей-Ти пообещал предоставить Венкатешу свободный доступ к банде, однако сохранил за собой право запрещать распространение информации, которая могла бы оказаться для нее опасной.

Вскоре после первого визита Венкатеша в желто-серые здания квартал на берегу озера был разрушен, и банда переместилась в другой, расположенный еще южнее. В течение следующих шести лет Венкатеш практически там жил. Находясь под охраной Джей-Ти, он внимательно наблюдал за жизнью и работой участников банды, постоянно задавая им вопросы. Иногда его любопытство их раздражало, но гораздо чаще им нравилась его готовность выслушивать истории из их жизни. «Тут повсюду война, чувак, — как-то сказал ему один из наркочилеров. — Я имею в виду, что люди каждый день борются

за выживание, и, знаешь ли, мы делаем все, что умеем. У нас нет выбора, и если нас могут убить... что же, блин, ниггерам все равно приходится этим заниматься, чтобы прокормить семью».

Венкатеш приходил в гости то к одной, то к другой семье, помогал им мыть посуду после ужина и укладывался спать на полу. Он покупал игрушки для их детей; однажды он видел, как женщина использовала пеленку своего ребенка для того, чтобы вытереть с пола кровь подростка-наркодилера, убитого прямо на глазах Венкатеша. <...>

В течение последующих лет банда пережила несколько кровавых войн за территории и наконец была разгромлена федеральными агентами. Член банды по имени Бути, бывший прямым подчиненным Джей-Ти, пришел к Венкатешу и рассказал ему историю. Бути был обвинен другими участниками банды в том, что привел «на хвосте» федеральных агентов. По его словам, это означало, что он приговорен к смерти (и он оказался прав). Но перед этим Бути хотел хоть немного искупить свои грехи. Для участников банды не существовало никакого табу на рассказы о торговле крэком — иногда они даже хвастались, что их ремесло помогает всему негритянскому сообществу, однако Бути испытывал вину за то, чем занимался. Он хотел оставить после себя хоть что-то, что могло бы пойти на пользу следующему поколению. Бути вручил Венкатешу пачку потрепанных тетрадей, обложки которых были раскрашены в цвета банды — синий и черный. В них содержались полные записи финансовых операций банды за четыре года. Джей-Ти знал свое дело. Все данные были записаны с потрясающей аккуратностью: продажи, зарплаты, задолженности и даже пособия семьям погибших наркодилеров. <...>

Банда, в которую попал Венкатеш, представляла собой одно из нескольких сотен подразделений-франшиз, связанных с более крупной организацией Black Disciples. Джей-Ти, лидер банды и выпускник колледжа, отчитывался перед центральным советом из двадцати участников, который, без тени иронии, назывался советом директоров (в то самое время, когда выходцы из богатых белых районов имитировали культуру негритянских гетто, преступники из черных гетто столь же тщательно имитировали корпоративный стиль работы отцов своих белых ровесников). Джей-Ти платил совету директоров около 20 процентов от доходов банды, торговавшей крэком в пределах выделенного ему участка из двадцати кварталов. Остаток средств переходил в его распоряжение.

В подчинении Джей-Ти находились три сотрудника, или офицера: инфорсер (обеспечивавший безопасность членов банды), казначей (контролировавший ликвидные активы банды) и курьер (перевозивший крупные партии наркотиков и денег). Следующий уровень иерархии состоял из уличных торговцев, также называвшихся пехотинцами. Каждый пехотинец стремился со временем стать офицером, то есть подняться на более высокий уровень. В распоряжении Джей-Ти постоянно находилось от 25 до 75 пехотинцев, работавших на фиксированном окладе. Их количество варьировалось в зависимости от времени года (основные продажи крэка

шли осенью; летом и во время Рождества наблюдалось затишье) и размера закрепленной за бандой территории (которая однажды удвоилась вследствие удачно проведенной Black Disciples военной операции против противоборствующей банды). В самом низу организации Джей-Ти находилось около двух сотен участников — так называемых рядовых. Они вообще не были членами банды, однако платили банде деньги — за защиту от других банд или за то, чтобы когда-нибудь, при удачном стечении обстоятельств, стать пехотинцем.

Четыре года деятельности, зафиксированные в тетрадях, отражали период пикового роста торговли крэком. В это время дела банды шли просто отлично. За четырехлетний период предприятие Джей-Ти увеличило свои обороты в четыре раза. В течение первого года оборот составлял около 18 500 долларов; к концу четвертого года банда продавала наркотиков на 68 400 долларов в месяц. Вот как выглядели данные по ежемесячным доходам в течение третьего года:

Продажа наркотиков	24 800 долларов
Взносы	5100 долларов
Поборы	2100 долларов
Итого доходы в месяц	32 000 долларов

В разделе «Продажа наркотиков» были приведены данные только о торговле крэком. Банда разрешала некоторым уличным торговцам торговать на своей территории героином и брала за это комиссионные в виде определенного процента от проданных объемов (эти суммы не фиксировались в отчетности и шли напрямую в карман Джей-Ти; не исключено, что он снимал сливки и с других видов нелегального бизнеса). Пять тысяч сто долларов взносов поступали только от низового звена структуры. Полноправные члены банды не платили взносы.

Поборы представляли собой выплаты со стороны компаний, работавших на территории банды, в том числе овощных лавок, нелегализованных такси, сутенеров, торговцев краденым и нелегальных автомехаников. Из чего же складывались расходы Джей-Ти (за исключением окладов), позволявшие ему получать по 32 тысячи каждый месяц?

Покупка оптовых партий наркотиков	5000
Вознаграждение совета директоров	5000
Наемные бойцы	1300
Оружие	300
Прочие расходы	2400
Итого расходы, за исключением окладов	14 000 долларов

Наемники представляли собой внештатных бойцов, привлекавшихся на кратковременные периоды для помощи банде в войнах за территорию. Расходы на вооружение были столь низкими из-за соглашения между Black Disciples и местными торговцами оружием, по которому те могли работать на территории банды в обмен на поставки недорогого или бесплатного оружия. К прочим расходам относились выплаты юристам, расходы на вечеринки, взятки и финансировавшиеся бандой «праздники для жильцов» (Black Disciples упорно трудились над тем, чтобы местные жители воспринимали их как опору сообщества, а не его «паршивую овцу»).

К прочим расходам также относились затраты, связанные со смертью членов банды. Банда не только оплачивала похороны, но и отдавала семьям погибших их оклад за три года. Как-то раз Венкатеш поинтересовался, почему банда проявляет в этом вопросе такую щедрость. «Что это за дурацкий вопрос! — ответили ему. — Ты провел с нами столько времени, но не понял, что их семьи — это наши семьи. Мы не можем просто так бросить их в беде. Чувак, мы знали этих людей всю жизнь, и, когда они скорбят, мы скорбим вместе с ними. Нужно уважать семью». Имелась и еще одна причина для подобной щедрости: банда опасалась гнева со стороны сообщества (было очевидно, что ее бизнес являлся по своей сути разрушительным) и посчитала для себя правильным завоевывать репутацию, раздавая по сотне-другой долларов то тут, то там.

Остаток денег поступал членам банды, начиная с Джей-Ти. Особую радость Джей-Ти доставляла отдельная строка в бюджете:

Чистая прибыль руководителя 8500 долларов

Получая по 8500 долларов в месяц, Джей-Ти мог зарабатывать около 100 тысяч долларов в год (разумеется, ни о каких налогах речь не шла), а кроме этого, у него была масса возможностей прикарманить деньги из других источников. Эта сумма была куда больше, чем он мог зарабатывать во время своей недолгой работы в Loop. Джей-Ти был одним из примерно сотни руководителей того же уровня в сети Black Disciples. Разумеется, наркодилеры его уровня могли позволить себе богатую жизнь, а члены совета директоров — просто шикарную. Каждый из двадцати руководителей получал около 500 тысяч долларов в год (при этом треть боссов постоянно находилась за решеткой, что представляет собой издержки руководства нелегальным бизнесом).

Итак, верхушка пирамиды Black Disciples, состоявшая из 120 человек, получала от бизнеса неплохие деньги. Однако эти люди находились на самой верхушке поистине гигантской пирамиды. Если взять за основу структуру банды Джей-Ти (три офицера и около пятидесяти пехотинцев), то можно рассчитать, что на 120 руководителей работало около 5300 человек. А кроме них с бандами было связано еще около 20 тысяч человек, работавших на улицах, не получавших фиксированной оплаты и имевших перед собой единственную цель: стать пехотинцем при первой же возможности. Для этого они были даже готовы на то, чтобы платить банде взносы.

Насколько же хорошо оплачивалась работа, о которой они мечтали? Вот данные о суммах, которые Джей-Ти ежемесячно платил членам своей банды:

Совокупная зарплата трех офицеров	2100 долларов
Совокупная зарплата всех пехотинцев	7400 долларов
Итого зарплаты в банде (за исключением лидера)	9500 долларов

Иными словами, Джей-Ти платил своим соратникам в совокупности 9500 долларов, что всего на одну тысячу превышало размер его собственного ежемесячного дохода. Джей-Ти получал по 66 долларов в час. В то же время каждый из его трех офицеров получал в месяц по 700 долларов, то есть примерно по семь долларов в час. А пехотинцы получали по 3,3 доллара в час, что даже меньше официального минимума заработной платы, установленного государством. Поэтому ответ на наш вопрос о том, почему же наркодилеры продолжают жить со своими матерями, довольно прост: все они, за исключением верхушки, не зарабатывают сколь-нибудь значительных сумм. У них просто нет другого варианта, кроме как жить со своими родителями. На каждого руководителя с высокой зарплатой приходится сотня человек, едва сводящих концы с концами. Верхушка Black Disciples из 120 человек представляла собой лишь 2,2 процента от всего состава банды, однако забирала себе более половины всех денег.

Иными словами, банда торговцев крэком работает во многом так же, как и обычное капиталистическое предприятие: для того чтобы много зарабатывать, нужно находиться как можно ближе к вершине. Невзирая на слова лидеров банды о семейном характере бизнеса, перекося зарплат в них очень похож на то, что творится в корпоративной Америке. У пехотинца есть множество общих черт с сотрудником McDonald's, заворачивающим сэндвичи в упаковку, или работником Walmart, расставляющим товары по полкам. На самом деле многие из пехотинцев Джей-Ти были вынуждены помимо службы в банде работать, чтобы свести концы с концами, на низкооплачиваемой официальной должности. Руководитель другой банды как-то сказал Венкатешу, что мог бы без особых проблем платить пехотинцам больше, однако это было бы несправедливо. «Все эти ниггеры, стоящие ниже тебя, хотят получить твое место, врубаешься? — сказал он. — Так что ты должен, с одной стороны, проявлять о них заботу, но с другой — не забывать показывать им, кто здесь главный. Ты должен, прежде всего, ухватить свой кусок, иначе какой из тебя вожак? Если ты начнешь идти на попятную, они посчитают тебя слабым и дерьмом».

Низкая зарплата — еще не все. Помимо этого, пехотинцы работали в неблагоприятных условиях. Им приходилось весь день торчать на улице и общаться с наркоманами (самим членам банды было строго запрещено употреблять наркотики, и этот запрет насаждался кулаками). Пехотинцы всегда находились под угрозой ареста и, что еще хуже, насилия. С помощью финансовой документации банды и других элементов исследования, проведенного Венкатешем, мы можем создать список неблагоприятных событий в жизни банды Джей-Ти за четыре года ее деятельности. Результаты оказываются удивительно мрачными. Вот какая судьба ждала типичного члена банды Джей-Ти, проведшего в ней четыре года:

**ТУТ ПОВСЮДУ ВОЙНА,
ЧУВАК. Я ИМЕЮ В ВИДУ,
ЧТО ЛЮДИ КАЖДЫЙ
ДЕНЬ БОРЮТСЯ
ЗА ВЫЖИВАНИЕ,
И, ЗНАЕШЬ ЛИ,
МЫ ДЕЛАЕМ ВСЕ, ЧТО УМЕЕМ.
У НАС НЕТ ВЫБОРА,
И ЕСЛИ НАС МОГУТ УБИТЬ...
ЧТО ЖЕ, БЛИН, НИГГЕРАМ
ВСЕ РАВНО ПРИХОДИТСЯ
ЭТИМ ЗАНИМАТЬСЯ,
ЧТОБЫ ПРОКОРМИТЬ СЕМЬЮ**

Количество арестов	5–9
Количество несмертельных ран и травм (не включая травмы, нанесенные другими членами банды в качестве наказания за проступки)	2,4
Шансы быть убитым	1 из 4

Один из четырех! <...>

Но если торговля крэком является самой опасной работой в Америке и плата за нее составляет всего лишь 3,3 доллара в час, то почему же люди так хотят ею заниматься? <...>

Дети, растущие в кварталах Южного Чикаго, считают профессию наркодилера гламурной. Для многих из них работа лидера банды (заметная и крайне привлекательная) может показаться лучшей работой, которая только может быть. Если бы они росли в других условиях, то, возможно, мечтали бы о том, чтобы стать экономистами или писателями. Однако там, где работала банда Джей-Ти, дорога к достойной и официальной работе была практически закрыта. Пятьдесят шесть процентов детей в таких кварталах живут ниже черты бедности (для сравнения: в целом по стране этот показатель составляет 18 процентов). Семьдесят восемь процентов таких детей воспитываются в неполных семьях. Меньше пяти процентов детей из этих районов оканчивают колледж; менее чем у одного из троих взрослых мужчин есть постоянная работа. Средний уровень дохода в таких кварталах составляет пять тысяч долларов в год — это почти в два раза меньше, чем в среднем по стране. В те годы, когда Венкатеш жил с бандой Джей-Ти, многие пехотинцы часто просили его оказать протекцию в получении того, что они называли «хорошей работой», — работы уборщика в Чикагском университете.

В торговле крэком существует та же самая проблема, что и в любой гламурной профессии: множество людей борется за небольшое количество призов. Шансы на большие заработки в банде примерно такие же, что и шансы стать кинозвездой для девушки из Висконсина, а для полузащитника университетской команды — попасть в состав национальной сборной. Однако преступники, как и все другие, реагируют на стимулы. Поэтому, если приз кажется большим, они моментально выстраются в очередь в надежде на то, что удача повернется к ним лицом. Что касается юга Чикаго, то количество людей, хотевших торговать крэком, значительно превышало количество уличных углов. <...>

Большинство пехотинцев Джей-Ти не хотели оставаться в рядах банды после того, как понимали, что их карьера не развивается. Особенно когда начиналась стрельба. После нескольких относительно спокойных лет банда Джей-Ти оказалась втянутой в войну за территорию с бандой, промышлявшей по соседству. Ежедневные перестрелки стали вполне обычным делом. Подобное развитие событий было особенно опасным для пехотинцев — представителей банды, работавших на улице. Природа этого бизнеса предполагает, что потребители должны находить дилеров легко и быстро — поэтому если бы он прятался от враждебной банды, то не смог бы продавать крэк.

До начала войн банд пехотинцы Джей-Ти были готовы смириться с балансом между низкооплачиваемой работой и возможностью продвижения. Но, как однажды сказал Венкатешу один пехотинец, теперь он хотел бы получать компенсацию за дополнительный риск: «А ты бы стал торчать на улице, когда вокруг творится такая фигня? Не стал бы, верно? Что ж, если мне придется рисковать жизнью, то пусть мне за это заплатят, чувак! Платите мне больше, потому что я не подписывался стоять на улице, пока вы воюете между собой». <...>

Так почему же он [Джей-Ти] начал войну? По сути, ее начал не он. Войну начали его пехотинцы. Оказалось, что у этого наркодилера было куда меньше контроля над подчиненными, чем ему бы хотелось. И проблема заключалась в том, что у них были разные стимулы.

Для самого Джей-Ти насилие было синонимом отвлечения от основного бизнеса; он бы предпочел, чтобы его солдаты вообще не пускали в ход оружие. Однако для самого пехотинца насилие служило более важной цели. Пехотинец может выделиться, то есть преуспеть в соревновании, не слишком большим количеством способов, и один из этих способов связан с насилием. Киллера уважают, его боятся и о нем рассказывают истории. Пехотинцы хотели создать себе имя. Джей-Ти стремился, в сущности, не позволить им этого сделать. «Мы пытаемся донести до этих ребят, что они принадлежат к серьезной организации, — как-то раз сказал он Венкатешу. — Это не шуточки. Они смотрят все эти детективные сериалы и прочую ерунду и думают, что их работа заключается в том, чтобы бегать по городу и выбивать дерьмо из окружающих. Это не так. Они должны научиться быть частью организации. Они не могут проводить все время в сражениях. Это плохо для бизнеса».

В конце концов Джей-Ти смог одержать победу в войне. Он успешно возглавил расширение района, где действовала банда, и положил начало новой эре процветания и относительного мира. <...> В то время как основная часть банды жила в бедности вместе со своими матерями, у Джей-Ти было несколько домов, несколько любовниц и несколько машин. Кроме прочего, у него было и неплохое образование в сфере бизнеса. Он постоянно работал над тем, чтобы укрепить это свое достоинство. Вот почему он распорядился вести учет финансовых операций так, как это принято в крупных корпорациях (и результаты этой работы со временем оказались в руках Судхира Венкатеша). Этого не делал ни один из руководителей других подразделений банды. Однажды Джей-Ти, желавший доказать совету директоров свою деловую хватку, продемонстрировал свою систему финансового учета.

И это сработало. После шести лет руководства одним из подразделений банды Джей-Ти был введен в состав совета директоров. К этому времени ему исполнилось тридцать четыре года. Он победил в турнире. Однако в этом турнире было кое-что, отсутствующее в издательском деле, спорте или киноиндустрии. Не стоит забывать, что торговля наркотиками является незаконным делом. Вскоре после того как Джей-Ти вошел в состав совета директоров, банда Black Disciples была разгромлена федеральными агентами — после чего бандит по имени Бути и отдал свои тетради Венкатешу, а Джей-Ти отправился в тюрьму. <...> m

Александр Шульгин (Alexander Shulgin) и Энн Шульгина (Ann Shulgin)
отрывок книги «Фенэтиламины, которые я знал и любил», Ультра. Культура, 2003 год

глава 42. лекция в университете (Голос Шуры)

Александр Шульгин — химик-фармаколог, изучавший и изготавливавший психоактивные препараты, которые потом тестировал на себе, своей жене Энн и своих друзьях в течение почти трех десятилетий. За это время ученый провел испытания около двухсот препаратов. Пожалуй, самым главным открытием Шульгина, которое принесло ему культовый статус, стало повторное изобретение MDMA и его популяризация. Опыты Александр вместе со своей женой Энн описал в нескольких книгах. Супруги выступали за использование психоделиков в терапевтических целях.

moloko plus публикует отрывок из книги «Фенэтиламины, которые я знал и любил» (Piñkal: A Chemical Love Story). В нем Шульгин рассуждает о гражданских правах, которых нас лишают во имя борьбы с наркотиками. Дело в том, что Шульгин долгое время сам проводил семинары для сотрудников Управления по борьбе с наркотиками, а также выступал свидетелем-экспертом по наркотикам в судах. Несмотря на то, что автор писал о США, все сказанное им вполне актуально для жителей любой страны. Шульгин предлагает каждому задаться вопросом, готовы ли мы лишиться своей свободы в обмен на «безопасность», которую обещает полицейское государство? Где та грань, дозволив переступить которую государству, мы обречем безопасность, но бесповоротно потеряем свободу?

<...>

Я намерен изменить тему занятия и прочесть вам лекцию на тему политики и правительства.

На самом деле я собираюсь поговорить с вами о свободах вообще и об утрате некоторых из этих свобод под постыдным прикрытием войны с наркотиками. <...>

Имеются еще три самые важные свободы, являющиеся частью этого наследия и не включенные в нашу Конституцию. Тем не менее они всегда лежали в основе нашего собственного представления о себе как о нации. Это презумпция невиновности, право на неприкосновенность частной жизни и свобода следствия. Перечисленные свободы размываются у нас на глазах. Кроме того, раздается все больше и больше голосов в пользу того, что несоблюдение этих традиционных прав — это не такой уж существенный вопрос, если в результате достигается цель национальной важности. В данный момент официально утвержденной национальной целью и является победа в так называемой Войне с наркотиками. В будущем эта цель может обрести форму войны с какой-нибудь другой угрозой нашей национальной безопасности — эта фраза срабатывала раньше, можно на нее рассчитывать и в будущем — и восстановления утраченных прав и свобод просто не произойдет; по крайней мере, не в наше время и даже не при наших детях или внуках. <...>

В судебной практике связь (скажем, между вашей машиной и запрещенными наркотиками) признается, скорее, действительной, чем не действительной по критерию «перевеса доказательств» на основе имеющихся доказательств. Другими словами, имеющаяся связь определяется, по меньшей мере, на 51%. Решение о том, что здесь не требуется никаких дополнительных доказательств, может быть принято одним человеком, одним судьей, даже одним-единственным полицейским. Таким образом, качество доказательств сводится на нет. <...>

Если человек похож на курьера, то его задерживают, допрашивают и обыскивают настолько детально, как того хочет представитель власти. Если же человек по виду и поведению напоминает «глотателя» (это тот, кто заглатывает мешочки с наркотиком, чтобы потом вынуть их из желудка), то его могут также проверить рентгеном без его на то согласия и по желанию задерживать до тех пор, пока содержимое его желудка не выйдет наружу естественным путем. <...>

Проследим постепенно ухудшающееся качество доказательств вины до конца. Далее мы обнаруживаем уровень, на котором установление виновности даже не подразумевается. Это все расширяющееся пространство деятельности полиции в рамках борьбы с наркотиками, где презумпция невиновности просто отвергается. Если человек больше не считается невиновным, то он автоматически становится виновным. И теперь уже самому обвиняемому нужно доказывать, что он не совершал уголовного преступления. Я говорю о лабораторных анализах мочи. <...>

Требовать от человека, чтобы он пописал в стаканчик, когда вам этого захочется, без документально зафиксированной причины подозревать его в использовании запрещенного наркотика — это недопустимо в нашей респу-

блике. Вы словно говорите ему: «Я полагаю, что твое поведение не соответствует тому, какое одобряю я. Докажи мне, что это не так».

Это возмутительно.

Это недопустимо. <...>

Я считаю, что основная причина, вызвавшая широкое распространение анализа мочи, заключается в том, что это быстро растущая отрасль промышленности, которая приносит немалые доходы.

Власти предпринимают и другие действия, иллюстрирующие эту позицию «признайте их виновными, и пусть они сами доказывают обратное». В прошлом году Администрация по контролю за соблюдением законов о наркотиках связалась со всеми рекламодателями, предлагавшими в контркультурном журнале *Higt Times* оборудование для садовой гидропоники. У них изъяли списки покупателей. Ко всем, кто сделал любую покупку этого рода, нанесли визит агенты Администрации на том основании, что эти люди, дескать, выращивают марихуану. После налетов на нескольких невинных любителей орхидей энтузиазм властей увял. Но деспотичность этого мероприятия демонстрирует ужасающую картину действий наших органов правопорядка.

Для осуществления суровой мести на законодательном уровне и для доказательства того, что каждый конгрессмен делает все необходимое для победы в войне с наркотиками, представители народа вынуждены постоянно требовать все более и более строгих наказаний за преступления, связанные с наркотиками.

К настоящему моменту утверждены жесткие сроки тюремного заключения и размеры штрафов, которые должны назначаться за определенное количество того или иного запрещенного наркотика. Срок вашего минимального пребывания в тюрьме зависит от количества наркотика, от того, обладаете ли вы особыми навыками, арестовывались ли раньше и фигурирует ли в вашем деле оружие. Здесь нужно помнить об очень важном моменте. Если на каком-либо предмете будет выявлено любое обнаруживаемое количество запрещенного наркотика, вес данного предмета будет приравнен к весу наркотика. Если вы капитан судна или адвокат, или вы получили хорошее образование и обладаете особыми навыками, вам могут увеличить срок наказания. В шкафу в вашей спальне могло храниться оружие. Его и вблизи не было от места преступления, в котором вас обвиняют. Но и оружие, и образование, и ваша профессия могут сыграть против вас, и в итоге вас приговорят к более продолжительному тюремному заключению и назначат неизменяемый минимальный срок пребывания в тюрьме. Вас могут осудить на месяцы, на годы пребывания в тюрьме или приговорить к пожизненному заключению. А могут назначить штраф в несколько миллионов долларов.

Если вы крупный наркодилер (что бы это ни значило), при определенных условиях, о которых было сказано ранее, по некоторым законам обвинитель может потребовать вынесения вам смертного приговора. <...>

Куда менее заметную и коварную форму утраты свободы можно наблюдать в наших школах. Правительство фактически внедрило цензуру в колледжи и в университеты. Эта цензура проявляется в финансировании

исследований, что позволяет контролировать их направление. В средствах массовой информации проводится неприкрытая пропаганда, а те, кто знает факты и должны настаивать на правде, остались безучастны. Позвольте мне затронуть лишь одно из направлений этой пропаганды, поскольку каждое из них нацелено на определенную группу населения.

В средней школе все усилия направлены на учащегося. Ему велят: «Просто скажи «нет»». Не предпринимается никаких усилий, чтобы инструктировать, воспитывать, обеспечивать всю полноту информации, которая позволит подростку самому принять решение. Вместо этого он слышит простую фразу, что наркотики убивают. Вот это — твой мозг. А вот это — твой мозг после того, как ты начал употреблять наркотики. Шипит, шипит, шипит — и вдруг спекся. Ваша милая, невинная дочка убита, потому что она ничего не знала о наркотиках. Она только и должна была выучить «Просто скажи «нет»». Это нельзя назвать образованием. Это попытка повлиять на модель поведения, снова и снова повторяя одно и то же послание. Это пропаганда.

Все виды наркотиков глубоко и постоянно проникают в нашу культуру, в наш образ жизни. Нашим детям необходимо рассказывать о достоинствах этих наркотиков и о том риске, который связан с их употреблением. И подобное обучение нужно проводить со всей честностью и прямоотой.

А каков статус исследований в медицинских школах, в университетах и в промышленных лабораториях по всей стране? Могу вас заверить в том, что, поскольку психоделики официально не признаны ценными для изучения, ни в одном университете или медицинской школе не выделяются деньги для исследования их воздействия на человека.

Правда состоит в том, что все исследования, ведущиеся сегодня на академическом уровне, почти целиком поддерживаются федеральными фондами, и если выполнение гранта не удовлетворяет желаниям или нуждам учреждения, которое финансирует этот грант, средства на эти исследования перестают выделяться и оно остается незаконченным. Есть и другие формы контроля, действующие в фармацевтической отрасли, например, эффективный механизм, не позволяющий проводить научные исследования. Изучение наркотиков может быть одобрено лишь в том случае, если данные наркотики обладают какой-либо пользой для медицины. Имеется официальное заявление, в котором говорится, что в притягательной области психоделиков нет наркотиков — ни одного наркотика — полезных для медицины. Понимаете, все эти наркотические вещества включены в Список № 1, и по определению ни они сами, ни один из их аналогов не могут приносить пользу медицине.

А какие истории запускаются в средства массовой информации?! Сначала рассказывают всякие жуткие истории, а исправлять искаженную информацию потом и не думают. Это можно проиллюстрировать при помощи парочки наглядных примеров.

Обратим внимание на следующие фразы: «Даже первый раз может убить» и «Даже чистый препарат убивает». Это было сказано о кокаине. Обе эти фразы распространялись в СМИ как констатация факта и появились в результате трагической смерти спортивного деятеля, мистера Лена Байаса. Он умер от

передозировки кокаина. Это событие случилось в критический момент — всего лишь за несколько недель до голосования по поводу двухлетнего бюджета на борьбу с наркоманами.

Газеты написали, что, как установило вскрытие, молодой человек употребил кокаин впервые, причем он принял чистый кокаин. Это явная чепуха. При помощи анализа тканей тела человека после смерти нельзя установить ни степень чистоты наркотика, ни частоту его приема в прошлом. Когда появился окончательный отчет о результатах вскрытия, он был опубликован в *Journal of American Medical Association*. Ученым, занимавшимся изучением данного случая, стало ясно, что мистер Байас получил большое количество кокаина через рот (скорее всего, наркотик был растворен в безалкогольном напитке, потому что алкоголя в крови молодого человека обнаружено не было). Возникло предположение о том, что не сам мистер Байас ввел в себя наркотик. Иначе говоря, существует возможность того, что он был убит.

Эта более поздняя версия не раскручивалась в СМИ, и две броские фразы по-прежнему в ходу благодаря своей «педагогической» ценности. Даже первый раз может убить. Даже чистый препарат убивает.

Надо ли говорить, что законопроект бюджета был принят подавляющим большинством голосов. <...>

Постоянное повторение прессой одной только фразы «Война с наркотиками» оказывает тайное влияние на общественное мнение. Этот лозунг вызывает представление о том, что есть наша сторона, есть противник и есть борьба за победу. Если мы не одержим победу, то не выживем как нация — слышим мы то и дело. В наше сознание беспрерывно внедряется мысль о том, что большая часть наших проблем национального масштаба — бедность, растущая безработица, бездомность, чудовищная статистика преступлений, растущая детская смертность и проблемы со здоровьем, даже угроза нашей национальной безопасности, включая терроризм и иностранных агентов — является прямым следствием использования запрещенных наркотиков. Нас заставляют думать, что все эти трудности исчезнут без следа, если мы найдем эффективное решение ужасной проблемы наркотиков.

Доводилось ли вам когда-нибудь слышать слово «*Krystalnacht*» в контексте истории прихода фашистов к власти в конце 1930-х годов в Германии? Это была «Хрустальная ночь», когда по еврейским кварталам немецких городов прошлись поддерживаемые государством полиция и молодые фашисты. Они разбили вдребезги все окна, которые имели отношение к еврейству — будь то окно еврейского магазина, синагоги или частного дома. «Если мы избавимся от отбросов общества, известных под именем «евреи», — говорили власти, — то мы решим социальные проблемы нашей нации».

Нечто похожее я вижу сейчас в нашей стране, этот лозунг мало изменился: «Если мы избавимся от подонков, имеющих дело с наркотиками, если мы лишим их крова, отберем у них их собственность и купленные на заработанные на крэке деньги дома, то мы решим социальные проблемы нашей нации». <...>

В наше время в Америке из потребителей наркотиков точно так же делают козлов отпущения, и я опасаясь, что, в конечном итоге, наша нация достигнет

**ЕСЛИ БЫ ПО МАНОВЕНИЮ
ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ
УПОТРЕБЛЕНИЕ ВСЕХ
ЗАПРЕЩЕННЫХ НАРКОТИКОВ
ВДРУГ ПРЕКРАТИЛОСЬ,
СМЕРТНОСТЬ, ПРИЧИНОЙ
КОТОРОЙ ЯВЛЯЮТСЯ
НАРКОТИКИ, СНИЗИЛАСЬ БЫ
В НАШЕЙ СТРАНЕ
НА 1%. ОСТАЛОСЬ БЫ 99%
СМЕРТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ,
НО ВЫЗВАННЫХ
РАЗРЕШЕННЫМИ
ЛЕКАРСТВАМИ И ПОЭТОМУ
СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫХ**

единения, но останется без традиционных свобод и гарантий прав человека, а серьезные социальные проблемы так и не найдут решения.

Насколько остро стоит проблема запрещенных наркотиков в действительности? Если просмотреть общую статистику и обратиться к голым фактам, получится, что это не столь уж большая проблема. А с точки зрения общественного здоровья она вообще исчезающе мала.

Только два основных узаконенных наркотика — табак и алкоголь — вместе несут ответственность за свыше 500.000 ежегодных смертей в нашей стране. От лекарств, выдаваемых по рецепту, гибнет еще 100.000 человек каждый год. Все смертельные случаи, связанные с запрещенными наркотиками, включая героин, кокаин, марихуану, метамфетамин и Рср (фенилцикли-дин, «ангельская пыль»), увеличивают эту цифру еще на 5.000. Другими словами, если бы по мановению волшебной палочки употребление всех запрещенных наркотиков вдруг прекратилось, смертность, причиной которой являются наркотики, снизилась бы в нашей стране на 1%. Осталось бы 99% смертельных случаев, но вызванных разрешенными лекарствами и поэтому социально приемлемых. <...>

Проблема наркотиков, возможно, не так масштабна, как нам говорят, но она достаточно заметна, чтобы принять ее во внимание. Каковы причины, вызывающие ее? Вот некоторые из них. Чувство беспомощности в бедных слоях населения, особенно среди молодых негров и латиноамериканцев мужского пола. Полное отсутствие ощущения самооценности среди большинства жителей центральных районов наших городов. Растущая бездомность и усиливающееся отчуждение между средним и низшим классами. С одной стороны, все больше думают «у меня есть мое, и черт с тобой», а с другой — «мне нечего терять, так что пошел ты».

Постыдные и масштабные проблемы с общественным здоровьем: СПИД, подростковая беременность, растущая детская смертность и отсутствие каких-либо серьезных попыток оказания помощи страдающим психическими расстройствами. Дети, у которых нет ни семей, ни пищи, ни образования, у которых нет надежды. На улицах наших крупных городов царит почти что анархия, равная по размаху с утратой общинной целостности в сельских районах. И все это клеймят как «проблему наркотиков», хотя употребление наркотиков здесь совершенно ни при чем. Употребление наркотиков — вовсе не причина этих проблем. Наркотики, разумеется, могут быть одним из следствий, но никак не причиной. Тем не менее прилагаются громадные усилия, чтобы убедить американский народ в том, что победа в «Войне с наркотиками» действительно вылечит все наши социальные недуги, если, стремясь к победе, мы откажемся от некоторых своих прав.

Эту войну невозможно выиграть. Мы лишь будем терять все больше и больше своих свобод, тщетно пытаясь одержать победу в этой войне. Наши старания должны быть направлены на причины социальных бедствий, а не на следствие, которым становится злоупотребление наркотиками. Но пока положение дел стремительно ухудшается. Люди говорят мне, что я поддался очевидному ответу, состоящему в том, чтобы легализовать употребление наркотиков для взрослых, принявших сознательное решение.

Меня обвиняют в том, будто я говорю, что употребление наркотиков — это хорошо. Отмените законодательные запреты, и страна тут же погрузится в безудержную наркотическую оргию — так они говорят. Я отвечаю таким людям, что нас уже захватили запрещенные наркотики, потому что они доступны любому, кто может заплатить, а их противозаконность породила немало криминальных организаций и привела к кровавым разборкам, каких наша страна не видела со времен «сухого закона».

Да, возможно, что отмена соответствующих законов о наркотиках подвигнет нескольких робких пресвитериан на то, чтобы нюхнуть кокаина, но, в основном, у злоупотребления наркотиками большего размаха, чем теперь, уже не будет, а после некоторых первоначальных экспериментов ситуация вернется в естественную норму. Не существует никакой «Средней Америки», готовой громко приветствовать отмену законов, запрещающих наркотики. Впрочем, большинство населения только выиграет оттого, что внимание уголовного судопроизводства снова вернется к воровству, изнасилованиям и убийствам, то есть преступлениям против общества, из-за которых нам требуются тюрьмы. Помните, что курение марихуаны, по сути своей, не является антисоциальным действием.

Позвольте мне каждому из вас задать простой вопрос. По каким признакам вы определили бы полицейское государство, если оно возникло бы вокруг вас? Я имею в виду государство, которое вы бы не потерпели. Государство, где снизилось потребление наркотиков, но где ваше поведение все больше и больше диктуется властью.

Пожалуйста, пусть каждый из вас проведет перед собой воображаемую черту, которая показывает, что вот до сих пор — можно, но туда уже нельзя!

Позвольте мне предложить кое-что в качестве подсказки. Как насчет требования сдать под наблюдением мочу в пластиковый стаканчик для анализа на присутствие наркотиков — перед получением чека на материальную помощь? Или когда вы будете наниматься в местный «Макдональдс», а может, будете пытаться сохранить эту работу? Или когда вашего ребенка будут записывать в среднюю школу? Убедят ли вас эти требования в том, что ваша страна в беде? <...>

Съемщики муниципального жилья, люди, берущие ссуду в университете или получающие академические гранты, должны дать гарантию, что они не будут связываться с наркотиками. Сегодня достаточно устного обещания, но что будет завтра? <...>

Многое из того, о чем я сейчас с вами говорю, имеет отношение к «другому парню», не к вам. Это вашему соседу, употребляющему наркотики, придется жить в страхе, а не вам. Легко выбросить из головы эти возможные посягательства на личные права, когда они не касаются вас самих. Но позвольте мне задать вам один не совсем простой вопрос, ответ на который действительно имеет для вас очень большое значение: где проходит та предельная грань относительно вас, которую никто не должен преступать?

Насколько, на ваш взгляд, дозволено кому-то другому контролировать ваше поведение, если это служит общественной пользе? Позвольте мне допу-

стить, что идея о проведении анализов мочи на присутствие кокаина вас не смущает. Возможно, вы не употребляете кокаин. Но позволите ли вы требовать от вас мочу для выборочного анализа на табакокурение? А как насчет анализов мочи на употребление алкоголя? Или кофе?

Как далеко вы впустите власть в свою частную жизнь? Предположим, что, не совершив ничего криминального, вы разрешите полицейскому, который пришел к вам официально, войти в свой дом без ордера на обыск. Но что если должностные лица придут к вам домой во время вашего отсутствия? Вы по-прежнему будете заявлять, что вы не возражаете и вам нечего скрывать?

Сомневаюсь, что многие из вас волнуются по поводу существования компьютеризированной картотеки отпечатков пальцев, охватывающей всю страну. Но как насчет генетической картотеки национального масштаба? Как насчет полицейской карточки на путешествия внутри страны? А как вы отреагируете на закон, в котором говорится, что вы должны предоставить образцы своих волос, возвращаясь домой из-за границы? Что вы почувствуете, узнав об автоматическом вскрытии и прочтении почты первого класса? Любая из этих мер и все они в совокупности могут быть использованы в качестве эффективных инструментов в войне против наркотиков. Где вы лично проводите черту? Каждый из нас должен провести эту черту, тщательно все обдумав. Вы сами решаете, где проведете прутиком по земле, чтобы обозначить эту границу. Вот досюда, дальше нельзя.

Есть еще одно, не менее важное решение, которое необходимо принять.

Давайте облегчим нашу задачу, подведя краткие итоги. Первое требование — провести черту, до которой вы позволите подрывать гражданские свободы и права во имя правого дела, а именно — ради победы в войне против наркотиков.

Второе требование — заранее и точно решить, что вы будете делать, если и когда произойдет вторжение в вашу личную жизнь. Иначе говоря, наступит тот момент, когда вы скажете: «Это зашло слишком далеко. Пришла пора мне принять какие-то меры».

Подумайте о том, что конкретно вы будете делать. Вы должны решить это для себя заблаговременно. И остерегаться. Легко сказать: «Ну, установленную мной грань перешли, но в остальном все кажется нормальным и не представляет угрозы, так что, пожалуй, я передвину свою черту чуть подальше». Это соблазнительная мысль, но она стоила жизни миллионам невинных людей во время фашистской оккупации Европы. <...>

Не отказывайтесь от своих прав только для того, чтобы облегчить жизнь полицейским. Да, это поможет изловить больше преступников, но это превратится в растущую угрозу и для вас самих. Участь полицейских и не должна быть легкой: основатели нашей страны ясно дали это понять. В свободной стране долг полицейского всегда труден.

В обществе свободных людей всегда будут иметь место криминал, насилие и социальные срывы. Такое общество никогда не будет находиться в полной безопасности. Но его альтернативой будет полицейское государство. Поли-

цейское государство может обеспечить тебе безопасность на улицах, но лишь ценой твоего собственного человеческого духа.

В заключение призыву вас помнить о том, что обвиняемый должен всегда считаться невиновным, пока не доказано обратное, и получить свое слово в суде. Интересующийся гражданин всегда должен получать доступ к любой информации, к какой пожелает. У него должны быть возможности узнать обо всем, что его интересует, и никакая идеология не должна мешать ему в этом. <...>

Я считаю, что постепенное сокращение законов, касающихся употребления наркотиков взрослыми, и широкое распространение правды о природе и воздействии — положительном и негативном — различных наркотиков, прекращение выборочных анализов мочи и вытекающего из них извращения правосудия, безусловно, приведет к сокращению количества заключенных в тюрьмах и обеспечит возможность использования денежных средств, выделенных на «войну с наркотиками», для проведения необходимых мер по улучшению социальной обстановки и общественного здоровья. Среди проблем, требующих немедленного решения, — проблема бездомности, наркозависимости и психических расстройств. А энергия профессионалов, работающих в органах правопорядка, вновь будет направлена на раскрытие преступлений, достойных их внимания и навыков.

Возможно, в некотором смысле наша страна станет еще более опасным местом для жизни, но вместе с тем она станет и более здоровой телом и душой, потому что молодые люди, расхаживающие с пистолетами по улицам наших городов, больше не смогут зарабатывать на наркотиках. Те, кто будут злоупотреблять наркотиками, смогут получить немедленную помощь вместо того, чтобы ждать ее по полгода и больше, мучаясь смущением и чувством беспомощности. А исследования в области наркотического воздействия на организм человека и возможного использования наркотических веществ в терапевтических целях снова возродятся в наших научных центрах.

И мы снова станем свободными гражданами свободной страны, примером для всего остального мира.

Наконец, я хочу зачитать отрывок из письма, которое получил только вчера. Это письмо написал мне один молодой человек. Он открыл, что психоделики немало способствовали его творческому росту в качестве писателя:

«Разве можно удивляться тому, что законы, запрещающие употребление психотропных препаратов, обычно игнорируются? Что за чудовищное самомнение (или глупость!) заставляет какого-то человека или группу людей считать, что они или кто-то еще имеют право или полномочия на то, чтобы контролировать изнутри мое тело или мой разум! <...>

Но то, о чем я думаю? То, что стремлюсь понять? Те биохимические реакции, которые я выбираю для того, чтобы они действовали в пределах границ моей собственной кожи, не являются объектом мнений, морали, законов или предпочтений любого другого человека!

Я — суверенное государство, и я чувствую, что мои границы куда более священы, чем границы любой страны».

На это я могу сказать лишь «аминь». Вот так. До следующей недели. m

шеф-редактор

Юлиана Лизер

ответственный секретарь

Юлиана Лизер

редактор рубрики

«книжная полка»

Михаил Шубин

дизайнер

Алена Липатова

фоторедакторы

Лех Урбаняк

Дарья Трофимова

иллюстрации

Андрей Ангара

Сергей Орехов

инфографика

Сергей Безухов

обложка

Андрей Ангара

авторы

Павел Никулин

Андрей Каганских

Евгения Офицерова

Анна Швыркова

Ксения Ермошина

Артем Асташенков

Женя Томов

Михаил Шубин

Capitan Fuckер

Нина Абросимова

Рия Голуб

Мария Мурадова

Александра Семенова

Юлиана Лизер

Максим Немцов

Константин Сперанский

редакторы и корректоры

Юлиана Лизер

Ульяна Онищенко

Евгения Офицерова

Петр Торкановский

Дарья Лаптиёва

Лидия Калоева

в журнале опубликованы

отрывки книг

Стивен Левитт,

Стивен Дабнер. Фрикономика. – Альпина Паблишер,

2017

Александр Шульгин,

Энн Шульгина. Фенэти-

ламинаы, которые я знал

и любил. – Ультра.Культу-

ра, 2003

фотографии

Юлия Лисняк

Вадим Брайдов

Дарья Трофимова

Ezra Asayan

Ливан Месхи

Иван Клейменов

Bodytomind.info

YouTube

Форум любителей

мотоциклов Triumph

triumphrat.net

Blotterbarn.com

Tageswoche.ch

Grandbanditisme.

canalblog.com

USDOJ

Goodfreepotos.com

ABCNT

Pedro Pardo, Contemporary

Issues

Vocal NY, Flickr

Hellsbells, Flickr

RAAD для Strabane

Chronicle

Bizzarrobarazar.com

**в оформлении журнала
использованы обложки
книг**

JM. Ageev. Роман с кокаи-

ном. – Захаров, 2013

Christiane Felscherinow.

Wir Kinder vom Bahnhof

Zoo. – Gruner + Jahr, 1980

Matthew Collin, John

Godfrey. Altered State:

The Story of Ecstasy Culture

and Acid House. – Serpent's

Tail, 1998

Баян Ширианов.

Низший пилотаж. –

Ad Marginem, 2001

Jay Stevens. Storming

Heaven: LSD and

the American Dream. –

Grove Press, 1998

Стивен Левитт, Стивен

Дабнер. Фрикономика. –

Альпина Паблишер,

2017

Александр Шульгин, Энн

Шульгина. Фенэтиламинаы,

которые я знал и любил. –

Ультра.Культура, 2003

главный редактор

Павел Никулин

moloko.plus

telegram.me/moloko_plus

vk.com/moloko.plus

Москва, 2017

Тираж 666 экз.

